

ART OF WAR

ОТ РЕДАКЦИИ

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Редакционная коллегия:
Илья Плеханов
Аркадий Бабченко

Главный редактор:
Илья Плеханов

Дизайн и верстка:
Андрей Аникеев

Корректор:
Виктория Руф

Фотография на обложке:
Боаз Ахаронович

Отпечатано в типографии:
ООО «ИПК Отис-Медиа»,
г. Москва,
5-я Кабельная ул., дом 2Б
тел.: 507-50-64

Телефоны:
8-903-524-16-19,
8-916-503-13-73

E-mail:
ilyaplekhanov@hotmail.com,
babchenkoa@mail.ru

**Почтовый адрес
для корреспонденции:**
115573, г. Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Тираж:
500 экземпляров

Подписано в печать:
04.11.2006

Цена свободная

Перепечатка или воспроизведение в любом другом виде целиком или по частям материалов из альманаха «Art of War» без ссылки на альманах или сайт запрещается.

Двадцатого ноября 1998 года Владимир Григорьев, который служил в Афгане переводчиком мотострелкового полка в Панджшире, набрал в поисковике слово «Афганистан» и увидел, что на эту тему... не высветились ничего! Афганской войны вроде как и не было. Во всяком случае, в интернете ее не существовало. Но она была... И тогда Володя создал свой сайт. Он назвал его «ArtOfWar» (<http://artofwar.ru>). Это был социальный проект, в котором Владимир приглашал воинов-интернационалистов рассказать о своей войне.

Сначала на сайте было восемь авторов. Потом — больше десяти, потом около двадцати. Со временем в их ряды влились «вьетнамцы», «африканцы», «карабахцы», «югославы», «приднестровцы», «чеченцы»... Оказалось, что многие из участников войн и локальных конфликтов — талантливые люди, способные создать незаурядные художественные произведения, особенно ценные своей искренностью, правдивостью и привлекающей читателей точностью фактов. На сайте публикуют свои произведения русскоязычные авторы из многих стран мира: Израиль, Восточный Тимор, Югославия, Ирак... И даже бывшие противники — под рубрикой «С другой стороны» о своей войне рассказывают афганские моджахеды, чеченские боевики. В рубрике «Переводы» представлены произведения солдат других стран на других языках о других войнах. Фолкленды, Персидский залив, опять Афган.

Мы не молчим. Мы начинаем новый проект. Теперь «Артофвар» будет существовать не только в электронной версии, но и в печатном варианте. И мы будем говорить. Чтобы вы знали — как это было. Потому что когда мы — солдаты этих войн — уйдем, правды о них не расскажет уже никто. А мы хотим, чтобы она осталась — правда. Мы хотим, чтобы вы ее знали из первых рук. Мы хотим, чтобы вы видели войну глазами тех, кто на ней был, прошли то, что прошел солдат, услышали то, что слышали мы. Мы хотим, чтобы вы знали настоящую правду, а не зализанную пропагандой и историей официальную версию.

Наш Альманах для тех, кто живет, кто помнит, кто хочет знать, что это такое — война. Она ведь не заканчивается с уходом бойца с передовой. Она в это время только начинается. С самим собой. С равнодушием, с несправедливостью, алкоголем, безверием, «афганским», «вьетнамским», «чеченским» синдромом... И длится она уже не месяцами — десятилетиями.

Она настигает солдата годы спустя. 5 января 2005 года Владимира Григорьева не стало. В сорок лет у него остановилось сердце...

Первый выпуск Альманаха посвящается его памяти — памяти Владимира Григорьева, основателя сайта, основателя нашего сообщества, человека, собравшего нас вокруг себя и давшего возможность говорить. Сегодня нас около трехсот.

Читайте.

От редакции 1

СУДЬБА: ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

Андрей Грешинов
«Разговоры на кухне» 4

АФГАНИСТАН

Владимир Григорьев
«Один день, который за три» 6

Павел Андреев
«Пыль» 11

ЧЕЧНЯ

Игорь Мариукин
«Нет больше той любви...» 13

Денис Бутов
«В августе 96-го» 16

Анатолий Воронин
«Коллектор» 20

СНГ

Сергей Скрипник
«В одной воронке» 25

Алексей Васильев
«Баку, Январь, 1990 г» 28

Арман Сагателян (Ся Го)
«Маленький Принц войны» 31

ЮГОСЛАВИЯ

Дмитрий Сухоруков
«Кот» 33

ВНЕ ЗОНЫ ВИДИМОСТИ

Егор Лосев
«Ночь Длинною В Жизнь» 37

Александр Гроз
«Серебряная Пагода» 40

ИНТЕРВЬЮ

Егор Лосев
«Чеченцы» в Ливане 43

ПЕРЕВОД

Письма Ахмад Шаха Масуда.
Перевод Андрея Грешинова. 46

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Июль 96-го. Москва.
Курский вокзал. Поезд на Владикавказ. 50

ПАМЯТНИКИ

Памятник солдатам Великой Отечественной
в Киеве в Южной Борщаговке 51

ПОЭЗИЯ

Владимир Григорьев
«Я лягу на спину: чудные облака» 52

Альберт Зарипов
«Война и ты» 52

Юрий Беридзе
«Паспорт для фрагментов» 53

Вадим Гусев
«Не вернувшимся, не дождавшимся...» 53

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

«...Я просто замаскировался под адаптировавшегося
после войны человека. На самом деле, я не человек в при-
вычном значении этого слова. Только никому не расска-
зываете. Вкусивший крови раз - не сможет пить вино...» 54

КИНО ПРО НАС

«Живой» 55

БАЙКИ

Александр Бешкарев
«Не пугай Родиной» 56

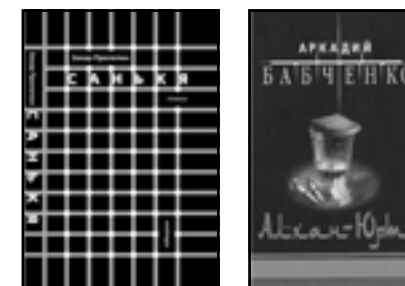
Андрей Загорцев
«Водки летчикам не давать» 57

РЕЦЕНЗИИ

Лиза Новикова.
Рецензия на книги Захара Прилепина «Санька»
и Аркадия Бабченко «Алхан-Юрт» 59

ВНЕ РУБРИК

Андрей Грешинов
Аркадий Бабченко
«Операция «Жизнь» продолжается» 60

Андрей Грешнов

27.04.1958. Родился в день Саурской революции. Пробыл в Афганистане 8 лет. Июнь 1979 — август 1980 — военный переводчик группы военных советников в ДРА (в/ч 44708 п/я 515-Б, группа Горелова). 4-я танковая бригада ВС ДРА. Район дислокации — г. Кабул, Пули-Чархи. Район дислокации — Джелалабад (трасса аэропорт — КПП Торкхам). Зона ответственности: трасса Джелалабад-Кабул. Конец 1982—1987, 1989 — корреспондент ТАСС в Афганистане.

<http://artofwar.ru/a/afgan/>

РАЗГОВОРЫ НА КУХНЕ

В первый же день нашего знакомства с Вовкой Григорьевым мы сидели на кухне моей московской квартиры и пили водку. Со стороны, наверное, могло показаться, что старые друзья, знавшие друг друга еще по детскому саду, по сотому разу перетирают давно знакомую историю — настолько обыденно и буднично звучали наши слова. До встречи со Славой Мироновым время еще было. Купленные в кабульском дукане в 86-м году настенные часы четко отбили положенные им три раза.

— Ходят сколько лет, ничего им не делается.

— Да уж. В 86-м, говоришь, купил? Интересный прибор.

Мы одновременно посмотрели на свои руки и дружно рассмеялись: часов никто из нас не носил уже много лет.

— Прикинь, Вова, история. У меня дома целых наручных часов две штуки. Это мы с отцом друг другу дарили. Я в 80-м ему из Кабула привез. А он мне «командирские» в 82-м презентовал. Они у меня встали почему-то, я их в Москве оставил. А в 83-м, за несколько дней до своей смерти, отец их починил на заводе и мне в Кабул передал с оказией. Хорошие часы. Его «Сейко» тоже не поломанные. Но сей-час ни те, ни другие не ходят.

— Часы странная вещь. Только своего хозяина любят.

— А с год назад наша продавец похвасталась, что у нее есть старинный брегет на цепочке. Ей денег надо было на куртку, я и купил у нее, целых четыре тысячи отвалил. Понимал, что обманываю ее, но уж больно вещь понравилась. «Павел Буре» серебряный, с двумя отшелкивающимися крышками. На внутренней стороне крышки написано: «Всемиловнейше пожалованы уряднику Василию Климову, 1898 год». Предыдущая хозяйка рассказывала, что часы какие-то странные. И страшные. Кто эти часы запустил, потом быстро умирал. Хронометр этот ее отцу подарил в 30-х годах один чекист. Говорил, что реквизи-

вали у белогвардейца перед расстрелом. Потом отец хозяйки часов погиб в Великую Отечественную, а сами часы ей достались. Только не ходили. Подумал я, подумал, да и решил их запустить. Нашел старого мастера — дряхлого дедка, который пару пружин заменил и выточил стекло взамен треснувшего. Думал сохранить для себя, знакомых удивлять. Да вышло все совсем не так, как ожидал. Совершенно неожиданно для себя подарил их на 50-летие своему другу Жоре. Сам от себя не ожидал такой щедрости, просто какой-то благородный порыв души. А он, когда их брал, странно так на меня посмотрел. Сказал, что в 2000 году будет конец света. Хотя растрогался. Сказал, что таких ценных подарков ему никто никогда не делал. А через два месяца умер в больнице от разрыва кишечника.

— Да, Андрюш. Часы действительно вещь странная. И чего тебя потянуло вдруг их покупать, а потом дарить?

Мы налили еще по одной. После чего я рассказал Вова другую занятную историю о часах. Я рассказывал, а он, подперев лысую голову правой рукой, внимательно слушал, вперившись в матовое стекло почти пустой бутылки...

Мы долго сидим за столом. Водка ни к чему. Головы уже освободились от тормозов, обычно работающих при встрече с незнакомцем — мы ведь знаем друг друга уже вечность. День за днем, месяц за месяцем в них как при замедленной съемке быстро проносятся странные цветные мультфильмы прошлого. Вот Вова в Баграме бубнит что-то через громкоговоритель, установленный на его БРДМ местным жителям, не желающим переходить на сторону народной власти. А вот его боевая машина летит под откос, сорвавшись со скалы. Вот он находит в Афганистане свою жену, вот он рисует

в Рухе, а вот мы в крепости Бала-Хиссар. Эта проклятая комендатура, попортившая нам столько нервов, даже на войне...

Нервы давно истрепаны как старые стершиеся джелалабадские мочалки, поэтому не особо реагируют на раздражители. С годами они перестали быть защитным барьером от внешней среды. Поэтому она, не стесняясь, бьет уже прицельно прямо в голову и сердце, оставляя в них маленькие пулевые отверстия.

Наша война. Как она далеко, и как близко. Мы, не стесняясь, рассматриваем «ветеранские» корочки друг друга, пытаемся расшифровать афганские каракули на наградных книжках, смотрим старые пожелтевшие фотографии. Мы такие разные и такие одинаковые. Над нами распростерлось одно и то же голубое афганское небо. Именно оно — объединительный фактор. Кто его не видел — тому никогда не понять, почему встречаются люди на этой войне, которая для нас еще не кончилась. Пос-

ледний солдат еще не вернулся с этой войны, это значит, что она продолжается.

Кабульский настенный хронометр четко отсчитывает наши часы и минуты, не давая поблажки. Пьем чай, едем в центр Москвы, возвращаемся опять ко мне домой. И говорим, говорим, не замечая окружающие нас предметы и живых людей. Мы давно не за столом, нас здесь нет...

Вовка часто звонит по телефону из Ленинграда и пишет по электронной почте — дает задания: встретиться с генералом Ляховским, помочь ему с переводом писем, купить ему две толстых книги. Он приезжает в Москву два раза, но я почему-то занят — то на даче, то на работе. А впереди конференция. Опять задания, опять оперативно, опять у Вовки нет денег. На постоянную работу он устроиться не может. Его Время сжирает его же детище — Интернет-сайт «ArtofWar», где он пытается собрать единомышленников, участников афганской войны. Он часто спрашивает, правильно ли он сделал, что пригласил на сайт «чеченцев»? Я отвечаю, что правильно. Ведь еще несколько лет, и они станут такими же, как мы — с отключенными рецепторами, расторможенными головами и больными сердцами.

Вовка собирает нас в Ленинграде, пытается объяснить, что кроме нас самих мы никому не нужны, и что мы будем живы, пока вместе. Он обращается к нам «Братцы!» Он говорит, что проходимцы и лжецы постараются осквернить нашу память, сделать деньги на нашей общей боли. Мы не слушаем его, веселимся, пьяные радостью встречи, находим, теряем, и вновь находим друг друга.

Вова сидит на диване на питерской кухне, склонив голову в афганском «паколе» мне на плечо. Он мирно спит. И пусть хоть на десять минут все плохое в этом гадком мире — ложь, предательство, лицемерие — исчезнет для него. Он уже не здесь. Над ним снова ярко-голубое афганское небо.

— Вова, почему на тебе нет Креста? Ты разве не веришь в Бога?

— Я верю в Любовь, Андрей. Только в нее. И ты это скоро поймешь...

Вовкина лысая умная голова. Интеллигентное лицо в маленьких очках. По ним стреляли душманы в Афганистане. По ним били ногами пьяные российские десантники, отмечавшие День ВДВ в Ленинграде. «Сука, мразь! Еще панаму афганскую надел!» — ублюдки в берцах, крошившие Вовины очки, не могли понять, что избивают чужую память и свою совесть, и что Вова ни за что, пока живой, не отдаст им свою афганскую панаму. Много лет назад не могли знать и афганцы, в кого и во что они стреляют...

Старый балкон с видом на речку. Вовка в накиннутой на плечи куртке и в афганской выцветшей панаме. Его любимый кот.

Мы и теперь иногда встречаемся в Ленинграде, в тихом тенистом лесу. Вовка все тот же, только немного поухудел и не улыбается. Он часто приглашает меня в Питер, хотя перестал звонить и не пишет. Я пытаюсь дозвониться до него, но равнодушный женский голос постоянно отвечает, что номер временно не обслуживается. Наверное, опять у Вовки деньги на телефоне кончились.

Я иногда приезжаю к нему, не дожидаясь официального приглашения. Он же сам так делал. Просто садился в первый поезд и приезжал в Москву. Мы подолгу вместе молчим о жизни. Как два дерева — живое и мертвое, склонившиеся над его камнем.

— Ну что, Андрюш, ты понял, что такое Любовь, и что верить можно только в нее?

— Да, Вова, понял. И я успел сказать тебе об этом в тот самый Новый год, когда ты себя плохо чувствовал, и у тебя отекали ноги. Ты круто повернул мою жизнь.

— Это пустяк. Главное, что ты понял. Ладно, давай по одной за встречу и покурим. Будешь дома — не забудь вставить батарейку в те афганские часы. Они мне так тогда понравились...

Владимир Григорьев

Старший лейтенант. Участвовал: Афганистан.

http://artofwar.ru/g/grigorxew_w_a/

ОДИН ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ЗА ТРИ

Почти неделю идет дождь. Очертания гор напоминают размытую кардиограмму на плохонькой серой бумаге. Наконец сегодня, когда я заставил себя вылезти в столовую на завтрак, в моем дувале обвалилась стена. Первый этаж, где находится ташноб — туалет по-нашему — не пострадал. Провалилась лестница на второй, где и живем мы с Николаичем, да рухнул кусок стены, возле которой стоит моя койка. Эта глыба самана пробила крышу соседней одноэтажной пристроекки — полковой библиотеки. В результате пострадали — собрания сочинений Чехова и Ленина, еще три стеллажа с книгами и журналами, а также я. Конец февраля все-таки, и довольно прохладно.

Кое-как, по обломкам лестницы взгромоздился я в свою комнатушку. Сел на койку, закурил, призадумался. В принципе ничего, конечно, смертельного нет. Та стенка, на которую я открытки с видами Ленинграда, что мне регулярно отец присылает, наклеиваю, стоит целехонькая. Пол, вроде, не повело. В комнату особо не затекает. А перекаптоваться у кого-нибудь до солнечных денков — не проблема.

В общем, снимаю со стены АКМС, «лифчик» китайский с магазинами и гранатами, скатываю спальник западногерманский и иду к огнеметчикам. Их дувал прямо напротив моего, метров тридцать. Командир взвода химической защиты — это так огнеметчики называются — Серега живет в довольно просторной комнате вдвоем с начхимом полка Григорьичем. Начхим сейчас в командировке, повез гроб куда-то на Украину. Принимаю, говорю, Серега, пополнение. Поживу пока у тебя.

А ему и в радость, скучновато по такой погоде одному куковать. Через десять минут серегин боец чайник бражки туевой из комендантского взвода приволок. Сидим, попиваем потихонечку. За окном поливает. «Орбита» концерт какой-то симфонический показывает. Короче, настроение — туши

свет, бросай гранату. Серега мне обещает, мол, как дожди пройдут, выделю тебе пару бойцов на ремонт хибары, а то Николаич обломается, из отпуска приехал. Николаич — я говорил — сосед мой по комнате. Пропагандист полка, майор. Некоторые, за глаза, зовут его пропагандоном. Но это зря они. Уж кто-кто, а я его за год хорошо узнал. Хороший Николаич мужик, порядочный. Сейчас дома в Минске развлекается.

А с Серегой мы уже года полтора знакомы. Начинать я службу в дивизионном агитотряде начальником звуковещательной станции — БРДМ с громкоговорителем на башне. Водила — Толик, оператор, он же стрелок-пулеметчик — Валерка, да я. Экипаж машины боевой.

Где-то через месяц, как границу пересек, загремел я со своей станцией на армейскую операцию в провинцию Логар или Вардак — сейчас уже и не помню. Короче, выкатываемся мы из кишлака, где замначальника политотдела дивизии Жилин пытался объяснить дехканам, почему наш вертолет по ним ракетой засобачил. Точнее, объяснить, что вертушка была не со-

ветская, а афганская, и он, Жилин, не в курсе дела. Выруливаем мы в конце концов за холмик невысокий. Там уже разведчики согнали человек тридцать в кучу.

Оказывается — местный отряд самообороны, царандой. Сажает кабульские власти таких вот ребят в какой-нибудь кишлак. Выдают им форму, один автомат на пятерых. Там, как в данном случае, зачастую даже местных органов управления никаких нет. Начальство уезжает, и, если далеко, от отряда такого одно название остается, да и то не всегда. Потому как не знают они, кого от кого они оборонять должны. Вот и эти — все одеты в царандоевскую форму с нуля, то есть — ненюшенную. Куртки, брюки, кепки мятые, только-только, видно, из мешков подоставали. Свои, мол. Оружия ни у кого нет. Как пить дать, или продали духам, или те сами отобрали. Ладно, их дела.

Чуть поодаль дух сидит связанный. Разведка объясняет — с оружием взяли. В ногу ранили, вот и не смог уйти, отстреливался до последнего патрона. Замначпо к нему подошел, рубаху оттянул — для понту, конечно. Все вер-

но, на плечах от «лифчика» следы. Тут и «лифчик» принес лейтеха с разведбата, и автомат — «калашников» китайский. Тем же утром, кстати, секретарь парткомиссии нашей дивизии в перестрелке сдуру замочил китайского инструктора. Прямо в лоб закатал «брату навек».

Трофеи унесли, повернулись уходить. Лейтеха, гад, развернулся и, типа случайно, душарику пяткой всю мор-

все хорошо. Заладил как попугай. Уже народ откуда-то появился. Жилин сверху скачет. А у меня отключка начинается. Муть какая-то перед глазами. Вдруг мне кто-то в пасть флягу втыкает и вливает спиртика глоток. Сразу оклемался.

Вот так и познакомились с Серегой. Он со своими ребятами и разведчики с новоиспеченными царандоевцами понизу шли. И наш БРДМ им

Стою на четырех костях и тупо смотрю, как станция моя под горку кувырывается. Только пыль столбом. Все, думаю, отъездился Толик.

ду расквасил, и до того сильно помятую. Жилин говорит, нехорошо, мол, товарищ лейтенант, пленного бить, пусть им ХАД занимается. Сомневаюсь я, правда, что дух тот до хадовцев дожил.

Ну ладно, залезли на броню и вперед, к лагерю. Первым жилинский БТР по склону попер — по низу дороги не было, только тропа. Накренился на левый бок, но едет потихоньку. Жилин с него рукой машет, давай, мол, за мной. Я ему через «говорящую шапку» передаю, не проедем, у вас восемь колес, а у нас четыре. Кувырнемся к свиньям. Ничего, отвечает, пройдите. Ну, хрен с тобой, вперед! Ноги из люка вытянул, автомат в руку взял и Валерке — он слева сидит — говорю, чтоб был готов, если что. Поехали. Прошли метров сорок — все. Чувствую, правый мой борт вверх пошел. Ору что-то Валерке и прыгиваю.

Стою на четырех костях и тупо смотрю, как станция моя под горку кувырывается. Только пыль столбом. Все, думаю, отъездился Толик. Буквально вчера он мне рассказывал, что, когда [в колхозе шоферил до армии, вез как-то полцистерны молока. Вот на повороте, да на скорости это молочко его машину в кювет и выкинуло. Ничего, говорил, только царапинами отделался. Тут, похоже, не тот случай.

На ватных ногах поковылял вниз сквозь завесу пыли. Метров через десять на Валерку наткнулся. Сидит в обнимку с нашим громкоговорителем, живехонький, покореженные крепления зачем-то шупает. Тишина, только камешки под ногами шуршат. Подхожу к машине — на боку лежит. Сел на задницу, сижу. В люк заглянуть — все равно, что голову в петлю сунуть.

Тут меня за плечо тормошат. Обращиваюсь — Толик. Стоит на своих двоих, рот до ушей. Все хорошо, говорит, товарищ лейтенант, все хорошо,

чуть не на головы свалился. Сначала, правда, Толик прилетел, которого из люка выбросило.

А через пару недель мы с Серегой на соседних койках в госпитале очутились. С брюшным тифом залетели. Температура тела — сорок градусов по Цельсию. Без димедрола не заснуть. Хреново, короче. А жратва! Если по весу — левомицетина за сутки больше съедали. По вкусу, правда, примерно одинаково.

Когда температуру сбили — нужны развлечения. Серега быстренько обучил больных искусству игры в «балбеса». Когда кон заканчивается, проигравший тянет две карты — сколько раз и каким количеством карт ему по оттопыренному мизинцу стучать будут. Сначала вторым играли, с Витькой — «комсомольцем» десантного полка. Потом вся палата втянулась. С утра до ночи только и слышно — шлеп, шлеп, шлеп. Кроваваден человек, особенно, если — как

Витя — за весь день только раз десять кому-нибудь настучит. В остальное время получает, когда его очередь играть, конечно. Выписывался Витька — мизинцы с указательными вровень были.

Полежали, отдохнули, похудели. После выписки я несколько раз у Сереги на выносной позиции бывал. От дивизии километра четыре. В степи пятчочек — три землянки, траншея-каре, пара пулеметов Владимировых станковых. Рядышком в кишлаке — метров семьсот — пост отряда самообороны, душарики, проще говоря. На посту том была волейбольная площадка, непонятное для тамошних мест сооружение с настоящей сеткой и скамеечками для зрителей по бокам. Площадка почти всегда была занята играющими афганцами, изредка приглашавшими поиграть в мячишко бойцов с серегинной позиции. Наши неизменно проигрывали.

Как-то раз Серега заезжал по делам в дивизию и на обратном пути пригласил меня в гости. Делать мне тогда было нечего, я и согласился. Приехали на позицию. Там уже собралась вся капелла: Саня и Женя — взводные с огнеметной роты, старшина роты Васильич и техник Жора. Васильич отмечал день рождения. В специально оборудованном окопчике за командирской землянкой солдат украинец подкидывал досочки в огонь под бачком с брагой. Взад-вперед бегал боец с ведром — менял воду в баке со змевином. Самогон чинно капал в трехлитровую банку.

В ожидании окончания процесса баловались водкой, в небольшом коли-

честве купленной на базаре. Васильич находился под следствием за продажу афганцам машины пищевого жира и особо не роскошествовал. Водка уже заканчивалась, когда в землянку протиснулся Азим, командир отряда самообороны. После непродолжительных приветствий и «штрафной» перешел к делу. Встал, прокашлялся, и от лица правительства — так и сказал — предложил сыграть в волейбол. В случае нашего проигрыша, Серега отдает на пост всю деревянную тару из-под патронов и всякой другой ерунды. Если же мы выиграем — получаем пять бутылок водки.

Васильич начал медленно вставать с табуретки. Ты что ж это, Азим, кричит. Наши дрова в две тыщи афшшек оценил? Дружба дружбой, а денежки денежками. Честно говоря, это была, конечно, не цена. Начинались холодные денечки и эти доски можно было загнать гораздо дороже. А играть в волейбол с азимовскими тренированными ребятами — безнадега. В «балбеса» — еще куда ни шло. Азим на отказ вроде бы и не обиделся, посидел еще минут пять и отвалил к своим.

Васильич посмотрел на часы и пошел делать «шурави контроль» — проверить работу самогонщика. Вернулся удовлетворенный и, похоже, опробовавший. Пять минут, говорит, и все будет чики-чики. Сидим, курим, обсуждаем последующую культурную программу. Имеется в виду вечерний заезд в госпиталь и общение с противоположным полом.

Вдруг со стороны заветного окопчика мат-перемат доносится. Из землянки всех в момент сдуло, будто в нее граната залетела. Подбежали к аппарату. Стоит солдатик, трясется весь, в руках пустая банка. Донышка нет —

весь мокрый спереди. «Ревизор» — немая сцена. Ну, в общем, чего там говорить. На Васильича смотреть больно. Постарел как-то сразу лет на десять.

Деньги вообще-то были. Да ехать на базар не на чем. Единственный БТР

Через три минуты у меня произвольно отвисла челюсть. Впечатление было такое, что на площадке появились три члена сборной Союза. Мячи брались такие, что глазам не верилось.

техник роты пять минут назад в рембат погнался. Собрали сто чеков, Серега взял двух бойцов и пошел к Азиму, пять бутылок выпрашивать. Через полчаса вернулся смурной. Не дал, говорит, Азим водки. Хотите, мол, давайте в волейбол на моих условиях, не хотите — самим пригодится.

Васильич к «Владимирову» кинулся, давай его на пост наводить. Еле оттащили. Народ уже на взводе, требует, как говорится, продолжение банкета. Делать нечего, Серега строит личный состав. Ставит боевую задачу типа — победим или умрете. Отбрали шестерых бойцов покрепче. Васильича с собой не взяли, как он ни рвался. Нельзя, Васильич, сказали ему, у тебя сердце, оставайся за старшего.

Бойцы, не осознавшие, видимо, до конца всей важности поставленной задачи, первую партию позорно продули. Серега, Саня и Женя переглянулись и начали стягивать тельники. Лица строгие, торжественные. Я бы тоже рыпнулся — раньше неплохо играл в волейболчик — да в очках не больно-то попрыгаешь. Азим облился сигарету, прикурил и свистнул в самодельный свисток. Вторая партия началась.

Через три минуты у меня произвольно отвисла челюсть. Впечатление было такое, что на площадке появились три члена сборной Союза. Мячи брались такие, что глазам не верилось. Серега, несмотря на неболь-

шой рост, порхал над сеткой как бабочка. Саня с Женей летали по площадке, почти не касаясь земли. Растерянный Азим дважды пытался прикурить сигарету с фильтра. Афганцы меняли игроков почти после каждого перехода подачи, не помогло. Не помогло. Матч закончился со счетом три-два в нашу пользу.

С чувством выполненного долга возвращались мы на позицию. Васильич, издали заметив сверкающие на солнце как медали бутылки в наших руках, исполнил на бруствере танец «чунга-чанга».

Вечером вернулся техник роты, и меня отвезли в дивизию. При этом потеряли час, гоняясь по степи за дикобразом. Подняли такую стрельбу, что чуть друг дружку не перебили. Дикобраз избежал смерти, нырнув в какой-то кяриз. Уверен, что две гранаты, брошенные нами туда же, особого вреда ему тоже не принесли.

А еще через месяц меня направили сюда, в полк, переводчиком штаба. Как бы на повышение. Со старлейской должности на капитанскую. Да и в прямом смысле повыше — на две двести на уровне какого-то моря.

Подразделения нашего полка дислоцируются в бывшем уездном центре. Стоит он, точнее то, что от него осталось, в печально известном ущелье. Полк залатал уцелевшие после артиллерийских и бомбовых ударов саманные домишки, понатыкал на окрестных вершинах посты боевого охранения, огородился минными полями. Жизнь в таких условиях примерно напоминает жизнь на зоне, как я ее себе представляю.

Мне, правда, грех жаловаться. Прилетел уже на все готовенькое. Поселился в клубе, как уже говорил, на втором этаже, над туалетом. Очень удобно, кстати. С соседом, Николаичем, без конфликтов живем. Гонял он меня поначалу за курение в комнате, потом плюнул. Хрен с тобой, сказал, может хоть москитов поменьше будет. Москитов, может, меньше и стало, но

лихорадкой-трехдневкой нас по несколько раз уже протрясло.

Один у Николаича минус — любит в комнате пострелять. У нас между крышей и потолком пустое пространство. Там крысы гонки устраивают. Вот Николаич их на звук из автомата одиночными и мочит. Сидит иногда, пишет чего-то там пропагандистское. Вдруг замирает. Тихо, говорит, Вова, тихо. И за автоматом тянется. Я из комнаты вылетаю, а там уже война идет — только дым пороховой из-за двери выплывает. Наконец командир полка его предупредил. Вроде затих на время. Через неделю не выдержал, выпросил у разведчиков «Макарова» с пзбэсом — бесшумку, короче говоря. Ладно, говорю ему, Николаич, флаг тебе в обе руки, пали на здоровье. Шума почти никакого, только порохом шмонит. А вот когда дожди начались, помянул я соседа тихим добрым словом. Комната наша душевую стала напоминать. Пришлось заново крышу рубероидом крыть.

А через пару месяцев после меня и Серега прилетел. Что-то у них там в роте приключилось и всех взводных раскидали кого куда. Саню на аэродром в Кабул, Женю — на Саланг. Сереге к нам «посчастливилось», в медвежий угол. Так и живем теперь рядышком, а когда и на войну вместе ходим.

Ну, так вот, значит, сидим, бражку тутовую попиваем. Слышим — по лестнице кто-то к нам топает. Дверь распахивается и вваливается Рома — начальник службы горючесмазочных материалов полка. Пьяный, зараза, в лам. На руке бушлата повязка — «Дежурный по полку». Ни здрасте, ни привет — аккуратно ставит автомат в уголок и падает, как подстреленный,

ничком, то есть мордой обо пол. Мама родная! Переворачиваем его — рожа в кровяни, из разбитого носа уже в уши затекает. Ну, все, — Серега говорит, — опять чмо подставу лепит. Если его сейчас здесь выкупят в таком виде и при исполнении — всем по суду чести, как с добрым утром. Роме юбилейный, третий. Рома парень-то, в общем, неплохой, если крыша не едет. Пятьдесят с лишком колонн прошел. Всех друзей и начальство «горючесмазочным» обеспечивает по честному. На его должности такие бабки можно делать, что рехнуться можно. Рома же сам пьет, других поит, но о деньгах речи никогда не ведет.

Заквасили они как-то с нисом — начальником инженерной службы — полгода, наверно, назад. Рома спать завалился, а сапера понесло занятию с молодым пополнением проводить. Построил солдатиков полукругом вок-

Банька у нас шикарная, с бассейном, парная эвкалиптовыми досками обшита. В комендантском взводе находится, соседний, кстати, с серегиным дувал, через арычок перепрыгнул — и там.

руг себя, взял мину противопехотку. Вот, говорит, ребята, мина нажимного действия. Сюда наступаешь — и, до свиданья, Таня. Показываю! Нажимает — рукой, правда, — и от него одни штаны остаются. Солдат немного посеколо, кто поближе стоял, благо все в бронезилетах были, кроме ниса.

Туда-сюда, разбор полетов. Как нис мог так нажраться, что настоящую мину от учебной — у нее полоса белая вдоль корпуса — не смог отличить? Кто поил? А тут вариантов не много. Рому на кракалык. Суд чести младших офи-

церов — такой-сякой, плохой. Но отделался выговором — кормилец все-таки. Это у Ромы уже второй суд был. Первый тоже за пьянку, но я в подробности никогда не вдавался.

И сейчас лежит, кабанина, и, вместо того, чтоб в дежурке сидеть на телефоне, засвечивает дувал, где мы уже с Серегой тутовки треснули. Садимся думать. Ни черта не нагадали, суем «антиполицией» под язык и ташимся по жидкой глине в дежурку.

Там помощник дежурного сидит — прапорщик Сидорин. Тоже, тот еще конь. Прошлой осенью собрался в отпуск. Отвальная — все честь по чести. Наутро с чемоданами поскакал на взлетку. Погода — дрянь, вертолеты не летают. Проторчал там до вечера, уныло глядя в небеса. Вечером опять бензин-керосин. На следующий день картина повторяется. И так еще три дня. На шестой вечер пил он в комендантском взводе. Выпил литровку самогонна, и, не прощаясь, вышел. Все думали, что спать пошел Сидорин. Ни хрена подобного.

Утром выясняется — пришел к себе в батальон, надел броник, каску, взял автомат, чемоданы и пошел домой пешком. Это в Рязанскую область. Да по нашему ущелью, где «бородатые» белым днем спокойно разгуливают. Короче, тормознули его, и то случайно — Сидорин всякие военные хитрости применял — уже на выходе с территории полка. Связали и отнесли в батальон. Командиру не доложили — подумаешь, крыша у человека поехала. На следующий день, конечно, весь полк об этом знал.

Такие дела. Серега к нему подъезжает, Сидорин, мол, не знаешь, куда дежурный пошел? В третий батальон,

отвечает. Часа два назад. Ну, все понятно. В девятой роте Рома наклюкался. Спрашиваем у Сидорина, где командир полка. В бане, оказывается, вместе с замполитом. Банька у нас шикарная, с бассейном, парная эвкалиптовыми досками обшита. В комендантском взводе находится, соседний, кстати, с серегиним дувал, через арычок перепрыгнул — и там.

Серега звонит в девятую роту и вызывает от имени дежурного старшину и двух бойцов. Можно, говорит, без оружия. Через пятнадцать минут при-

бегают косящий под трезвого прапорщик Конев с бойцами. Волочем их к Сереге. Рома в той же позе, кровищи натекло, как из поросенка. Конев за сердце хватается — жив, нет ли? Давайте, говорим, Ваня, волоките его в санчасть, раз мужика так ухайдакали. И чтоб через полчаса Рома на ногах мог стоять и языком ворочать, да рожа чтоб в порядке была. А с фельдшером сам потом разберешься.

Надо Роме помочь, все-таки наш человек. Ему давно орден полагается, а он с двумя судами чести ходит. Впрочем, чего про ордена говорить. Не та тема.

Приносит нам боец еще чайничек тутовой. Серега его спрашивает, Нарметов, мол, чем командир взвода занимается? К политзанятиям готовится, отвечает тот. Правильно, Нарметов, молодец — свободен. И, правда, молодец. Где-то полгода назад выходили мы с боевых по ущелью к полку. Километра полтора оставалось. Вдруг справа сверху по нам ДШК заработал. Сразу трое раненых. Все попрятались, конечно, но точку засекали, по пыли. Метров сто выше по склону, на полочке гранитной. Тут Нарметов и отличился, накрыл пулемет с первого выстрела. Не хотел бы я оказаться там, куда капсула огнеметная попадает. Мало там чего остается.

Ну, ладно. Сидим, закусуваем. На счет замены разговор заводим. Я-то двухгодичник, мне заменщика ждать не надо, уже через полгода «звонок» — и в запас. А Сереге надо сначала заменщика дожидаться, который появиться может и на месяц и на три позже, чем надо. Да еще голову ломать, куда потом отфутболят — в ГДР или на Дальний Восток. Но эту тему мож-

но долго обсасывать двум профессиональным военным, так что скоро переезжаем на женщин. Только Серега начинает рассказывать об одном из своих приключений во время отпуска, слышим, кто-то по лестнице поднимается. Заходит Вова-майор с центра боевого управления, по кличке «Полковник». Выпивает кружку браги и начинает новости рассказывать.

С двадцать первого поста душарики станковый гранатомет уперли. Ча-

От того смертельного номера, правда, у меня остались самые неприятные воспоминания. Как тогда живы остались — ума не приложу.

совой, из молодых, как увидел бордастые мокрые морды, позабыл, что у него на пузе автомат болтается и дал деру по ходам сообщений к своим. Вернулись кодлой — гранатомета нет. В общем, надо идти командиру полка докладывать, а он в бане с замполитом квасит. Так что, Вовка говорит, я у вас посижу тут чуток. Распатрониваем сухпай. Нарметов отправляется за очередным чайником.

Вовка раньше командиром четвертой роты был, но год назад его бэмпешка на фугас наехала. После той контузии, как сильно разволнуется — его кондрашка хватает, откачивать приходится. Вот сейчас и сидит на ЦБУ. Правда, работенка такая, что его оттуда частенько на руках выносят и в санчасть волокут. Как, например, две недели назад, когда наша колонна на мины напоролась. Восемь человек погубило. Среди них зам по тылу третьего батальона Николай Николаевич. Ему сначала ногу оторвало, потом сер-

дце не выдержало — за сорок мужику было.

Серега вызывает дневального, посылает к комендачам, следить, когда начальство «помывку» закончит. Часа не прошло — возвращается. Там, говорит, внизу. Это самое. Командир полка в арык упал, вылезти не может. Бежим вниз, не каждый день на такую хохмочку взглянуть можно. Там уже Нарметов кэпа за руку из арычка тянет. Дождь идет, глина скользкая.

Кое-как вытянули. Весь грязный, еле стоит, «мяу» сказать не может. Кто-то догадливый уже за командирским денщиком сбежал. Тот начальника под бока — и домой поволок. Замполита обнаруживаем спящим в бане, в раздевалке. Накидываем на него его же одежку и оставляем спать на месте.

Вова выпивает еще кружечку и идет к себе в бункер, управлять. А мы с Серегой тащимся по грязюке в санчасть. В «приемной» Рома сидит, глазами хлопает. Один глаз все норовит к переносице отъехать. Кровушку с него Санька-фельдшер уже стер. Золотой парень. Со второго курса мединститута забрили. Сейчас, говорит, оклемается старший лейтенант. Чем-то он Рому кольнул — у того рукав закатан. Проходит пара минут — Рома четким голосом произносит — дети мои! И начинает плакать. Поскольку детей у него нет, принимаем это на свой счет и, как можем, начинаем его успокаивать. Минут через десять Рома возвращается в реальную действительность. Вова, спрашивает он меня, а помнишь, как мы в Дурани бочку соляры духам загнали? Помню, говорю. От того смертельного номера, правда, у меня остались самые неприятные воспоминания. Как тогда живы остались — ума не приложу. Берем Рому под белы ручки и волочем в дежурку. Зря, говорим, Сидорин, парились. Командир-то еще покруче Ромы набульбенился.

Возвращаемся к Сереге. Бражка кончилась. «Орбита» свои передачи закончила. Дождь за окном, темень. Давай, говорю, Серега, по койкам. День какой-то дурацкий. Дом развалился, собака. Рома замотал. Гранатомет уперли. Командир в арык наверхнулся. Шло бы оно все к чертовой матери.

Санкт-Петербург,
сентябрь 1992 года.

Павел Андреев

Родился — в Казахстане. Служил сержантом, в Кандагарской бригаде, призыв осень 1981-83. п.п 71176-з. (Это буква «зэ», а не цифра «три»). Живу — на Урале.

<http://artofwar.ru/a/afgan/>

ПЫЛЬ

Солнце палило почти в макушку. Беготня за неуловимым противником по виноградникам изматывала нещадно. Группы мальчиков с автоматами по 6-8 человек, выполняя приказы-корректировки групп управления, метались, пытаясь выдержать дистанцию между друг другом и график выхода в контрольные точки. Тех стратегов, что рисовали стрелки на картах, по понятным причинам не было рядом с нами и они не смогли разделить нашего энтузиазма, вызванного очередной вводной.

Пленный сидел в тени дувала на короточках. Неподалеку, уткнувшись своим хоботом в мутный поток широкого арыка, стоял наш танк, подорванный этим тшедушным худым человеком с мотыгой. Его взяли сразу после взрыва, он прятался в винограднике, в который вели провода от мощного фугаса, заложенного в тело маленького узкого мостика через широкий арык. Если бы не война и серьезность случившегося, можно было подумать, что этот человек хотел подобным образом избавиться от ужасных мучений хлипкое, но каким-то чудом выдерживающее жуткое давление многотонной стальной махины танка, тело обычного мостика через арык.

Танкисты шустро сновали вокруг танка. Натужно гудели БТРы, пытались помочь вытащить танк, оказавшийся в ловушке. Медленно, степенно, скрывая силу своего течения, нес свои мутно-желтые воды арык. Эфир был наполнен командами и обрывками фраз из рапортов и приказов. Батальон пытался не расползтись по зеленке, сохранить порядок в кажущемся хаосе движения разрозненных групп. Обычное состояние на проческе, когда кто-то попадает между полупопий аллаха. Обычное «бежим-лежим».

Наша группа из восьми человек вылетела к мосту как раз к моменту «раздачи слонов». Покрытые пылью, в хрустящих от пота х/б, обвешанные лифчиками, лентами от ПК и «мухами», выдрессированные дембелем — старшим сержантом по кличке «Бульба» — мы, возглавляемые дагестанцем Алибеком, выполняющим роль дозор-

ного и минной собаки одновременно, видимо, представляли колоритную картинку должников-интернационалистов.

Наше появление было явно заметно среди царившей деловой суеты бронегруппы.

Держась в рамках неписанных законов, мы не стали изображать поход к водопою в период засухи, а чинно продемонстрировали, как можно с толком использовать себе на пользу подобные минуты отдыха. Быстро построились, посчитались, «в затылочек» отбежали без лишнего шума в тень уже подмеченного заранее дувала, соблюдая дистанцию прямого оклика, уважая голосовые связки командира. Мгновенно легли, уже по заранее утвержденному порядку определили очередность походов парами к арыку. Чтобы не придавать праздности нашему присутствию, молодые остались стоять, изображая своими тремя телами строй из шести человек, пока сержанты, я и Миша, бодро засемили с докладом в сторону комбата, стоящего в кружении других офицеров.

Вслушав степенный, без подробностей и эмоций доклад старшего

группы, комбат, повернувшись спиной к нам обоим, сказал Бульбе просто и обыденно: «Прочешешь, сынок, правый фланг до рубежа сушилки, что в 300 метрах от нас дальше по арыку, там закрепиться и жди продолжения. Там и отдохнешь. Ваша рота идет дальше. Вы остаетесь с бронегруппой. Все, вперед, сынок!»

Второго «индейца» нашел Алибек. Когда мы его увидели, он уже потерял интерес к происходящему и покорно взирал на остальных семерых русских, что окружили его и с нескрываемым интересом мысленно примеряли его шикарные кроссовки, веря заверениям Алибека, что денег у духа не оказалось. Видимо, ссадина с левой стороны челюсти бедолаги была результатом его разговора с Алибеком на тему «шкурных вопросов». Кроме каких-то бумажек у него не оказалось ничего. Даже часов. Хотя, какие часы после Алибека?

Наш «толмач» Эргашев вынес приговор нашей находке — дух, причем не самый последний, судя по одежде и кроссовкам. Пленный лопотал что-то про виноград, хозяина виноградника,

сбежавшего в Пакистан и про машину, что должна была приехать за урожаем винограда по сломанному нами мосту... А вот про мост он пусть комбату раскажет, решили мы.

Комбат пришел в сопровождении связиста и пленного худого дехканина с мотыгой, пойманного ранее ребятами из бронегруппы. Наш дух стоял с гордо поднятой головой, на его ногах уже красовались солдатские ботинки без шнурков, явно не соответствия его расписной роскошной жилетке с оторванным зачем-то карманом. Мы уже знали, что раненный при взрыве танкист скончался в вертолете. Мы так же знали, что он был родом из Волгограда, а это было одно из крупных землячеств в бригаде. Комбат тоже был родом из Волгограда, что, очевидно, шансов духам не прибавляло.

Комбат постоял несколько секунд напротив нашего духа. Послушал его лепет, затем, повернувшись в мою сторону, кивнул мне головой в сторону сушилки. Я развернул бедолагу и подтолкнул для скорости. Я первым вошел в сушилку, за мной зашел дух, за ним комбат. В сушилке было темно и сухо. Темнота создавала иллюзию прохлады. Из стен сушилки торчали палки с навешанными на них виноградными кистями, обильно присыпанными мелкой белой пылью. Каждое мое движение поднимало целый рой этих мельчайших частиц и создавало чудную картину их движения в воздухе в свете солнечных лучей, пробивавшихся сквозь дырки в стенах сушилки. Комбат остановился и я хорошо видел его. Дух был между нами и стоял лицом к комбату. «Душман?», — без обиняков спросил комбат афганца. «Нис, дуст», — афганец сделал удивленное лицо, голова его задергалась в ритм выговариваемых им со скоростью пулемета слов. «Подойди-ка, сынок», — подозвал меня комбат и я, стараясь поднять как можно меньше пыли, протиснувшись между жердями с виноградом и афганцем, пошел к нему. «Посмотри за входом, чтоб не мешали», — сказал комбат. Я оказался за его спиной. Афганец что-то лопотал, комбат слушал его рассеянно, зачем-то глядя по сторонам. «Значит, много наших ребят положил?» — подвел он итог разговору. Афганец видимо понял перемену, уловив настроение комбата по интонации сказанного им. Он хотел что-то сказать в ответ, для убедительности протянул руки к комбату и тут же получил от него жесткий удар «шито» в живот. Несказанные слова застряли в его горле, задохаясь, он схватился за живот и согнулся пополам, продолжая хватать воздух ртом. «Сынок, дай-ка нож», — комбат протянул руку, обернувшись вполборота ко мне. Тут я хочу объяснить, что нож я носил в РД, в специально пришитом кармане

на клапане, что позволяло его доставать, если тянуть строго вверх из-за головы — без ножен и, если тянуть вправо-вверх — с ножнами. Вот и весь фокус.

Я, не успев понять, что происходит, достал по команде нож в ножнах. Это было моей ошибкой. Комбат, приняв нож из моих рук, с поворота ударил им духа по шее. Дух захрипел и опрокинулся от удара на спину, подняв тучу пыли. Комбат, со словами: «Что ж ты меня позоришь, череп!», швырнул мне, оголив нож, ножны. Ножны попали прямо мне в лицо, ослепив меня на миг. Когда вспышка в глазах и искры от нее прошли, я увидел, как комбат, оседлав тело духа, опрокинутое на спину, раз за разом вгоняет в него нож со словами: «Где ж у него сердце-то?». Пыль, что кружилась в этом бешеном танце смерти в свете солнечных лучей, рожденном движением двух тел, придавала картине какую-то нереальность. Когда комбат поднялся, я продолжал стоять, замороженный этим солнечным потоком пыли...

Я так и запомнил этого духа. Косые лучи солнца сквозь дыры в стене пронзают темноту сушилки. Гроздь винограда, собранные чьими-то заботливыми руками, несмотря на войну и разруху. Подбитый танк. Взорванный мост. Арык с сильным, но медленным течением. Погибший танкист. Наша группа, уставшая, потная, вся в пыли. Комбат с воспаленными глазами. Кажущаяся прохлада сушилки. Тело мертвого духа. Нож в моих руках со следами чужой, густоющей на глазах крови. И пыль. Везде пыль. Мелкая, всепроникающая. Витающая над всем происходящим. Медленно оседающая в черную лужу крови. И лишь в контрасте солнечных лучей и темноты сушилки виден ее танец, наполненный глубоким, как мне тогда показалось, смыслом. Мы все песчинки в шлейфе каких-то движений судьбы. Кого-то она заставляет подняться и кружиться в этом танце света и темноты, а кто-то остается неподвижным и безучастным, как тот дехканин с мотыгой, не подозревающий о том, что ему тоже придется принять уже уготованную ему судьбой участь.

Танк удалось выгашить и его утащили в бригаду прибывшие на помощь танкисты. Батальон к вечеру все-таки вышел из зеленки, выполнил поставленную задачу, прочесав район.

Ротный погиб через месяц после этого рейда — восьмого июня 1982 года — под Калатом. Выстрел из гранатомета, пробив БТР навзлет, попал ему в голову. Его похоронили в Мелитополе, на Семеновском кладбище. У него осталась молодая жена, с которой они пробыли в браке всего несколько месяцев. Мать не пережила потерю сына и умерла. Следом за ней умер отец ротного. Из семьи осталась только старшая сестра.

Через пять месяцев после рейда Бульба улетел на дембель, к себе в Белоруссию. Спустя три месяца, в бригаду пришел запрос из прокуратуры — Бульба крепко попал на гражданке. Алибек демобилизовался весной 1983 года — горюют, стал милиционером! Эргашев благополучно демобилизовался спустя почти год после этого рейда. Трудится где-то в Узбекистане.

Так же, через год после рейда, демобилизовался комбат. Служил на Украине. Потом уволился, потерявшись на гражданке — без привычной тяжести автомата на плече и со ставшим привычным стаканом в руке...

Через семь лет после этого рейда бригаду вывели из Афганистана и расформировали.

Но мы тогда всего этого еще не знали. Наспех умытые и накормленные мы спали как убитые в своих БТРах. Утром нас ждал марш в другой район боевых действий. Шел третий день бригадного рейда. Я спал в родном бронетранспортере, постелив матрас на разложенные ящики боекомплекта. Мне ничего не снилось. И лишь спустя семь месяцев я стал бояться снов, просыпаясь на госпитальной койке от войны, что приходила ко мне по ночам.

Война стерла грань между Победой и Поражением. И то и другое я сейчас воспринимаю как очередное испытание жизнью. А тогда я был ей не нужен, потому что принадлежал ей с потрохами, как и все, спящие рядом со мной. Со временем все покроется пылью...

(с) Павел Андреев, 1998

Игорь Мариукин

Родился 2.06.1967 года, в СА — 1985-87, ВУС — радиотелеграфист приемных устройств, сержант. Боевые действия в Чечне — 1995, контрактник по моральным причинам, снайпер, пулеметчик, разведка (Грозный, Бамут, Урус-Мартан, Агишты, Сержен-Юрт), наград нет, в августе 1995 был контужен, в данный момент проживает в г.Донецке, Украина.

http://artofwar.ru/m/mariukin_i/

«НЕТ БОЛЬШЕ ТОЙ ЛЮБВИ...»

Санька появился у нас, когда снабженцы подвозили нам жратву — мол, заберите солдата, командирован к вам, а своих потерял. В том грандиозном бардаке, который творился в ту пору в Грозном, подобная ситуация была не редкостью, но нашему комбату чем-то новый боец показался подозрительным, и он, забрав его с собой, что-то там целый час выяснял по рации. Хотя на шпиона наш новый товарищ был похож меньше всего — рыжеволосый, веснушчатый нескладный детина лет двадцати двух-двадцати трех с простецкой улыбкой и «окающим» говорком. Сразу подошел к нам, без вступления всем начал пожимать руку, попутно начав свой монолог: «Доброго дня, славяне, зовут меня Саня, фамилия Сомов, я с Волги, деревня Рогозино, вот мамку одну оставил, земляки есть? Работы-то у нас хрен чего найдешь, в Самару ездил — никому я там не нужен, разве только улицы мести, да вот учиться потом буду, а специальности-то нет у меня, кому в городе комбайнеры нужны? Деревня-то у нас уже теперь совсем пустая, колхоза не стало, а матери бы корову купить, очень она у меня это дело любит, с животинкой возиться. Мамка думает, я на заработки на Кубань поехал, она у меня одна осталась, брата Афган десять лет тому забрал, погиб он там, а батя после того пить сильно начал, и восьмой год уже как утоп, срочную я в Карелии служил, стрелять умею, так что я вам пригожусь, тут у вас всех как-то по прозвищам зовут, так вот меня лучше зовите «Сомом», а не рыжим, так, как меня ребята в школе «рыжим» звали, поднадоело-то мне, а кормят вас как тут...» И так — бу-бу-бу все подряд рассказывает-басит, ни мало не смущаясь и просто глядя всем в глаза.

Мы немного опешили от такой «презентации» и как-то даже смутились — даже наши острозыкие Санька и Андрюха «Твиксы», вечно встречающие новичков подколками, и то —

просто переглянулись и молча пожали ему руку.

Первый же день его пребывания среди нас был отмечен происшествием — пропал боец, как в воду канул. Прапор Кузьмич бегаёт-матерится, все в недоумении — чтоб так, в первый день... Под вечер Санька появился, принес вещмешок набитый карамельками. «Голубок», по-моему. Килограммов шесть, не меньше. Оказывается, не получив никаких распоряжений по поводу того, чем заниматься дальше, он не придумал ничего лучше, как уйти знакомиться с новыми для себя местами. Конфеты выменял на рынке на кроссовки, которые привез с собой. Конфеты те — это отдельная песня: выцветшие фантики, выпущены они были, наверное, еще при социализме — сказать, что они были твердыми — это ничего не сказать: их вполне можно было трамбовать в гильзы для крупнокалиберного пулемета, засыпать порохи и использовать в качестве бронебойных патронов. Конфеты Санька (неслабо выгребший от Кузьмича за такой самовольный шоп-тур) раздал всем, «со знакомством вас» — как он говорил.

*Округи щерились
ордой-саранчей по грудь в грехе.
Земля бессильной самкой слез
запаслась, заскулила от ран...
...В пир историй,
Кто чего стоит, —
Спрашивай у могил.
Нестор резвый,
Озаглавь срез вый, —
Зрячему помоги...
Где мордует осень,
Бились грудью оземь,
В кровь разбили лица
Думой примириться.
..Где снега раздеты,
В голос воют дети.
Ланти износили
В поисках России.
Душу в ключья рвали —
Выродились в «таварей»...
Край, где правит ноготь,
Светлым одиноко,
Не расправить плечи,
Нерв трубою лечат.
Я и сам помечен
Одичалым смерчем.*

Калинов Мост

Твердые-твердые, а за день слопали мы их — солдатские зубы крепче всякой брони.

Пытливый ум Сомы во всей красе проявился, когда из здания школы, разрушенной при обстреле, он взял несколько книг и глобус и некоторое время носил все это богатство с собой. Правда, глобус мы приспособили — да простят нас педагоги — под футбольный мяч, и хотя в качестве мяча

модель нашей Земли прожила недолго: при второй игре импровизированный мячик разлетелся вдребезги — результат первого матча, когда разведка (мы) победили десантуру со счетом 10:6, еще долго оставался предметом обсуждения.

«Ассортимент» найденных Санькой книг не помню, точно только знаю, что среди них был то ли русско-португальский, то ли русско-испанский разговорник, потому как Саня с энтузиазмом взялся за освоение иностранного. Басовитый голос Сома превращался в противный тенорок, когда он довольно громко повторял фразы, 90% из которых составляли две: «Комо пермиссио сеньора» и «Ста бьен, грациас». И так по сто раз на дню, в течение недели. Своими лингвистически-вокальными упражнениями он довел до ручки не только нас, но и нашу овчарку Дину, которая дня через три только завидев, как Саня берет в руки маленькую книжку, скула и испуганно прижимая уши, лезла под бэтэр, при всем том, что на выстрелы-взрывы она вообще не реагировала. Закончилось тем, что какая-то добрая душа закинула куда-то Санькин самоучитель, и наш полглот покончил с занятиями.

Точно еще была книга о спорте, нечто вроде краткой энциклопедии о великих спортсменах XX века. Не знаю, в какой информационной изоляции жил Санька у себя в селе, но многие вещи, узнаваемые им впервые, изумляли его, как ребенка. Чем-то задал ему в душу вычитанный из этой энциклопедии американский спортсмен начала века «резиновый человек» Рэй Юри — прыгун с места в высоту-длину (был в начале века такой вид спорта, даже имел олимпийский статус). И началось... Чуть свободная минута — Саня чертит линию, и давай с места сигать в длину, меряет что-то там потом коротенькой линейкой. Народ от смеха покотом ложился, когда Саня в полной экипировке громыхал своими прыжками, а потом с линейкой, ползая на карачках, мерил результаты. Капитан Мусаев и то заинтересовался нашей будущей олимпийской звездой, особенно когда увидел, что Саня скачет, взяв в руки обломок от гусеничного трака (для увеличения нагрузки, как он говорил). Совершенно офигевший Муса минуту молча наблюдал за этими упражнениями, а потом, когда мы ему объяснили, что тут происходит, посоветовал: «Ви би еще плиту минометную этому Брумелю на шею павэ-сили, для нагрузки!»

Несмотря на такие вот фокусы народ Саньку любил, и если потешались над ним — то беззлобно, а уж поссориться с ним так вообще было невозможно.

Сом же очень близких друзей не имел, его благожелательное и доброе отношение распространялось на всех скопом, никогда в помощи не откажет, да чаще всего его и просить не надо — Саня всегда сам появлялся там, где надо, а в ответ на попытки благодарности смущенно разводил руками и басил: «Да хрена ль там, свои ж люди!»

Как-то вечером Санька, покрутившись около нашего радиста Димона «Кактуса» снова пропал. Как оказалось потом, связавшись по рации с ближайшим блокпостом (километрах в трех от нас) Санька дернул туда в гости к найденному земляку. Обратно он появился часа в два ночи с двумя бачками каши, побудил полроты своим басом: «Славяне, я вам каши принес, давайте есть пока теплая!» Ну, что ты ему скажешь?

Каша кашей, если бы не одно маленькое «но» — Саня и туда и обратно топал по минному полю (без малейшего понятия о его существовании), которым наша инженерная служба третьего дня отгородила нас от подозрительного участка зеленки. А ведь только сегодня утром командир наших саперов старший лейтенант Проханов стучал себя пяткой в грудь перед комбатом, что даже мышь там не пройдет! (Кстати, свою службу минное поле так сослужило — на следующую ночь было примерно пять подрывов со стороны зеленки, кто там попал — мы не ходили проверять.)

Чудил еще не раз наш Саня, да только все уже и не упомянешь.

Как-то утром получаем сообщение по рации, что наш второй разведвзвод нашел недалеко от нас пару блиндажей-складов оружия чичей, сами ребята, сообщив, что там чисто, и можно все это забрать, пошли дальше. Ну — забрать, так забрать — собрались поехали, что-то около 10 км от нашего расположения. Санька напросился с нами — Кузьмич не возражал. «Урал» бортовой, БМПэха, нас 15 человек. Выехали после обеда. Как-то никому не пришло в голову, что ситуация с состоянием «чисто» за полдня могла и измениться. Доехали, троих оставили у техники, остальные выгрузились, пошли искать по указанным координатам. При подходе к предполагаемому месту кто-то из первых троих поймал мину: Мишку-«Кузнеца» сразу наповал, двоих (Филиппа Копылова, «Филина», и Славика-«Рокки») ранило тяжело. И понеслось — со всех сторон нас начали поливать, и место такое, что мы посреди зеленки на почти голой опушке, с реденькими кустиками, а откуда бьют, и не сразу сообразишь, чуть поодаль вокруг нас плотные кусты-деревья, холм справа вообще утонул в растительности. Вот тебе и съездили за оружием! Все залегли мордой в землю — и продвигаемся к кустам, отстреливаясь наугад. Благо рядом, доползли все, только Витьку-«Бороду» в плечо зацепило. Санька притащил за собой Филина, а Андрюха-«Твикс» — Славика.

Филиппу — «Филину» ноги подрбило — просто месиво — и, пока мы отстреливаемся, Кузьмич колдует над ним, перетягивает жгутом, колет промедол. Там, где мы оставили технику, раздаются два взрыва и очереди. Почти одновременно получает пулю

в бедро Ромка-«Москвич». Похоже на то, что попали мы серьезно на этот раз. Осталось три дороги, что называется — либо идти в лоб (а всемером плюс четыре трехсотых, из них три тяжелых — это самоубийство), либо вернуться к дороге, но судя по тому, что мы слышали взрывы, возвращаться уже некуда, либо вдоль холма по зарослям попытаться как-то ускользнуть отсюда. А пока — забились в кусты, немного рассредоточившись, и отстреливаемся на звук.

Санька-«Сом» подползает к Кузьмичу, молча подбирает автомат «Филина» вдобавок к своему и на полусогнутых пробегает мимо нас ближе к краю зарослей, баяя: «Все, мужики, уходите с ранеными». Кузьмич что-то кричит ему вслед. Санька, не оборачиваясь, машет рукой, мол, — уходите. Потом, таким же макаром, под фонтанчиками пуль пробегает открытое место и скрывается в кустах напротив.

Саня, Саня... Все оборачиваются на Кузьмича — он секунду смотрит в ту сторону, где исчез Санька, вздыхает — и жестом показывает, что нужно уходить. Выстраиваемся цепочкой и ползем, пряча глаза друг от друга, ползем через заросли, в сторону, противоположную той, откуда пришли. На себе тащим раненых. Сзади нас не прекращающаяся перестрелка — все понимаем: шансов у Сани нет, и мы теперь просто ОБЯЗАНЫ выйти отсюда и дотащить трехсотых. Минута, другая, третья... пятая... ползем, пока ни на кого не наткнулись, сзади нас по-прежнему слышны очереди... Душа рвется по полам...

Спереди в кустах шорох и треск веток — Андрюха-«Твикс» моментально посылает туда очередь — в ответ стон и детский крик: «Дя-я-я-деньки, не стреля-я-я-я-йте!!!» Твою мать, это еще что такое?! К кустам ползут Мишка Гаевой и Саня-«Твикс», через полминуты появляются оттуда, неся стонущую девочку лет 11-12, у которой окровавлен бок. Останавливаемся. Кузьмич, он у нас в таких ситуациях был основным лекарем (как-никак 4 курса медицина и 3 года фельдшером в Афгане), осматривает девочку. Судя по его словам, ничего серьезного: одна пуля навывлет зацепила левый бок в районе подреберья, печенки-селезенки целые, но крови много. Перевязывает. Девочка теряет сознание — промедол — и мы продолжаем двигаться. Уже позднее в расположении, когда девчонка пришла в сознание, мы узнали ее историю: два месяца тому ее родители, она и ее

младший брат собрались уезжать из Гудермеса к родственникам куда-то, как она сказала, на север. Не знает, как и куда они ехали, только раз родители ушли договариваться о машине и пропали. Прождали они с братом трое суток, потом сами приняли решение ехать к тете в Назрань (помо-ему), через неделю от дизентерии умер брат, хоронила сама в лесу. И вот уже месяц, как она одна скитается по Чечне, не имея ни малейшего понятия, где находится. Через три дня из нашего расположения (девчонка оклемалась на удивление быстро) ее на вертушке вместе с другими ранеными отправили в госпиталь в Моздок. Звали ее Алла Кононова. Сейчас, наверное, невеста уже...

Стрельбы сзади нас нет... Ощущение времени потеряно окончательно. Выходим на дорогу. В полукилометре впереди пылит колонна, движаясь в нашу сторону (мы тогда еще не знали, что те наши, которых мы оставили на дороге и которых вместе с техникой пожгли чичи, успели по рации сообщить, о том, что началась стрельба, и вызвали подмогу).

Десантура, родные вы наши... Через минуту мы уже объясняли им ситуацию. Перегрузив в БМПэху раненых и отправив ее обратно, мы возвращались на то проклятое место со складами. Надо сказать, что боя, в моем понимании, почти не получилось — два взвода из роты капитана Мережка (дай ему Бог здоровья, он сейчас должен работать преподавателем в Рязанском училище ВДВ) плюс чуть-чуть нас быстро выкосили чичей.

Всего воинов Аллаха оказалось там около 20, это потом посчитали — около 15 трупов и тяжелораненых и пять пленных).

...Саньку мы нашли около второго блиндажа, метрах в ста от первого, где мы напоролась на засаду. Он лежал почти весь раздетый, в крови, с прокромсанным торсом и пахом, с простреленными ногами. Как мы поняли, он был ранен в ноги, а потом его взяли чичи и начали терзать. Рядом валялись ножницы по металлу, все в крови. В Санькиной крови.

Саня был еще жив, спутанное сознание временами появлялось у него, иногда взгляд становился даже осмысленным, боли он, похоже, уже не чувствовал. Мы стояли перед ним на коленях, и в те моменты, когда к нему возвращалось сознание, он шептал: «Теперь куда я годен, домой только, ну хоть мамке подмогнуть, да вот подлечусь дома — и к вам, и за братом крепко скучаю... он меня ждет... я знаю... мы вдвоем к вам вернемся, славяне... родные...»

Через полчаса Сани не стало.

Его одежда, сорванная с него чичами, лежала рядом. Андрюха-«Твикс», пока мы забирали оружие-боеприпасы, собрал ее и стал вынимать документы, Санины вещи, мелочь разную. Достал книжечку какую-то из Санькиного лифчика и начал машинально перелистывать. Я подошел сзади, Андрюха обернулся на меня и, скрывая слезы, отвернул лицо, продолжая листать. На одной из страниц, что-то было подчеркнуто. Я наклонился ниже, установил Андрюхину руку, и мы оба прочли подчеркнутое.

Это было Евангелие от Иоанна, а подчеркнута Санькой была фраза: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

2002 г.

Денис Бутов

Ефрейтор. Участвовал: Чечня.

http://artofwar.ru/b/butow_d/

В АВГУСТЕ 96-го.

День первый

Гранатомет — вещь серьезная. Рацию снесло первым же выстрелом. Вместе с радистом. Хорошо, что осталась рация в бэтре. Плохо, что БТР зажгли на пятой минуте боя. Спросонья все действие воспринималось мной как-то дискретно, рывками.

Вот я трясущими руками пристегиваю очередной рожок к автомату, потом прицеливаюсь, — рожок отваливается и падает на пол. На второй раз пристегнуть получилось лучше. Наверное. Не помню. Вот, всхлипнув, съезжает по стенке и съезживается клубком лейтенант Садыков. Вот у меня кончаются патроны, я переворачиваю Садыкова на спину и начинаю лихорадочно обшаривать его разгрузку в поисках рожков. Судя по развороченной груди и остекленевшим открытым глазам, помощь ему уже не нужна. В общем, он был не самым плохим лейтенантом из всех, кого я видел. Вот оскаленно-бородатая камуфлированная фигура на мушке и длинная-длинная, патронов на двадцать, очередь. Ладони, измазанные садыковской кровью, липнут к цевью.

Было нас на этом блокпосту ровно двадцать шесть человек. С утра еще. А потом нохам зачем-то понадобились раздолбанные и провонявшие мертвечиной остатки города, когда-то называвшегося Грозным. И нас за неполный час атаки чехов на блок осталось десять, из них боеспособных — восемь. Вряд ли, кстати, чехов сначала было больше чем нас, просто они грамотно использовали фактор внезапности. Да и бойцы у них поопытнее наших. По крайней мере, просто так не подставляются под пули. Не то, что Саня Криволапов, который лежит сейчас с разнесенным черепом возле Садыкова и еще нескольких ребят из тех, кто был в здании.

Блокпост наш расположен удачно. Относительно удачно, конечно. Удачно для нас, если уж совсем точно. В здании какой-то бывшей конторы. Одноэтажное небольшое здание, построенное из бетонных плит, комнат

Памяти всех российских солдат погибших в Чечне.
Земля вам пухом, ребята.

на пять-шесть. Много окон, большинство из которых мы заложили мешками с песком. Те, что остались — неплохие амбразуры. Хороший обзор. Ближайшее здание — метров за полтора. Руины метрах в пятидесяти тоже когда-то были зданием, пока не поработала САУшка. За руины мы не очень опасаемся — они неплохо минированы. Почти все МОНки ушли туда, поэтому в здании, в основном, растяжки на гранатах. А это есть не очень надежно. Поэтому у нас кто-то постоянно за зданием этим наблюдает. И перед атакой наблюдали. Проворонили. Теперь в здании две чеховские пулеметные точки. Может и больше, но две мы засекли точно. И с этих точек по нам неслабо работают пулеметы. Судя по звуку — ПК.

Снайпера нашего посекло осколками в самом начале боя. Так и истек кровью в обнимку с эсвэдэхой. Я стреляю неплохо, так что решил попробовать себя в роли снайпера. Занятно. Раньше я думал, что снайпером быть просто — смотришь в прицел, наводишь перекрестие в область сердца, или там — в лоб, короче, куда хочешь, вражеская фигура-то во весь прицел, да и лупишь. Потом зарубку на прикладе делаешь. Оказалось — хрен так все просто. И перекрестия нету как такового — какие-то уголки, деления...

С кривой с этой я разобрался вроде. Дальномер, однако. Так на четыреста метров даже если стрелять — фигурка маленькая получается, хоть куда-нибудь попасть, не то, чтобы в лоб или в сердце. А как за восемьсот метров выцеливать? Человек-то не больше гниды получается. По размерам.

Несмотря на такие трудности, все же потихоньку высунулся и решил пулеметчиков этих заснайперить. Смотрю в прицел — вроде, вижу одного. Стреляю — мимо. Еще — опять мимо. Раза четыре стрелял, и все мимо. Как дал он по мне из ПК — никакой снайперки не надо. Еле успел по полу расстелиться. Решил, что горек, однако, снайперский хлебушек. Отложил эсвэдэ, взял автомат.

Попали мы в осаду. Чехи штурмовать больше не штурмовали, все-таки огрызнулись мы неплохо — человек восемь у них положили. Я сильно подозреваю, что даже мусульмане, за исключением совсем отмороженных, к гуриям не очень-то стремятся. Да и не сильно-то мы им мешали, судя по всему. Так что оставили они эти гнезда пулеметные, еще человек несколько с другой стороны — и свалили. А нам валить некуда. Город мы не знаем, где наши — представления не имеем. Везли нас сюда в бэтре. Водила вместе с бэтром догорает, летеха с разворочен-

ной грудью вместе с остальными двухсотыми в углу лежит. Где наводчик — никто вообще не знает. Снаружи несколько наших из граника накрыло, наверное, там лежит. Карты нет. У лейтенанта нашли схему местности вокруг блокпоста. Нам она сейчас нужна как рыбе зонтик. Короче, робинзонада.

Раненых у нас было семеро, но ранения более-менее легкие почти у всех, за исключением Рашида Хуснутдинова. У того живот осколком разворотило, кишки наружу. Перевязали его, промедолом обкололи, да только он все равно часа через два умер. Потатарски чего-то сказал, улыбнулся и умер. Из оставшихся самое тяжелое ранение у Малого — один глаз вышибло, второй ослеп. Сидит в углу, молчит и плачет. Утешать его некому, некогда, да и незачем. Без толку. У остальных — совсем мелочи. Задетая пулей рука, поцарапанное бедро...

Что делать — никто не знает. Пулеметчики периодически постреливают по окнам. Благо, здание то стоит не очень для них удачно, есть мертвые зоны. Остальные чехи, те, что зашли с другой стороны, расположились более грамотно. Мы это поняли, когда Мурза словил очередь в грудь. Как говорится, «и их осталось восемь». Малой — не боец, Мурза пока живой, но, чувствуется, ненадолго. Вкатили ему предпоследний тубик промедола, перевязали, положили возле Малого.

Собрались на совещание. Планерка, блин, такая... Напряженная. Четверо присутствуют. Остальные по окнам сидят, чехов караулят.

— Ну что, — спрашиваю, — делать будем?

Саня Кикин, по прозвищу Кика:

— А хуйли делать, надо в город прорываться, своих искать.

— А ты знаешь, где свои?

— Найдем.

— Хуй ты найдешь, а не своих, баран!

Это Вагиз нервничает. Они с Рашидом десять лет за одной партой просидели в Набережных Челнах. Вместе призывались, вместе служили. Один сейчас — двухсотый, второй — в глубокой жопе, как и мы все. Все мы нервничаем.

— Карта есть у тебя? Город знаешь? Куда ты искать собрался?

— А хуйли здесь сидеть?

— Здесь, бя, хоть шанс есть. На связь мы не выйдем вовремя, в бригаде зашевелются. Вытащат.

— Ага, это если бригаду еще не раздолбали нахуй.

Задумались. Никто, пожалуй, всерьез не верит, что бригаду могут «на хуй раздолбать», но обстановка к оптимизму не располагает.

— Забьется бригаду долбить. Короче, я за то, чтобы здесь сидеть и не дергаться.

Это Бычок вставил свое веское слово. Оптимист у нас Бычок.

Впрочем, я с ним согласен полностью. Лучше сидеть с невеликими шансами на знакомой территории, чем ползти хрен знает куда вообще без шансов. Больше всего меня пугает возможность попасть в плен. Лучше уж как Рашид. А еще лучше как Садыков. Чик — и ты уже на небесах. Пацаны с бригады рассказывали — стояли вот так же на блоке, с местными общались. Мирными местными. Ага. «Ты гранаты не бойся, она совсем ручная». Местные эти мирные им золотые горы обещали — мол, домой отправим, денег с собой дадим, бросайте воевать... Вот два дурачка и поверили. Ушли, дебилы, ночью с поста, и автоматы с собой прихватили. Одного потом чехи обратно подбросили. Нос и губы отрезаны, глаза выколоты. Это если

чехи так обращаются с теми, кто им сам сдался, что ж нас тогда ждет, если, не дай бог, к ним попасть? Нафиг-нафиг.

— Согласен, — говорю.

— Я тоже согласен, — Вагиз говорит.

Кика только плечами пожал.

— Ну и бараны. А ночью что делать будем? А воды до хуя ли у нас? А патронов? А жрать что будем? Сколько сидеть вообще?

— До упора, — отрезал Бычок. — А насчет всего остального, надо посмотреть.

Посмотреть я первым делом побрался на кухню — там у нас стояла здоровая фляга, которую наполняли раз в несколько дней. Кухня окном своим выходила точноюк на то самое злополучное здание, и самая нижняя из десятка пробоин во фляге была сантиметров на восемь-десять выше дна.

Пол вокруг фляги был обильно мокрым. Я, стараясь не подставляться, подполз к фляге, качнул ее. Из пробора выплеснулась вода. Значит, наполнена она как раз сантиметров на десять. А это всего литров шесть-семь. Если на всех раскинуть — даже фляжку не зальешь. Хреново.

Психология... Как только стало ясно, что воды у нас совсем даже немного, сразу захотелось пить. Я побулькал водой в своей фляжке. Половина точно есть, а то и больше. Подумал и решил потерпеть. Подполз в угол, к ящику с тушенкой. Тушенки у нас банок двадцать, не так и плохо.

Увлёкся я. Высунулся неудачно. Чех влупил из ПК, чудом не попал. А, может, и не по мне целился. Просто так влупил. Но не попал. Вообще, здесь поневоле начнешь верить в судьбу. Рожденный быть повешенным не утонет. На растяжке подорваться еще может, а вот утонуть — навряд ли.

Пришлось, скорчившись в углу и по мере возможности прикрывая автоматом голову и яйца, переждать всплеск чеховской активности. Благо, что не угловая комната. В угловых от второй стены бетонной рикошетит будь здоров. А здесь перегородки то ли саманные, то ли фиг знает. То ли кирпич такой самодельный. Крошится, пули в себя берет.

Приполз обратно в центральную комнату, штаб наш... Рассказал, что и как. Вагиз с Бычком притащили еще несколько фляжек. Я говорю:

— Надо флягу как-то сюда притаранить, а то если этот пидор так и дальше палить будет, мы совсем без воды останемся. А ее у нас и так меньше, чем у него патронов.

Притаранили. В общем, и несложно. Кика дал пару очередей с другого окна и залег за мешками с песком. Пока пулеметчики то окно обрабатывали, мы флягу и вытащили. Правда, не меньше литра расплескали по до-

роге. Тушенки несколько банок еще захватили.

Сел я, к стеночке привалился, банку тушенки уже приноровился штык-ножом вспороть. И вот тут-то меня и затрясло. Тушенку уронил, штык-нож тоже, руками себя за плечи обхватил. Трясет как малярийного. Еще и срать захотелось до невыносимости, а подняться не могу. Кузя заметил, в разгрузке своей покопался, и протягивает мне чекушку. Взял я ее и машинально вспомнил, где у нас водка заныкана была. По всем моим расчетам, водки у нас ошутимо больше, чем воды. Хоть какая-то радость в этой говенной жизни.

Сорвал колпачок зубами, сделал пару длинных глотков. Отпустило почти моментально. Вернул чекушку Кузе, подобрал тушенку, вскрыл. Чехи постреливают изредка. Нехотя так. Народ сидит вокруг, жует. Я тоже жую, хотя не очень и хочется. Хлеба нет, воды нет. Точнее есть, но мало. Практически нет. Хрен его знает, сколько нам тут сидеть. На тушенку тоже налегать не стоило бы так. Я говорю об этом пацанам, они со мной согласны. Но жрать продолжают. Отставляю свою банку в сторону, там еще почти две трети. Тушенка на удивление хорошая, не те жилы и желе, которое нам привозили в последнее время.

Пошел посрал. Со стороны, наверное, смешно смотрелось — подтер задницу и в той же позе до двери. Заглянул к раненым. Точнее, к раненому. Мурза уже не раненый. Мертвый уже Мурза. Малой без сознания. Тела тут же лежат. А на дворе август — далеко не самый прохладный месяц в Чечне. Скоро запах пойдет.

Пригибаясь, пробрался к Бычку. Тот наблюдал за пулеметчиками. Наблюдаем мы парами. Четверо караулят — по двое в каждой угловой комнате. Пятеро отдыхают.

Закурили.

— Мурза умер, — говорю.

— Сам виноват. — Бычок глубоко затянулся. — Нехуй было разгуливать, как на параде.

Мурзу у нас никто не любил. Был он жадным и тупым, даже земляки-татары с ним не общались. Даже имени его никто из нас не знал. Мурза и Мурза. Фамилия у него Мурзаев была, кажется.

— А все равно боец не помешал бы.

— Базара нет, — согласился Бычок. — Не помешал бы. Только не Мурза. Как там Малой?

— Отрубился.

— Малого жалко.

Малого действительно жалко. Хороший боец, и парень неплохой. Хреново ему теперь слепому будет.

— Ладно, — сказал я, — иди похавай. Я посижу.

Бычок, пригнувшись, ушел, а я остался с Васей-Алтайцем. Раньше я наполовину всерьез думал, что Вася-Алтаец не умеет говорить по-русски. Теперь я почти уверен, что он вообще говорить не умеет. За те две недели, которые я его знаю, ни разу от него не слышал ни одного слова. Вот и сейчас молчит. Я тоже молчу. Чехи тоже молчат. Всеобщее такое молчание. Бурое безмолвие.

День второй

Ночью застрелился Малой. Снес себе полчерепа. Я как раз сидел на посту — наблюдал за зданием. Услышал очередь внутри блокпоста, кинулся в ту комнатку, где лежали трупы и Малой. Увидел, как мозги Малого сползают по стене. Теперь в той комнатке одни только трупы.

Чехи молчат. Даже на эту очередь не откликнулись. Может, их там и нет уже вовсе, только сходить проверить желающих не нашлось. Часа через три стало ясно — чехи на боевом посту. Обкуренные, наверное. Начали хлестать из пулеметов как угорелые. Каждый по коробке извел, не меньше. У них-то с патронами проблем нет, судя по всему. У нас тоже. Только у нас и пулеметов нет. Автоматов — помойка, хоть весь обвешайся. А потяжелее — только эсвэдэшка, из которой никто грамотно стрелять не умеет.

Так и сидим. Я снял разгрузку, броник, подложил под голову и лег. Рядом прилег Кузя, свинтил крышку с фляги, глотнул водки сам, протянул мне. Я тоже глотнул пару раз, вернул фляжку обратно.

— Жопа, — сказал Кузя, завинчивая крышку и мечтательно глядя куда-то в угол.

— Точно, — согласился я.

Кузя, завинтив фляжку, тут же опять открыл ее и глотнул еще раз. Опять протянул мне. Так мы с ним допили всю водку во фляжке.

— Я где-то читал, — сказал Кузя, — что каждая война — это, типа, репетиция глобальной войны добра и зла. Ну, там, — бог и дьявол бьются между собой. Вот, например, Великая Отечественная — это дьявол был за немцев, а бог — за нас.

— А сейчас? — спросил я, — За кого бог? За нас или за нохчей?

— А сейчас, по-моему, вообще бог ни при чем. Это вообще два чертенка обкуренных на бабки шпильятся.

— И кто выигрывает? — я расхохотался.

— А никто. Они мухлюют оба не по-детски. И, по ходу, никто и не выигрывает. Набьют друг другу морды и все.

Жара стоит прямо-таки угнетающая. К вечеру мы выпили почти всю воду, которая у нас еще оставалась.

Из комнаты, где лежат трупы, ощутило потянуло мертвечиной. Прорвало Васю-Алтайца — с час он матерился по-русски и по-нерусски. Потом опять замолчал.

День третий

Не сплю третьи сутки. Под утро прикемарил было — чехи открыли бешеную пальбу. Я очумело подкинулся, не сразу понял, что палят чехи не по нам, там явно шел бой. А кто там может с чехами драться? Только наши.

Я рванул в угловую комнатку, выходящую окнами на то злополучное здание, где засели чехи. Решили поддержать наших, хотя бы морально — влупили со всего имеющегося в наличии оружия по окнам, где раньше сидели пулеметчики. Я высадил два рожка, захлопал по карманам разгрузки — а патронов-то больше нет. Пришлось бежать в мертвецкую — там у нас лежали еще и лишние автоматы, и эсвэдэшка, и разгрузники, снятые с тру-

пов. Дашать там было возможно только ртом.

Пока бегал за патронами, бой закончился. Из-за здания выскочила бэ-эмпэшка и газанула к нам. Я еще успел подумать, чем будем отбиваться, если это чеховская коробочка, но БМП, подлетев, развернулась боком, из люка выглянул чумазый боец и заорал: «Кто такие, блядь?!»

Как оказалось, это были мотострелки-федералы, которые ехали на вырубку своему блокпосту, а нарвались на нас. Точнее, не на нас, а на нохчей, которые нас блокировали. Повезло нам, короче говоря.

День пятый

Лечу из Ханкалы в Моздок. Оттуда, говорят, — домой. На борту кроме техники, пяти десятков эвэшников и федералов — еще тридцать мертвых ребят. Скоро мы полетим домой. Все вместе.

Анатолий Воронин

Проживает в г. Астрахань. В период с 1972 по 1997 г.г. проходил службу в органах внутренних дел. В 1986 г. с должности заместителя начальника отдела уголовного розыска УВД Астраханской области командировался в распоряжение Представительства МВД СССР в ДРА. На протяжении двух лет был советником спецотдела Царандоя Кандагарской провинции. Принимал непосредственное участие в боевых действиях. В период с февраля 1995 г. и октября 1996 г. дважды командировался в Чечню. В 1997 году в звании подполковника вышел в отставку. Награжден государственными наградами СССР и Республики Афганистан.

http://artofwar.ru/w/woronin_a_j/

КОЛЛЕКТОР

В кромешной темноте подвала баба Маша сидела безвылазно почти уж две недели. Как только на Грозный упали первые бомбы и снаряды, она носа не показывала на улицу, отсиживаясь в своей каморке и моля Бога о том, чтобы он позволил ей дожить хотя бы до следующего дня. Ей сильно хотелось пить, но воды взять было негде. Дворник Ахмед, добывавший живительную влагу из таявшего грязного снега, бесследно исчез накануне — в вечерних сумерках выскочил как обычно с ведром на улицу, да так больше и не вернулся. В том момент началась стрельба, и не исключено, что он погиб от шальной пули или осколка. Оставшись в живых, он непременно бы вернулся...

Эх, какой красавицей она была в свои семнадцать лет. Все мальчишки из их класса, да что там класса, всей школы, оглядывались ей вслед, когда гордой походкой она проходила мимо них. Тогда она и предстать не могла, что практически всех ее потенциальных ухажеров погубит, перемелет в муку жестокая война. Как она плакала, провожая вчерашних своих одноклассников, уходящих на фронт. Она до сих пор помнит их неуклюжие фигуры, облаченные в длинные суконные шинели. А когда с фронта пришла первая похоронка на ее соседа по парте — Ванюшку Зверева, она всю ночь прорыдала в подушку. На следующий же день пошла в военкомат и написала заявление, чтобы ее направили на фронт «мстить ненавистным фашистам». И хоть ей тогда не было еще восемнадцати лет, военком не стал с ней спорить, не выгнал из своего кабинета. Просто посмотрел ей в глаза и тихо так сказал:

— Не спеши, красавица, на войну. Придет время, она сама за тобой придет.

Прав был тот хромоногий военком. Летом 1942 года, когда линия фронта подошла очень близко к родному Сталинграду, пришла на ее имя повестка. Горько плакала мать, читая скупые строки казенной бумаги. Да и была ей от чего плакать — за два месяца до этого получила она другой страшный до-

кумент — похоронку на мужа. А вот теперь за дочерью, единственным в семье ребенком, пришла эта ненасытная «старуха». Маша успокаивала мать, как могла, мол, не на передовой будет служить, а в военном госпитале — санитаркой. Кто бы тогда мог знать, что не пройдет и нескольких месяцев, как передовая фронта будет проходить по их улице, а школа, где она училась до войны, станет военным эвакуогоспиталем и ее вторым домом.

Мать погибнет во время очередной бомбежки. Огромная немецкая бомба упадет на их дом в центре города, и он сложится словно карточный домик, погребя под собой всех жильцов, прятавшихся в подвале, переоборудованном под бомбоубежище. Мария так и не сможет ее похоронить, потому что сама в тот день получит серьезное осколочное ранение и контузию. Ее отправят за Волгу, и несколько месяцев она проваляется в одном из военных госпиталей Астрахани.

В действующую армию вернется уже после того, как фрицев погонят от Сталинграда на запад. В сорок четвертом познакомится с молодым лейтенантом Александром Козыревым. Саша прямо со студенческой скамьи ушел на фронт добровольцем и служил политруком разведроты, пока не настигла его вражеская пуля. Пробыв левое легкое навывлет, она прошла буквально в пяти миллиметрах от сердца,

и по всем писаным законам военной полевой хирургии лейтенант не должен был выжить. Но своей лаской и вниманием к этому безусому разведчику, Маша опровергла эти законы.

Выписываясь из госпиталя, он обещал писать ей письма. И писал чуть ли не ежедневно. Вновь встретились они в сорок седьмом году. К тому времени Маша демобилизовалась из армии и по направлению командования части поступила в Ленинградскую медицинскую академию. Саша из рядов вооруженных сил был уволен по состоянию здоровья. То сквозное пулевое ранение в легкое не прошло бесследно и постоянно давало о себе знать приступами удушливого кашля. Врачи вынесли вердикт — никаких физических нагрузок, проживание в местности с мягким и, желательнее, теплым климатом при хорошем питании. Это в его-то Ленинграде — городе, жители которого спустя год после завершения войны не могли отойти от пережитой блокады и продолжали умирать от дистрофии.

Как бы там ни было, но новый — 1948 год для них стал вдвойне знаменательным, поскольку стали они мужем и женой. Пока Маша сдавала зачеты и экзамены, Саша корпел над первоисточниками классиков марксизма-ленинизма. По рекомендации райкома партии поступил он на учебу в высшую партийную школу. С деньгами в семье были серьезные проблемы, поэтому оба вынуждены были подрабатывать на стороне. Она — ночной сестрой в больнице недалеко от их дома, он — сторожем в коммерческом магазине. Детей у них не было, и причиной тому было то самое ранение, что Маша получила в сорок втором году.

В 1953 году супруг закончил обучение, и его назначили на должность секретаря парткома Грозненского нефтеперерабатывающего завода. К новому месту работы и жительства поехали вместе, потому как Маша к тому времени получила диплом врача. Первое время жили весьма скромно, в за-

водском общежитии. А потом им выделили квартиру в двухэтажном доме в Черноречье. До войны в той квартире жила чеченская семья, депортированная в сорок четвертом году в Казахстан. Почти десять лет квартира пустовала и усилиями местных мародеров стала практически непригодной для жилья — из нее похитили не только мебель и домашнюю утварь, но умудрились вытащить оконные рамы и снять с петель двери. Даже водопроводные краны были свинчены, а вместо них из труб торчали деревянные заглушки. Все лето и до глубокой осени новоселы делали в ней ремонт, окончательно завершившийся только ко Дню Конституции.

Через четыре года в Чечню начали возвращаться «выселенцы». Объявился и прежний хозяин квартиры, который без обиняков предложил ее новым хозяевам выметаться на улицу, потому как в ближайшие дни он ожидал приезда всей своей семьи. Выяснение отношений между мужчинами закончилось банальной поножовщиной, в ходе которой Саша получил ножевое ранение в грудь, и почти два месяца провел в больнице. Виновник совершенного преступления пустился в бега и больше в их доме не появлялся. А спустя пару месяцев в городе вспыхнуло восстание,

— А тебе, старая карга, вообще давно пора лежать в могиле, а ты все еще небо коптишь. Если вы меня не поняли, то через три дня оба окажитесь там, где вам пора быть.

и кто-то забросил в окно их квартиры две бутылки с горячей нефтью. Квартира выгорела дотла, и Саше с Машей пришлось устраивать свой быт заново, после чего прожили они в этой небольшой квартире еще тринадцать лет. А потом в Грозном произошло сильное землетрясение, и их дом развалился. Их спасло чудо — на ту пору они были в отпуске, отдыхали на Черном море. Прервав отдых, они вернулись домой, и вместо дома перед их глазами предстала куча битого кирпича. Все нажитое имущество в очередной раз пошло прахом.

В те годы вся страна отстраивала разрушенный город, но жилья все равно катастрофически не хватало, и они были вынуждены ютиться во временном бараке. Конечно же, как ветеран и руководящий партийный работник, Саша имел законное право на первоочередное получение благоустроенного жилья. Но он никогда не пользовался своими привилегиями и всякий

раз, когда очередь на жилье наконец-то доходила до него, уступал ее многодетным семьям своих подчиненных, в основном чеченцам. В 1974 году Александра перевели на ответственную работу в горком КПСС и, как бывшему фронтовику, выделили очень хорошую квартиру в центре города, где семья фронтовиков прожила последующие двадцать лет.

Они были уже несколько лет на пенсии, и к тому времени звали их все окружающие не иначе как «Дядя Саша» и «Баба Маша», когда в Грозном, как и по всей республике, начали происходить страшные события. С приходом к власти генерала Дудаева их жизнь в очередной раз подверглась серьезным испытаниям. Незадолго до войны к ним квартиру ворвались несколько вооруженных до зубов бандитов, которые под предлогом эфемерного обыска перевернули все вверх дном и унесли с собой все ценные вещи и деньги. А потом в их квартире объявился Исмаил — сын соседки Розы Ахмедовой, досрочно освобожденный из мест лишения свободы. Не обращая никакого внимания на хозяев квартиры, он заглянул в каждый угол их уютного жилья, после чего заявил, что эта квартира теперь будет принадлежать его семье, и он дает им всего три дня на то, чтобы они вообще исчезли из города. Маша попыта-

лась усостыжить его, на что Исмаил цинично заявил:

— А тебе, старая карга, вообще давно пора лежать в могиле, а ты все еще небо коптишь. Если вы меня не поняли, то через три дня оба окажитесь там, где вам пора быть.

Потом он сплюнул сквозь зубы, и не спеша, удалился из квартиры, демонстративно поигрывая длинным кинжалом, давая тем самым понять, что намерения у него весьма нешуточные.

Три дня и три ночи они прожили в страхе. Жаловаться на бандита было бессмысленно, потому как точно такие же бандиты засели практически во всех силовых и властных структурах Ичкерии. Но на счастье стариков Исмаил не появился ни на третий, ни даже на четвертый день. Они с облегчением вздохнули, посчитав, что, скорее всего, это были обычные бредни окуренного человека. Спустя неделю после того происшествия Маша решила сходить на базар и прикупить кое-что из продуктов, которых в доме практически не осталось. Когда через пару часов она возвращалась обратно, на подходе к дому ее остановил дворник Ахмед. Оглядываясь по сторонам, он попросил ее спуститься к нему в коморку, располагавшуюся в подвале их дома. Маша попыталась, было, выяснить у него причину такого неожиданного предложения, но Ахмед не дал ей сказать и слова, едва ли не силком затащил в подвал.

— Тебе нельзя сейчас домой. Там сейчас очень плохо.

Маша смотрела на растерянное лицо Ахмеда и не могла понять, о чем

это он ей говорит. Его она знала практически с первых дней проживания в этом доме. И хотя он за всю свою сознательную жизнь не занимал должности выше дворника, относилась она к нему уважительно. Ахмед тоже был участником войны, и именно поэтому ее супруг частенько уединялся с ним в подвальной коморке, где под коньячок или водочку два ветерана вспоминали свое фронтовое прошлое.

Ахмед рассказал ей страшную новость. Как только она ушла на базар, к дому подъехали вооруженные бандиты. Среди них был и Исмаил. Минут через пять в доме раздались выстрелы и крики раненого человека. Ахмед спрятался за мусорным контейнером, откуда наблюдал, как двое бандитов волоком вытащили на улицу истекающего кровью фронтовика, его друга. Налетчики подтащили несчастного к большому канализационному коллектору, располагавшемуся метрах в пятидесяти от их дома, и, открыв крышку люка, сбросили туда свою жертву. Потом они закрыли люк крышкой и, не спеша, вернулись обратно в дом. Сейчас все они находятся в квартире и, по всей видимости, дожидаются возвращения супруги убитого, с тем, чтобы убить и ее. Вот поэтому Ахмед и не рекомендует Марии появляться у себя на квартире. В противном случае, она разделит участь своего мужа.

Ахмед долго не мог успокоить рыдающую женщину. Больше всего он боялся, что ее всхлипы случайно услышит кто-нибудь из бандитов, и тогда им обоим придет конец. У этих ублюдков нет ничего святого, и ради

Через неделю у Ахмеда закончились не только скромные запасы еды, но и вода. После бомбежки водопровод не работал, и им приходилось пить затхлую воду, чудом оставшуюся в водопроводных трубах.

корысти они могли запросто убить даже своего престарелого соплеменника.

Нарывавшись, Мария уснула прямо в каморке и проснулась уже далеко за полночь. Она попросила Ахмеда узнать, нет ли кого во дворе, и после того как он вернулся обратно, кинулась к тому коллектору. Она стучала ладонями обеих рук по холодному металлу чугунной крышки люка и тихо звала своего мужа по имени. Не услышав в ответ ни звука, она потеряла сознание. Как ее потом тащил обратно в свою коморку Ахмед, старая женщина уже не помнила.

С того дня местом ее жительства стал пустующий подвал. Находиться в

каморке Ахмеда было крайне опасно, поскольку там постоянно появлялись посторонние люди. А вот в отдельной кладовке, расположенной в глубине подвального помещения, где хранился различный ЖЭКовский инвентарь, ей нашлось укромное местечко. Прячась в темном, замкнутом пространстве пыльной комнатухи, она отлично слышала, как Исмаил отпраздновал свое новоселье в их бывшей квартире, и как его обкурившие анашой дружки стреляли на улице очередями из своих автоматов.

Ахмед появлялся только по ночам и отпирав всякий замок на двери кладовки, выпуская на волю «невольницу». Она ходила по подвалу, разминая

затекшие за день ноги, а потом делила с Ахмедом скромную трапезу, состоявшую зачастую из чая и куска хлеба. А Ахмед рассказывал ей, что к городу подходят войска, и местное население уже оповещено о готовящемся штурме. То тут, то там были слышны взрывы и беспорядочная стрельба.

Потом был штурм города. Вокруг все взрывалось, и земля ходила ходуном. Ахмед в тот день не стал закрывать Марию как обычно на замок, и она металась по всему подвалу, не зная, в каком месте ее в любое мгновение может встретить смерть. Несколько бомб, а может быть снарядов, угодили прямо в дом, и он загорелся. Она едва не задохнулась от удушли-

вого дыма, проникавшего в подвал со всех щелей. Спасаясь от неминуемой смерти, которая на улице была везде, Ахмед те дни тоже прятался в подвале. Как они выжили в том аду, позже она и сама не могла себе представить.

Через неделю у Ахмеда закончились не только скромные запасы еды, но и вода. После бомбежки водопровод не работал, и им приходилось пить затхлую воду, чудом оставшуюся в водопроводных трубах. Но наступил такой момент, когда и она закончилась. Затянувшийся пожар в доме и тлеющий под обломками мусор сильно прогревали бетонные плиты перекрытий, отчего в подвале было нестерпимо жарко, и все время хотелось пить. В редкие минуты затишья Ахмед брал небольшое, пластиковое ведерко, и выскакивал с ним на улицу с тем, чтобы за считанные секунды наполнить его грязным снегом и вернуться обратно в подвал. Потом они томительно ожидали, пока снег растает, и по очереди пили талую воду прямо из ведра...

И вот, Ахмед исчез. Как она теперь будет жить одна в этом аду, Мария не могла даже представить. Несколько дней она просидела, а, точнее сказать, пролежала в своем укрытии, практически не двигаясь. На каждое движение нужны были калории, а где их взять, если во рту почти неделю не было даже макового зернышка.

Однажды утром, проснувшись от взрывов, она решила покончить раз и навсегда с этой скотской жизнью. Пусть лучше ее убьют на улице, чем она умрет голодной смертью в этом вонючем подвале. Кто знает, может ей удастся выжить и она встретит добрых

людей, которые ее накормят и напоят. Но так жить больше нельзя.

Пошатываясь от общей слабости в теле, она стала пробираться к выходу и уже фактически выбралась из подвала, как вдруг с улицы донесся душераздирающий крик, и последовавший затем одиночный выстрел. Схватившись обеими руками за закопченную стену, она замерла на месте. В узкий проем, образовавшийся между створками чудом уцелевшей двери в парадном подъезде, она увидела на улице людей. Одного из них она узнала сразу — это был тот самый наркоман Исмаил, захвативший их квартиру и имущество, но так и не успевший всем этим добром распорядиться.

Исмаил в руке держал пистолет, а взгляд его был устремлен на лежащего в грязи человека в черном комбинезоне. Она смогла разглядеть только ноги того человека, обутые в армейские ботинки со стоптанными каблуками. Странное дело — тело человека лежало неподвижно, а ноги с ботинками судорожно дрыгались. Было такое впечатление, что лежащий на земле человек пытается куда-то бежать, но ноги его каждый раз упирались в землю, и без этот ему никак не удавалось.

Второй выстрел сделанный Исмаилом, заставил бабу Машу вздрогнуть, и она едва не вскрикнула. Стоптанные каблуки, дернувшись в последний раз, на секунду замерли, после чего беспомощно завалились в одну сторону.

— Че с этими делать будем? — откуда-то сбоку раздался голос человека, которого баба Маша не могла видеть из-за створки двери.

Исмаил, не выпуская пистолет из руки, не спеша, обошел труп только что убитого им солдата и двинулся в сторону, откуда прозвучал голос неизвестного ей человека. Пересилив животный страх, она на карачках подползла ближе к двери, и, прильнув одним глазом к узкой щели, образовавшейся между одной из створок двери и стеной, стала наблюдать за происходящим.

То, что она увидела, позже возвращалось к ней в кошмарных снах, мучивших ее едва ли не каждую ночь. На земле лежал еще один солдат в черном комбинезоне. Горло у него было перерезано, а из глубокой раны в грязный снег вытекала густая кровь. Рядом с ним стоял молодой чеченец с окровавленным кинжалом в руке. Чуть поодаль лежали еще два военнотрупа, руки которых были связаны проволокой за спиной. Эти солдаты еще были живы, но душой они уже были не жильцы, потому как отлично осознавали безысходность своего положения.

— Ну что, русская свинья, плавать умеешь? — злобно процедил сквозь

зубы Исмаил и со всей силой ударил носком массивного ботинка по ребрам одного из связанных солдат. Тот застонал от боли, но ничего не ответил своему истязателю.

— А вот мы сейчас и посмотрим, какой из тебя пловец, — продолжил Исмаил. — Ахмед, ну-ка, развяжи ему руки.

Откуда-то со стороны подбежал совсем молодой чеченец, фактически подросток, который ловко распутал проволоку на руках солдата. Исмаил очередным ударом ботинка по ребрам своего пленника, заставил его подняться на ноги. Подталкивая солдата стволом пистолета в спину, Исмаил подвел его к тому самому канализационному коллектору, в котором до этого его люди утопили Машиного мужа. Ахмед забегал немного вперед и попытался приподнять крышку люка. Но она, видимо, примерзла и не стронулась со своего места. Потом Ахмед заметил, что с другой стороны бетонного перекрытия коллектора зияет дыра, по всей видимости, образовавшаяся от взрыва бомбы или снаряда, и, удовлетворенно

Исмаил в руке держал пистолет, а взгляд его был устремлен на лежащего в грязи человека в черном комбинезоне. Она смогла разглядеть только ноги того человека, обутые в армейские ботинки со стоптанными каблуками.

хмыкнув, показал на нее подошедшему Исмаилу. Исмаил заставил солдата встать на колени у самого края дыры, и, когда он исполнил его приказание, душегуб подошел к солдату сзади и неожиданно пнул его ногой. Через мгновение тело несчастного исчезло в проломе, а Исмаил и подросток стояли над ним, наблюдая за тем, как солдат барахтается в зловонной жиже. От удивленного обонимания стало весело, и они начали отпускать всякие пошлости в адрес тонущего человека. Но, по всей видимости, этим садистам показалось не достаточно, что они только вдвоем наблюдают весь этот «спектакль». Исмаил распорядился, чтобы к нему подвели второго пленника, и когда это было исполнено, он точно также заставил его встать на колени у дыры, но не стал его сразу спихивать в коллектор, а дал ему возможность насмотреться на то, как его товарищ принимает мученическую смерть.

Минут через десять барахтающийся в нечистотах солдат утонул. Исмаил выказал свое явное неудовольствие преждевременно завершившимся «представлением». Пытаясь продлить удовольствие, садист решил столкнуть в яму второго пленника. Но тот оказался немного проворней товари-

ша по несчастью. Все это время он искоса наблюдал за окружающими его людьми, ожидая в любой момент коварного толчка. И когда Исмаил попытался проделать с ним тот же трюк, солдат мертвой хваткой схватился обеими руками за торчащие из бетона арматурные прутья. Боевики стали бить его по рукам прикладами автоматов, и солдат от боли начал кричать. Последнее, что он успел выкрикнуть, уже падая в яму, было слово «Мама!»

По всей видимости, второй солдат совсем не умел плавать, поскольку его борьба за жизнь не продлилась и минуты. Исмаил, разозленный неудавшимся «шоу», со злости плюнул в коллектор, после чего дал указание своим людям сбросить в яму остальных убитых военнослужащих.

Он стоял, оглядываясь по сторонам, словно выискивая себе новые жертвы. В какое-то мгновение его взгляд встретился с взглядом бабы Маши. У той от страха мгновенно зашемило под сердцем. Она представила, что сейчас с ней произойдет, если

ее обнаружат. Наверняка она разделит бы участь солдат. Но Исмаил ее не увидел, и она тут же попятилась от двери как можно быстрее в свой спальный подвал.

Сколько еще суток баба Маша безвылазно провела в своей каморке, она потеряла счет. Женщина пребывала уже в полубомрачном состоянии, когда в подвале появились российские солдаты. Их появлению предшествовали взрывы нескольких гранат в подвале, а потом длинные автоматные очереди. Эти выстрелы и вывели ее из протрации. Несколько пуль цокнули в кирпичную стену, за которой она укрывалась. А когда лицо бабы Маши осветил луч карманного фонаря, она подумала, что живет последние мгновения. Тогда она еще не знала о том, что это были русские солдаты, и приняла их за подручных Исмаила.

Поддерживаемая молоденьким солдатом, баба Маша рассказала окружавшим ее военным, о том, кто она такая, и почему оказалась в подвале. Один из военных, по всему было видно — командир, тут же распорядился вывести пожилую женщину на улицу и как можно быстрее увезти ее от греха подальше, накормить и отпустить на все четыре стороны.

Когда ее захивали в БМП, началась сильная перестрелка. Из соседнего дома по российским солдатам стреляли сразу несколько боевиков. Солдаты вступили в бой, длившийся минут пятнадцать. К месту перестрелки подъехали танкисты, которые сде-

выскочить из бронемашины и броситься на стонущего бандита. В тот момент она наверно удушила бы его за все те злодеяния, которые он совершил. Но ей не дали этого сделать, и, оторвав от его горла ее цепкие руки, препроводили обратно в бронемашину.

В тот момент она наверно удушила бы его за все те злодеяния, которые он совершил. Но ей не дали этого сделать, и, оторвав от его горла ее цепкие руки, препроводили обратно в бронемашину. Тем не менее, она успела выкрикнуть, что это за человек и чем примечательны его «подвиги». Стоявший в сторонке танкист, вдруг резко развернулся на сто восемьдесят градусов и в одно мгновение заскочил в танк. Мотор взревел, танк резко рванул вперед, и тяжелые гусеницы мгновенно подмяли под собой лежавших в грязи боевиков. Они даже не успели закричать...

лали несколько выстрелов из пушки по дому с засевшими в нем боевиками. Когда бой затих, солдаты проверили полуразрушенный дом, откуда по ним велась стрельба, и обнаружили там двух раненых боевиков. Их за ноги приволокли к БМП и бросили в грязь. Они еще были живы, они двигались и выкрикивали что-то на чеченском языке. Именно в этот момент люк у БМП открылся, и двое военнослужащих стали загружать внутрь него своего раненого товарища.

Наверно не зря существует поговорка — «Бог шельму метит». Именно так случилось. Как только дверцы десантного отсека БМП распахнулись, баба Маша узнала в одном из боевиков Исмаила. Она нашла в себе силы

ну. Тем не менее, она успела выкрикнуть, что это за человек и чем примечательны его «подвиги». Стоявший в сторонке танкист, вдруг резко развернулся на сто восемьдесят градусов и в одно мгновение заскочил в танк. Мотор взревел, танк резко рванул вперед, и тяжелые гусеницы мгновенно подмяли под собой лежавших в грязи боевиков. Они даже не успели закричать...

Спустя два месяца я внимательно слушал исповедь седой женщины — Марии Козыревой, которая обратилась ко мне с просьбой восстановить утраченный паспорт, по которому она смогла бы получать гуманитарную помощь. Паспорт тогда я ей не смог сде-

лать, поскольку их в Чечне просто не было. А вот справку соответствующую выдал, а на обратной стороне сделал приписку: «Предъявителю документа всем федеральным структурам оказывать помощь в обеспечении безопасности и свободы передвижения по Чеченской республике» и поставил печать.

Через пару недель, прихватив с собой видеокамеру, взятую на время у одного знакомого чеченца, я разыскал бабу Машу. Она, как и прежде, ютилась в подвале своего сгоревшего дома, потому как рассчитывать на что-то большее не могла. Баба Маша показала мне тот самый коллектор, и я отснял страшные кадры с плавающими в нечистотах трупами солдат. На следующий же день я доложил обо всем увиденном руководителю нашей группировки. Он поморщился, а потом вдруг спросил меня:

— Ты сам-то полезешь сейчас в тот коллектор вытаскивать трупы? — И увидев на моем лице смутнение, добавил: — Вот и я не полезу. Придет время, и их вытащат те, кому это больше всего надо.

Эти слова генерала я запомнил на всю жизнь.

Незадолго до своего отъезда из Грозного, я попытаюсь очистить свою совесть перед теми погибшими танкистами. Обращусь к двум «алтайским» операм, которые в то время безвылазно работали в паспортно-визовом отделе, помочь мне в этом неблагодарном деле, и попрошу своего земляка Андриюху отвезти нас к тому коллектору на своем БТРе. Все наши попытки вытащить трупы багром не увенчаются успехом, потому как при глубине коллектора с трехэтажный дом, тот багор окажется коротковатым.

А через год я вновь окажусь в Грозном, и первым делом мне захочется встретиться с бабой Машей. Пустой подвал встретит меня пугающей темнотой и сыростью. Бабы Маши в подвале не окажется, и что с ней случилось, я не знаю до сих пор.

А потом я подойду к тому самому коллектору-«жертвеннику» и загляну в пролом. Трупов там я уже не обнаружу. Возможно, тех танкистов все-таки извлекли, причем, именно те, кому это было больше всего нужно. Кто знает. А может быть за жаркое лето девяносто пятого года человеческую плоть сожрали трупные черви, и скелеты бойцов теперь покоятся на дне бездонного, зловонного коллектора, а матери, оплакивающие своих без вести пропавших сыновей, даже и не подозревают, где покоится их прах.

Будь ты проклята, война!

Сергей Скрипник

Участвовал: Афганистан 1979 декабрь по 1983 январь (Кабул, Джелалабад).

<http://artofwar.ru/a/afgan/>

В ОДНОЙ ВОРОНКЕ

Из леска, расположенного северозападнее Бендер было удобно наблюдать за военными приготовлениями противника. Перед капитаном Игорем Шведовым, как наверняка отметил бы про себя опытный художник-баталист районного масштаба, открывалась замечательная перспектива: старое русло Днестра, поросшее камышом. Чуть левее от этого буйства растительности люди в пестрой военной униформе со времен румынской оккупации и до наших дней роют траншеи. Впрочем, делают они это как-то неохотно. Вдалеке виднеются крыши сельских домов.

Между опушкой, где прятался Игорь, и подготавливаемой позицией доблестной молдавской армии, мобилизованной в один день и брошенной на усмирение мятежного приднестровского города, пролегло поле шириной примерно в километр. На нем зияло с десяток свежих воронок. «Наши лупанули с утра, и, как водится, не попали,» — подумал Игорь. Ничего, сейчас он не немного передохнет, доберется до ближайшей воронки, передаст своим точные координаты, и...

...Однажды ему уже приходилось быть корректировщиком огня. В Афганистане, в 1984-м во время одной из армейских операций против таджикских повстанцев Ахмад-шаха Масуда. Штатного корректировщика батареи убило шальной пулей, и он, вместо того, чтобы послать кого-нибудь из подчиненных, вызвался идти сам. Потом он часто ловил себя на мысли, что пробыв в Афгане без малого три года, в тяжелые минуты, выпадавшие достаточно часто, он ни разу не подумал о Родине или партии, которая его сюда неизвестно зачем заслала. Исключительно о родственниках, водке и бабах. В зависимости от настроения. Еще одно, что в системе вечных и не очень вечных ценностей также занимало его мысли, — это жизнь солдат. Шведов был абсолютно уверен, что он обязан вернуть матерям живых сынов. И каждую гибель в своем подразделении переживал особенно остро. Именно это чувство и заставило его в тот день,

перейти небольшой отрог, за которым скрывались душманы и фактически вызвать огонь своей же батареи на себя. Из боя вышел с сильной контузией и ранением голени, больше двух месяцев провалялся в госпитале...

«Только ведь здесь не Пандшерское ущелье, — думал он, приближаясь к цели. — И передо мной не моджахеды — воины аллаха, а парни, с которыми в иных обстоятельствах сидел бы за дружественным столом и распивал терпкое молдавское вино»

Солнце клонилось к закату. Поспешая выполнить задание, он перебежками двинулся по полю к ближайшей развороченной взрывом яме. Бежать было трудно. В минуты волнения покалеченная нога давала о себе знать. «Только ведь здесь не Пандшерское ущелье, — думал он, приближаясь к цели. — И передо мной не моджахеды — воины аллаха, а парни, с которыми в иных обстоятельствах сидел бы за дружественным столом и распивал терпкое молдавское вино».

Пацифистские рассуждения Игоря были внезапно прерваны. Метрах в пятнадцати от себя он увидел человека в солдатской форме, какую носили в Афгане и офицеры, и солдаты — не поймешь, кто есть кто. Вскинув автомат, он дал очередь по незнакомцу. Но только тут он понял, что стрелять по живой мишени здесь, неподалеку от днестровской старицы, он просто не может. Пули ушли куда-то вверх. Ответные выстрелы также просвистели высоко над головой.

Двух «дуэлянтов» заметили на позициях и открыли прицельный огонь. Игорь в невероятном прыжке канул в воронку. На него сверху упало что-то тяжелое. Выбравшись из-под незнакомца, который, как показалось ему в тот момент, весил не менее ста килограммов, Шведов понял, что тот ранен в руку.

— Откуда? — спросил он.

— Из Карпинен, — услышал в ответ.

— Все понятно, враг.

И опять подумал о том, как странно здесь звучат эти слова «корректировка огня», «враг». На вылинялой гимнастерке «врага» красовались орден Красной звезды, медаль «За отва-

гу», почетный знак ЦК ВЛКСМ «Воин-интернационалист». Все это было и у него самого. Плюс еще одна «звездочка» за ту самую операцию в Пандшере.

— Что ж это ты, голуба, идя в разведку, на себя все регалии напялил? Где тебя этому учили?

— Я не в разведке. Из окружения выбираюсь.

— Дожили, — тяжело вздохнул Игорь. — Из окружения выбираемся, как в каком-то сорок лохматом году. Что, немцы вокруг? Или, может быть, моджахеды? Слышал такое слово?

— А как ты думаешь? — по-одесски, вопросом на вопрос ответил незнакомец (стоит заметить, что говорил он без характерного акцента, присущего многим коренным, в основном, сельским жителям Молдавии).

— Нет, я тебе, как артиллерист скажу, — засмеялся Шведов, — иногда вопреки логике «бога войны» снаряд дважды в одну воронку, все-таки попадает. Но чтобы два «афганца», да еще на такой идиотской войне. Расскажешь кому — не поверит. Ты где служишь-то?

— В Герате. Танкист.

— А я, представь себе, трижды в Пандшерское ущелье ходил за головой Ахмад-шаха. Пока не получил сильную контузию. Слава богу, наши боевые дороги там не пересеклись, а то ситуация, хоть в газету пиши. Стой, замри, ничего не говори. Я тебя перевяжу, пока ты кровью не истек.

Игорь потрогал место вокруг раны на левом плече и с удовольствием изрек:

— Кость не задета, значит, ампутация не понадобится.

Затем достал из вещмешка индивидуальный медицинский пакет, сделал обезболивающий укол, обработал прострел — рана оказалась сквозной — стал перевязывать.

— Санду Шеремет, старший сержант запаса, учитель истории в сельской школе, — представился незнакомец. — Можно просто Саша.

— Игорь Шведов, капитан артиллерии, впрочем, тоже уже давно в запасе, — отрекомендовался Игорь. — Две буквы «ша» в одной воронке.

— Откуда такое роскошество? — спросил Саша, кивая головой на аптечку.

— А это пока ваши бабы с мужиками по митингам шастали, да к изгнанию инородцев призывали, наши дамы экспроприровали армейские склады. Так что у меня с собой не только бинты. Есть, чем отметить наше случайное знакомство. Si vis pacem, para bellum. Что означает...

—...хочешь мира, готовься к войне. Я никаких таких лозунгов не выкрикивал.

— А как же оказался в Бендерах, да еще и в окружение попал? — в голосе Игоря слышалась легкая ирония.

Саша же не был настроен на шуточный тон.

— Мой БТР подбили, как только на въезде в город мы свернули на узкую улочку. Повезло, сидел на броне. От взрыва меня с нее, как ветром сдуло. Ударился о дерево. Когда пришел в себя, понял, что спасать в бронет-

ранспортере некого. Все, кто сидел внутри, сгорели дотла. До сих пор в носу стоит запах горелого человеческого мяса. Тут как тут ваша милиция пожаловала. Меня в воронку и куда-то повезли. А через два квартала и его расстреляли. Не знаю кто, наши или ваши. Я с убитого сержанта — совсем еще мальчишка — снял автомат и стал наугад пробираться к своим. А эти нагрудные украшения не для тебя, и даже не для себя, а для того упыря из рай-

А мы как дураки воюем на истребление. Ведь думал ли я когда-нибудь, что снова подниму автомат. Да еще на кого. Не на лютого врага — война ислама, — а на соседа своего, почти, считай, брата.

военкомата, который лично пришел за мной. Увел прямо из огорода.

— А почему не из класса, или не с выпускного вечера, ты же вроде как школьный учитель?

— Был им до недавнего времени. В апреле приехали принимать воинскую присягу на верность стране и народу. Война говорят, враг покушается на нашу независимость и территориальную целостность. Я ответил, что уже однажды принес воинскую клятву, и второй раз человеку, прошедшему войну, не престало присягать. Да и с врагом вы явно перегибаете. Это же наши граждане, договаривайтесь с ними, а не палите всех подряд без разбору.

Игорь между тем уже вскрыл две банки армейской тушенки, налил из фляги в кружку спирта и протянул Санду.

— Пей, да поскорей, а то знаешь, как Господь Бог покарал одного мол-

давина, поразив громом небесным за то, что тот задерживал тару.

Выпив залпом, бывший учитель продолжал:

— Уже на следующий день директор пригласил меня в свой кабинет и попросил написать заявление по собственному желанию. Сказал, что делает это без особого удовольствия либо злорадства, но того требуют высшие интересы страны. Я ведь сам кишиневец. После Афгана закончил пединститут и поехал по распределению в родное село родителей. Жил у деда с бабкой. Думал, отработаю три года, вернусь. Куда там. А тот летеха, который пришел меня забирать, заносчивый, гад, попался. Видно, что пороха не нюхал. А окажись в моей ситуации, то наверное бы наложил бы полные галифе букурии.

— Это, в каком смысле?

— Ну, в смысле радости. Молдавский знаешь?

— Как-то, признаться, не очень. Знаю, в Кишиневе так конфетная фабрика называется.

— Да это, по сути, теперь и не важно. Дал он мне пятнадцать минут на одевание и прощание с семьей — у меня ведь трое детей. Я и вышел к нему при полном параде, чтобы впредь не заносился и знал, с кем разговаривает. У меня в бронетранспор-

тере восемь человек заживо сгорело из-за таких кретинов, как он.

— Это точно, — милостиво согласился Игорь, — ведь никто из тех, кто poleg в эти дни с нашей стороны, тот же юный сержант из воронки, к тебе в Карпинены с оружием не врывался устанавливать конституционный порядок.

— Высшие интересы страны, — с горечью произнес Саша.

— Воры и партийные чинуши, вовремя сбросившие свои партбилеты, как ящерица хвост, управляют вами, — констатировал Шведов, большими глотками выпивая спирт из кружки. — Да и нами, признаться, тоже. Хотя любят, в отличие от ваших, поговорить об интернационализме. А мы как дураки воюем на истребление. Ведь думал ли я когда-нибудь, что снова подниму автомат. Да еще на кого. Не на лютого врага — война ислама, — а на

соседа своего, почти, считай, брата. Я ведь четыре года назад ушел из армии, работал на «Молдавизолите». У меня тоже двое ребятишек. Думал, мирная жизнь налаживается.

Между тем ужин был прикончен, во фляге еще что-то булькало.

— Да, чуть было не забыл, зачем меня сюда послали! — как бы картинно вспомнил Игорь. Он подтянулся к краю воронки и оглядел в бинокль «вражескую» позицию.

Над вырытыми наспех окопами мелькали головы людей. Всего же здесь

обосновалось не менее батальона пехоты и несколько оружейных расчетов.

— Ну и вояки! — усмехнулся Игорь. — Видели же, что два человека нырнули в яму. Могли бы послать кого-то добить или взять в плен.

В тот же самый миг над позициями грянула песня, что-то из молдавского фольклора, сопровождаемая пьяным гиканьем и ржанием. Со стороны это чем-то напоминало традиционное горловое пение австрийцев и альпийских немцев, именуемое йодлем.

— Кажись, перепились? — спросил Игорь.

Санду перехватил у него бинокль.

— Да, точно армата луй папук.

— Ты что ругаешься?

— Да это я еще не ругаюсь. В молдавском господарском войске — я все-таки учитель истории как-никак — был такой крестьянский спецназ, состоящий сплошь из оборванцев. Он так и назывался в народе — «армата луй папук», то есть «армия башмака». В бою от них толку было мало — боеготовность близкая к нулю. Они только пили, жрали, а перепившись пели, да девок таскали в кукурузу.

— Не попадись ты мне на жизненном пути, уже бы час прошел, как наша артиллерия здесь все бы перелопатила. И у вашего министра обороны, не помню, как его фамилия, было бы очень много копченого мяса, — пояснял Шведов.

Потом достал из вещмешка портативную рацию и свежую портянку.

— Вот тебе, Санек, заместо белого флага. Ползи на позицию, предупреди, чтоб через полчаса сидели все в окопах нишкни. Я наведу огонь нашей артиллерии на те камыши. Пусть только оцепление выставят, чтобы никто из крестьян под бомбардировку не попал. А ночью путь снимаются и уходят. Это не ваша война и не наша тоже. Пусть президенты и их отпрыски воют.

Позвонив над головой плат, Шеремет пошел к своим. Минут через десять на позициях зашевелились. Зазвучали команды на русском языке. Командиры отправляли людей в оцепление.

Игорь уже готов был выйти на связь, как в воронку опять нырнул Санду.

— Зачем вернулся? — спросил его Шведов.

В руках у Шеремета была пятилитровая канистра с вином и какой-то сверток.

— Ребята передали, — виновато сказал он.

В старую газету были любовно завернуты лук, брынза, тугие помидоры, кусок жареной курицы. Все время, пока приднестровская артиллерия утюжила пустынное, заросшее камышом русло старицы, новые друзья пили и закусывали. А как стемнело, оба ушли, каждый в свою сторону. Каждый — с чувством выполненного долга, ибо долгом каждого честного человека, вопреки своей воле участвовавшего в этой постыдной войне, было допустить как можно меньше братоубийства.

— Давай, танкист, коль два афганца попали в одну воронку, то они обязательно должны встретиться после войны.

— Как друзья, товарищ капитан.

Ни капитан Игорь Шведов, ни старший сержант Санду Шеремет, никто из военнослужащих молдавского батальона, снявшегося с позиций в ту же ночь, не видели и не могли видеть того, что произошло здесь через несколько дней. Снаряды взрывали землю, оставив несколько сотен воронок. Эти ямы стали могилами для многих жертв бендерской трагедии. Под покровом ночи сюда свозили грузовики с трупами людей, среди которых было немало мирных жителей. Молва утверждала, что здесь прятали следы своих преступлений «кровавый» приднестровский подполковник Костенко и банды молдавских волонтеров-отморозков, грабивших Бендеры.

В течение нескольких лет после описанных событий в этом приднестровском городе работала совместная следственная группа, укомплектованная криминалистами и прокурорскими работниками из Кишинева и Тирасполя, которая один за другим вскрывала чудовищные захоронения, идентифицировала человеческие останки. Всего было извлечено свыше трехсот тел. Всех, кого удалось опознать, передали родственникам для перезахоронения. Более ста так и не опознанных погибших погребли на Западном кладбище Тирасполя. В пронумерованных могилах сегодня лежат неизвестные жертвы той страшной и до сих пор непонятной войны на Днестре — жители правого и левого берегов, молдавские полицейские и солдаты, приднестровские гвардейцы, много мирных, ни в чем не повинных граждан...

Сергей СКРИПНИК.
Город Кишинев 30 мая 2005 г.

Алексей Васильев

Образование: Уссурийское СВУ — 83 год, Киевское ВОКУ — 87 год служба: Чирчик, Фарахруд, Баку, Ростов в составе 22 ОбрСПН

http://artofwar.ru/w/wasilxew_a_a/

БАКУ. 1990...

Зима 90-го.

Игра в нарды была прервана стуком входной двери, ротный снял с гвоздя автомат, шелкнул магазином:

— Леха, собирайся, выезжаем на сопровождение, Славка, остаешься за старшего...

С декабря 1989 года наша рота неотлучно находилась при Ставке Южного направления. Для «поддержки штанов» генералитета. Очень уж им нравилось, когда их сопровождали повсюду камуфлированные ребята с автоматами. Время было беспокойное, пожары Сумгаита и Карабаха бередили умы. Кто прав? Кто виноват? Аллаху известно, может быть. Но Аллах и Господь молчали. А два народа закипали взаимной ненавистью друг к другу. При чем тут мы? А, как обычно... Мирим дерущихся, помогаем обиженным. Национальная особенность, знаете ли.

Баку. Красивый южный город. Город базаров, шашлыков и черной икры. На каждом перекрестке БМПшка, бойцы в бронжилетах проверяют документы. Запах надвигающейся войны.

— Сань, а кого встречать-то будем?

— Варенников с Язовым прилетают. Будут оценивать обстановку.

— Ну, хоп, поехали...

Аэродром «Бина» — воздушные ворота Азербайджана. Ветер на взлетке срывает кепку с головы. Переминаемся с ноги на ногу. Высокое начальство спускается по трапу. Варенников улыбается:

— Где-то я тебя видел, старлей?

— Да армия у нас большая, а охранять вас, кроме нас, некому, — улыбаюсь в ответ.

— Проверенные кадры — это хорошо, вот постричься бы тебе... ну да ладно.

Хлопают дверцы УАЗиков. Плюхаюсь на переднее сиденье. Поехали.

Только вернулись к нардам...

— Васильев! В разведотдел!

Тьфу, мать вашу... никакой жизни. В отделе полковник К. ставит задачу:

— Назначается в сопровождение Министра Обороны, шесть бойцов, полтора БК, сухпай на четверо суток. Задача на данный момент: выехать в гостевой домик, оценить обстановку, обеспечить охранение. МО будет вечером. И... постригся бы ты, а? И ботиночки на уставные сменил...

Я молча киваю. Щаз-з... Вот все брошу, и пойду разыскивать уставные ботинки...

Гостевой домик МО находится прямо у ворот «Сальянских казарм». Бородатые люди жгут костры у ворот. Баррикады. Сальяны блокированы — бакинцы не хотят допустить ввода войск в город. Хм, а ничего так себе домик... Ковры персидские... биде всяческие, полотенца накрахмаленные... Хорошо быть Министром Обороны.

В доме три входа — по два бойца на вход, нормально.

Посты расставлены, заваливаюсь на диван, лепота... Созерцание потолка прервано связистом-подполковником с группой подхалимов. Гляжу на часы — почти полночь. Подполковник — лично! — начинает протирать — спиртом! — батарею телефонов на столе. Телефоны все с гербами, только один с наборным диском. Остальные — прямая связь с кем-то. С кем? Позже проверим. В ответ на мое предложение употребить спирт по прямому назначению подполковник делает круглые глаза. Богохульство в божьем храме! Ну, ему виднее... может у них спирта столько, что и телефоны протирать хватает.

Автоматная очередь... еще одна... треск, нет, шквал автоматного огня... Подполковник суетливо хватается за бутылку со спиртом и исчезает. В окно влетает шальная пуля, слегка попортив интерьер. Ну вот... Отдохнули на коврах... Пытаюсь сообразить, что происходит. Ворота «Сальянских казарм» распахиваются, оттуда, сминая жалкую баррикаду, выкатывается танк, за ним цепью пехота. Пехота не жалея патронов лупит вверх из автоматов, спотыкаясь об обломки баррикады, пули летят «куда бог пошлет», горожана разбегаются во все стороны.

Автоматная очередь от нашего входа. Крик «Стоять!» О, это ефрейтор Радин тренируется.

— Да он с ружьем, вон там, на крыше, в меня целился, — оправдывается боец.

— Значит так! Без команды, или нападения не стрелять! Патроны экономить!

Ожила радиостанция. Ефрейтор Блохин, стало быть, на связи.

— По нам стреляют! Что делать?..

Непечатно.... Это я выставил «фишку» у забора, лежат бедолаги под «дружественным огнем». Боятся, понятно, дело молодое. Приказ тот же:

«Огня не открывать, наблюдать за обстановкой». Страшно им... Да и мне, чего греха таить, страшно. Дома жена с ребенком, а я тут... Впрочем это все лирика. Пришла пора проверять телефоны. Поднимаю трубку наугад — «Рубин», слушаю Вас... Какой приятный голос, девушка в Москве, а мы тут... «Извините, «Рубин», ошибка»...

После ряда попыток натякаюсь на линию связи со Ставкой. Пытаюсь, как положено, доложить ситуацию в разведотдел. Там суматоха. Наконец полковник К. на связи:

— Что? Кто? Васильев? Не до тебя. Действуй по обстановке!

Нормальный ход... Нашли стратега, блин.... Почесав затылок, выхожу — по связи — на комбата. С тем просто. Но совет тот же: «По обстановке, я думаю, ты сообразишь». Спасибо, Виталий Александрович, на добром слове. Наблюдаю осторожноенько в окно за ситуацией. Зачем мне лишняя дырка в голове?

Пехота согнала гражданских вниз по улице, загорюив ее танком. Внизу размахивают азербайджанским флагом, с высотных домов шелкают одиночными выстрелами «воины аллаха», пехота лениво отстреливается. Картина забавная. Лязг гусениц, в соседний двор вкатывается три БМДшки... О! Кавалерия подросла! Значит, будем жить! Мимо окна бежит парень в камуфляже, осторожно стучу по стеклу. Оказалось — лейтенант с Рязанского полка ВДВ, весь такой бравый, с РПК на перевес, ну — Рэмбо... Один! Поясню: афганский опыт диктует — меньше трех не ходить. А тут один! Герой, мать его... Идет организовывать взаимодействие с соседними подразделениями, похвально.

— Погоди, я с тобой, я еще вечером с соседями договаривался.

По соседству размещался дом генералитета, охраняемый армейской ротой спецназа. Коллеги. Я заранее к ним приходил, объяснял, что рядом мы, что с флангом у них все в порядке, что в нашу сторону стрелять нежелательно. Помогло? Угадайте с трех раз. Забор вокруг домика бетонный, а к соседям дорожка с калиткой, только мы через калитку...

— Стоять!

Стоим... Следом автоматные очереди — по нам! Кто их учил? Я, естественно, носом об бетон сразу, и как тот рак, сдаю задом за забор. Стреляющих четко вижу, на фоне неба — три УАЗика и группа людей. Снял бы одной очередью. Но ведь это наши. Посему отползаю, матерясь про себя. Уже почти отполз, тут мат и крик — ранили рязанца. Приходится ползти к нему. В ухе звенит. Когда ж у них патроны-то кончатся?

Ползу, значит, кричу, пытаюсь остановить бессмысленный расход боеприпасов. Не слышат. Подполз.

— Что такое?

— Рука...

Эх, горе ты мое... Тяну его за воротник, пытаюсь утащить за спасительный забор. Еще этот РПК... Что за страсть к громоздкому вооружению? Наконец-то патроны кончились у стрелков этих... Услышали мои вопли, стрелять перестали. Надо бы было сразу пойти по клювам настучать, да раненый... Короче притащил его к нам, перевязали. Вызвал рязанцев. Вот, мол, говорю, заберите пострадавшего... Пострадавшему, к слову, через неделю дали орден, в госпитале прямо. А мне... Впрочем, вот недавно таки пришла медаль. Помнит Родина, стало быть... Утром боец мой выковырял пулю из забора. На память. А в ухе звенит. Пошел посмотреть — рикошет на бетоне сантиметрах в пяти от места, где была голова моя. Мда... Справедливости ради стоит заметить, что стреляли не спецназовцы, один подполковник ПВОшный, адъютант командующего ПВО, черт перепуганный...

Пока мы тут суетились, у меня во дворе сама собой образовалась БМПшка, стучу прикладом по броне: — Ты кто, чей, зачем? — Рядовой Хуснутдинов, командира сказала — сюда, зачем — не знай. Кто командир... чья машина, где экипаж? Становится все забавнее. В принципе с БМПшкой-то повеселее будет. Утро уже почти. Стрельба затихает. От ря-

занцев парламентарий — зовут в гости. Десантники разместились в гостинице, что по соседству. Командиры сидят в холле, боец с полотенцем через руку, в бронеке и каске, разносит пирожные из бара. Картина еще та... Ну, познакомились, обсудили сектора ответственности, ткнули по маленькой. Пока болтали, расчет БМДшки снял из пушки снайпера с соседнего дома, вместе с чердаком. А ведь дома-то жилые... Блин, а мои-то... Ну, наверное все в порядке. Хочется в это верить.

Как раз примерно в это время два «Урала» пробивались через город в направлении аэропорта. Борта обвешаны бронжилетами, в кузовах — жены и дети.... Наши жены и наши дети. Хорошо, что не вся часть была на выезде. А уж о своих-то разведка всегда позаботится. Холодная январская ночь, Ил-76 гудит движками, открытая рампа... аэродром пытаются заблокировать, скорей, скорей... в руках ребенок, коляска, чемодан... Седину моя жена крашивает. В это годы...

Хорошо, что средствами связи МО обеспечен на полную катушку. Все утро я обрывал телефоны, пытаюсь узнать что-то о семье. Утром выяснил: долетели, все в порядке, у друзей в Киеве. Ну, теперь можно спать спокойно.

Утро. Обхожу окрестности. Пехота греется у костра около танка, вяло постреливая по соседним домам, от-

куда им надоедают снайперы. Ока- зывается — «партизаны» из Ростова. Солидные такие дядьки. Но не бой- цы они... Не бойцы. Ко мне подхо- дит бородастый мужик — за старшего он у них: «Сынок, ты, я вижу, воен- ный, нам вот автоматы дали, гранаты... А что делать-то? Ты, я гляжу, даже без бронжилета — спецназ бро- ники не носит!» Ха! Была бы моя воля, я бы два одел, просто нету их, только-только на бойцов хватает. Утро уходит на приведение в поряд- ок «партизанского войска» Кто ду- мал? Чем думал? Зачем мужиков-то гражданских сюда... Злобно плююсь в биде и заваливаюсь спать. Будет день — будет пища.

Автоматная очередь вернула к су- ровой действительности. В коридоре, у двери, рязанский лейтенант забра- сывает персидский ковер горячими гильзами. Очередной «воин аллаха» ведет дуэль с точкой на верхнем этаже гостиницы «Салют».

— Эх-х... смотри, как надо...

Вторая граната из подствольника ложится аккурат в окно чердака дома напротив. Стрельба умолкает.

— Вот так. Просто и эффективно.

Не надо было ему меня будить, ой не надо... Прими аллах его душу. Я спросонья раздражительный очень, и без первой чашки кофе... Кофе?... Странные запахи с кухни.

— Радин!

— Я, товарищ старший лейтенант!

— Вы где кофе взяли?

— Да так... тут было...

— Тащи!

Живут же люди... «Арабика» в гли- нных чашечках... Болгарская сига- рета... Лепота.

А и правда. Чего мы будем давить- ся сухпайком, когда тут запасы. Все равно ведомство-то одно. Какая раз- ница, где на довольствии стоим?

— А тут уже картоха скоро пожа- рится... (Радин, как всегда, на вы- соте.)

Смотрю на часы, точно, обед уж... Остатки сна растворяются в кофейной чашке.

Еще бы не стреляли...

В соседний двор залетает «Урал». Бойцы красиво десантируются и рас- сыпаются в цепь. Командир, присев за машиной, руководит действиями подчиненных. Грамотно! Наполеон, елки-моталки. Что-то это мне напо- минает? Ага! Напоминает штурм мо- его домика первой ротой нашего от- ряда. Занятно. Приглядевшись, узнаю командира. Санька! Однокашник и сосед по лестничной клетке. Ну про- играл он мне 10 рублей в преф давеча... Так что? Таким образом списы- вать долги? Выхожу на крыльцо, поднимаю руки, кричу:

— Сдаемсу-у-у-у...

Саня озадачено глядит в мою сто- рону.

— Заходи, дорогой!

Бойцы обнимаются, мои «рексы» угощают дружок трофейным «Родо- пи», Саня плюхается в кресло.

— А неплохо устроились!

— Саня, скажи, чем я тебе так на- солил-то?

— Да вот...

На журнальном столике появляет- ся схема местности, нарисованная от руки. На моем домике пометка: «духи». Нормальный ход!

— Кто ставил задачу?

— Полковник К. из ставки. Леха, ну мы ж не знали, что ты тут...

— А задача?

— Задача выбить — извини — тебя, занять этот домик и обеспечить охра- ну соседнего.

— Стратеги... Мать их... Ну ладно, занимай соседний дом и приходи на ужин.

Жуткое желание поехать в Ставку и взять штурмом разведотдел.

Звоню комбату:

— Виталий Александрович, все в порядке, 1 рота прибыла, потерь нет.

— Ну, вы там... По обстановке...

День проходит без происшествий. «Сальянцы» обравнивают из «Шилки» высотный домик. Редкие шелчки пуль по жестяной крыше. Нормально.

М-м-мать! Очередь из окна гости- ницы по точке первой роты. В ответ не стреляют. Врываемся в гостиницу.

— Какого?.. Кто?..

Из номера на третьем этаже вытас- киваем пьяного пехотного капитана. Пить нужно меньше! Не будут духи везде мерещиться. Бойцы на точке живы — слава аллаху! Окно разбито, кафель весь в пулевых отметинах. По- везло.

Вечер. В «запасниках» обнаружи- вается водка «Золоте кольцо». Кон- фискуем, не дай боже, бойцы добе- рутся.

— Радин! Накорми чучмека, а то оголодает, в БМПшке сидючи.

Приходит Санька, подтягиваются, прослышав о «запасниках», рязанцы. На столе картошечка, болгарские огур- чики-помидорчики.

— Да черт с ним! (открываю гра- финчик «Золотого кольца»)

За ленивым трепом коротаем ве- чер. Все нормально.

Очередной день января 90-го года заканчивается.

Все нормально?

Арман Сагателян (Ся Го)

Родился в августе 1975. В 1990—92 — парашютно-десантная секция ДОСААФ. Разряд по дзю-до, парашютному спорту, «Курс молодого бойца» и т.д. Почти в кармане была путевка в Рязанское высшее воздушно-десантное училище — да не тут-то было. Развал страны и война. В результате гражданский ВУЗ (надо же было куда-то поступать). На фронт сбежал добровольцем, будучи студентом первого курса. ВУЗ все-таки закончил, потом аспирантуру. Офицер запаса. Награжден нагрудным знаком «Участник боевых действий 1992-94», медалью «Героин Нжде».

http://artofwar.ru/s/sja_g/

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ ВОЙНЫ

Я вышел из казармы и направился в сторону автопарка. Тиг (Тигран) вышел за мной, на ходу поправляя «лифчик» (разгрузочный жилет), чего-то бормоча и матерясь вполголо- са. Повод на то у него был: он ужасно любил спать, а мы мало спали уже тре- тьи сутки. Расположили нас в Арачад- зоре. Чуть выше еще оставался Кичан, там мы ночевали вчера в здании шко- лы, а все, что выше и до конца Марта- кертского района, — под контролем азербайджанских сил. Нашим направ- лением был Члдран, который уже черт знает сколько раз переходил из рук в руки со значительными потерями с обеих сторон.

Есть тоже особо не успевали, да и Камсар, наш взводный, настойчиво не рекомендовал в боевой обстановке накладываться на жратву. А чтоб мы не загнулись вконец, он нас своим ред- ким пайковым шоколадом подкармли- вал. Вообще, классный был мужик, хоть и со странностями. Но так как странности на войне — дело нажив- ное и всем нам к тому времени уже не чуждое, то мы его уважали очень, да и нас он любил, вроде, пацанов семнад- цатилетних. Сам он тоже был из Ере- вана и, как и мы, добровольцем. Комс не курил, но исправно получал свою законную пайковую пачку сигарет «Кос- мос» с белым фильтром и сразу делил на 3 части. Восемь мне, восемь — Тиге и четыре — про запас. Наших полагаю- щихся плюс «командирской» добавки в целом хватало. Иногда даже попада- лись трофейные «President» или «Congress», но дерьмо отменное — раз- ве что фильтры поотрывать...

На улице — грязь ужасная. Конец осени уже, ноябрь 92-го. Да и грязь глинистая какая-то. К тому времени нам уже выдали первые «афганки» ар- мянского производства и ботинки тоже нашеньские. Так вот, грязь эта глини- стая по-видимому была щелочная очень, потому как формы наши быст- ро обратились в «камуфляж»: соскре- бешь прилипшую к форме грязь — а под ней форма уже другого цвета. И перелив такой классный — у ботинок ткань почти белая, как «выцветшая

Вроде, мальчик, на вид лет пяти. С золотисто-пепельными вьющимися волосами и светлыми большими глазами. Я даже взбодрился от увиденного, потому как прямо вылитый Ма- ленький Принц.

афганка», выше — уже с примесью «зе- лени», еще выше — уже светлый хаки и так далее. Забавно очень.

Мы, еще толком не проснувшись, докуривая первую утреннюю сига- рету, молча дошли до точки сбора и от- правления. Комс уже стоял у бортика 66-ки и говорил о чем-то с Хориком из второго взвода. Нас он, конечно, заметил и поприветствовал кивком. Тига достал из пачки вторую сига- рету, прикурил от первой, не переставая чего-то подправлять, подтягивать и проверять. Все бойцы были заняты обычным приготовлением перед выхо- дом. Все как всегда. Практически не- изменные, отточенные, механические движения. Прям — «День сурка».

Я поднял голову. Небо все того же унылого цвета, плавно переходящее в пейзаж неописуемой красоты. Осень в Карабахе невероятно красивая. Кто бывал — знает. Холмы красновато-зе- леновато-желтые, причем каждый цвет с десятком оттенков. Это что-то! Я прошелся взглядом по сопкам, ниже, потом еще ниже, пока не остановился на доме напротив. Вообще большин- ство жителей прифронтовых деревень, тех, что удалось отстоять в Мартакер- тском районе, уже эвакуировали. В деревне, однако, еще оставалось не- сколько семей (стариков, женщин, детей), и их вывозили в сторону Сте- панакерта по мере возможности.

Домом строение это, расположен- ное за тем, что называлось дорогой, можно было назвать с большой натяж- кой. Одноэтажное полуразрушенное каменное строение с уцелевшей одной, наверное, комнатой. Крыша, тяп-ляп покрытая маленькими огрызками ши- фера. Следов от забора не осталось во- обще, а то, что некогда было огородом, по всей видимости, разворотило мино- метными снарядами. Одним словом, тоже вполне банальная картина. Если

бы не ребенок, стоявший у порога дома. Видимо, и он нас заметил, потому как спустился по остаткам ступенек и на- правился в нашу сторону. Уверенным шагом прошел метров 10-15 и остано- вился на обочине дороги прямо напро- тив, так что я сумел его детально раз- глядеть. Вроде, мальчик, на вид лет пяти. С золотисто-пепельными вьющи- мися волосами и светлыми (голубыми?)

зелеными?) большими глазами. Я даже взбодрился от увиденного, потому как прямо вылитый Маленький Принц. Конечно, если б не задний план и его внешний вид: в некогда желтых детских колготках с изрядным количеством различных пятен и заплаток, на ногах, вроде, сапожки, с тупыми носками, очень грязные. Вязаный темно-синий жакет, а поверх — полупальтишко нараспашку неопишемого и ранее мне неизвестного цвета и без пуговиц. Руки в карманах. Он тоже внимательно осмотрел меня, потом Тиго, который еще толком не проснувшись, тупо докуривал вторую сигарету. Потом снова посмотрел на меня....Еще раз на Тиго.... Снова на меня....

— Дядя. Дядь!..

— Ты мне? — как ужаленный внешне откликнулся Тиго, наконец-таки заметив пацана и резко вернувшись к ощущению реальности.

— Не. Дядь!

— Мне? — спросил я.

Мальчик кивнул.

— Чего? — добавил я.

— Дядь, иди сюда, — уже на карабахском диалекте ответил он.

Я перешел дорогу, по колену в грязи, и подошел к нему. Теперь я разглядел точно — у него были голубые глаза.

— Чего?

— Дядь, вы куда идете?

— ...

— Вы идете в бой? — добавил он, не дожидаясь моего ответа.

— Ага...

— Дядь, вы идете освободить нашу деревню?

...Значит, он не отсюда. Значит, из деревни, что осталась выше. Наверное, их эвакуировали сюда ранее... Я присел перед ним на корточки...

— Ага, — кивнув, пробурчал я, стараясь сделать уверенную мину, дабы не разочаровывать пацана.

И тут от моего мало внятного «ага» он преобразился! Он словно впервые увидел слона, словно увидел огромную светящуюся новогоднюю елку, что ставили на площади Ленина в Ереване до войны, словно увидел праздничный салют на 9-е Мая, которого доселе никогда не видел — так засияли его глаза! Он даже улыбнулся. Так по-детски, искренне... Точь-в-точь как мой младший брат, по которому я вдруг ужасно заскучал. Они ведь, кажись, ровесники. Между нами почти 12 лет разницы, через полтора месяца ему исполнится 5 лет. Он с родителями в Ереване, где сейчас тоже холодно и темно, но он хоть дома!.. и не под обстрелами и непрекращающимися бомбежками... Блин... Я до этого и не скучал особо по нему... времени не было об этом думать, да и не расположен я особо к этому чувству. А тут... навеяло вдруг... и все сразу. Я даже не задумывался до этого, увижу ли его еще или нет, каким он будет, когда станет взрослым, как сложится его жизнь и буду ли я рядом, когда ему это будет нужно, или... или... !.. Я не мог оторвать взгляда от пацана, как будто хочу на него насмотреться, как на брата... И тут я заметил искорки лукавства в его до этого искренней и доброй улыбке. Он прищурил глазки, небрежно посмотрел по сторонам, потом снова взглянул мне в глаза и вынул из правого кармана руку, сжатую в кулачок. Потом посмотрел по сторонам еще раз и разжал кулак...

— Ага...

— Дядь, раз так, возьми это... — на ладошке лежал патрон калибра 5,45... Я сразу понял, почему он обратился именно ко мне, а не к Тиго. У Тиго АКМ, у меня АКС-74. То, что надо! Так вот, почему он так пристально нас рассматривал! Пацан знал, кому отдать свое сокровище, свою самую сокровенную вещь. Не машинку там, не игрушечный пистолет, даже не мячик или фонарик, а боевой патрон калибра 5,45! Какого хрена это должен был быть патрон, назначение и истинная сущность которого вообще должна быть неизвестна пятилетнему пацану, не говоря уже о нюансах калибра и прочего! Хреново мне стало... но я держался, не подавая виду, как сильно меня зацепило...

Я снял с плеча автомат и, сидя на корточках, поставил между ног, чтоб он отчетливо видел, что я делаю. Уже ясно — счет по полной. Снял с предохранителя, передернул затвор и загнал патрон в патронник, потом перевел предохранитель вверх до упора, снял магазин, взял с его ладошки патрон и заправил 30-й в обойму.

Наши уже догружались. Я потрепал его по золотисто-пепельной головке и быстрым шагом, не оглядываясь, зашагал к машине. Погрузился я, как всегда, последним. Мы тронулись с места, и машина, завыв унылым тембром, начала подниматься вверх в сторону Кичана.

Он стоял, где стоял, руки деловито в карманах... Даже не помахал, да и к чему на войне такому, как он, мужику, излишняя сентиментальность. В некогда желтых детских колготках со значительным количеством различных пятен и заплаток, в вязаном темно-синем жакете, поверх — полупальтишко нараспашку неопишемого цвета и без пуговиц....

Вылитый Маленький Принц!.. Войны.

Войны.

Дмитрий Сухоруков

Советник. Участвовал: Африка, Югославия

http://artofwar.ru/s/suhorukow_d_a/

КОТ

Война сама по себе явление отвратительное, и ничего поучительного или героического в ней нет. Растерянные люди, потерявшие веру во все, что существовало в их жизни. Убитые и раненые, которые могли бы нормально жить до самой старости.

Сумасшедшие, добавляющие гнетущей неразберихи. Уроды всех мастей, активизирующиеся в неспокойное время, мародеры, садисты, преступники. Журналисты, которые днем дерутся за право первыми снять растерзанный труп пятилетнего ребенка, а ночью на «редакционные» напиваются в опустевших отелях до скотского состояния. Комиссии всех рангов и всех ведомств — вестники глобализации, одетые в бронежилеты и каски, всегда наготове, но за 200 км от ближайшей опасности. В общем, ничего такого, что могло бы заинтересовать нормального человека.

Еще личное восприятие войны очень зависит от ландшафта. Если вокруг каменная пустыня, выжженная солнцем на тысячи километров вокруг, люди, живущие по принципу «убить или быть убитым», нищета и каменный век, война, как это ни цинично звучит, выглядит «органичной». Органичной, чем воронки на современной автобусной станции, чем расплавленные от трассирующих пуль металлопластиковые фасады бизнес центров, чем развороченные снарядами телефонные автоматы с рекламой кредитных карт. Ужасно выглядят запыленные, уставшие женщины — мужчины и женщины в современной европейской одежде. Больше всего жаль детей, обычных европейских детей, которые еще вчера не знали никаких забот, играли на

видео-приставках, смотрели рекламу шоколада и конструкторов, по тем же каналам, что смотрят наши дети. А сегодня они вздрагивают от громких хлопков и больше всего на свете боятся потерять индивидуальный перевязочный пакет и родителей. А еще

они с укором смотрят на нас — вот же эти солдатики, в которых они еще вчера играли, они ничем им не могут помочь, только проверяют документы их родителей и на большой карте указывают подконтрольные ООН автомобильные дороги. От всего этого

на войне устаешь и начинаешь искать во всем красоту.

В тот погожий весенний денек я уже минут десять разглядывал вид, открывающийся из окна машины. Холмы, речка, разрезающая поле серебристой лентой, игрушечный лес вдаль. Типичная пасторальная картинка, аккуратные домики, выстроившиеся в две шеренги вдоль хорошо заасфальтированной дороги. В таком месте хотелось бы жить, растить детей, заниматься любимым делом, приглашать в гости друзей.

Я старался не смотреть на сгоревшую остановку транспорта и на рекламный щит, изрешеченный всевозможными калибрами. Но как бы я не корректировал картинку, в поле зрения все равно попадал этот дом. Он был, вероятно, самым дорогим и большим в этом поселке, добротный забор из красного кирпича, красивые кованые ворота, затейливая ковка на балконных перилах. Все это было основательно сгоревшим, черные проемы окон, пепелища построек во дворе, крыша, обвалившаяся внутрь второго этажа. Интересно, думал я, хозяин сам сжег свой дом, уходя из поселка, или он жертва этнического чисток, или это попадание фугаса? В любом случае все это было очень печально.

От раздумий меня отвлек шум и детские крики. Я вылез из машины и тут же увидел человек десять ребятишек и Марко. Марко был в ярости — правой рукой он тряс за плечо мальчишку лет восьми, а в левой сжимал какой-то темный комок. Я направился к ним, достаточно хорошо зная Марко, я был уверен, что ситуация неординарная. Несмотря на адриатический темперамент, Марко был скуп на эмоции, особенно на службе.

— Зачем, зачем ты убил его? Просто скажи мне, ведь он ни в чем не виноват, смотри, какой он был хороший, пушистый, маленький, неужели тебе не жалко? — Марко с трудом подбирает слова такого сложного для него языка. Лицо его было белое, как маска, губы тряслись, таким я его еще никогда не видел. Лицо мальчика ничего не выражало, он молчал, из его глаз катились слезы, оставляя темные следы на футболке с динозаврами. Марко отпустил мальчишку, сел на корточки и положил комок на землю. Это был мертвый котенок, полосатый, с обычной острой мордочкой и с веревочной петлей на шее.

— В чем дело? — спросил я детей. — Вы что, замучили кота? Кто же вы после этого?

Из гурьбы детей вышла девочка лет одиннадцати и скороговоркой выпалила:

— Йован не виноват, кот вчера убил его папу. А две недели назад кот убил моего дядю, у нас у всех дома есть коты и собаки, мы их любим. Йован больше не будет, пожалуйста, не называйте его.

Я был озадачен, Марко ждал от меня перевода, в это время к нам подошел местный староста, который вчера звонил на станцию и вызывал патруль. Мы с Марко прошли в его дом, и он быстро ввел нас в курс дела. Около десяти лет назад к ним в поселок приехал семейный человек, он сразу нашел старосту и получил у него разрешение на строительство дома. Несмотря на то, что человек исповедовал не ту религию, что остальные жители поселка, к нему относились хорошо. Он был отличным мастером, чинил любые электроприборы, а его жена выращивала восхитительные овощи. Летними вечерами во дворе она тушила их и добавляла специи, секрет которых до конца известен лишь поварам Востока. Иногда на лавочках перед его домом местные старики собирались выпить, хозяин не пил, но всегда добродушно садился рядом и попыхивал душистым табаком. Его дочь играла на маленькой круглой гитаре и очень хорошо училась, все дети ее любили и никогда не давали ей по-

нять, что она тут новенькая. В общем поселок приобрел еще одного отличного гражданина, который своевременно вносил деньги на всякие местные улучшения. Дети за глаза называли его «Кот», уж очень он был черноволос, а его торчащие в разные стороны усы и янтарные глаза, делали сходство еще сильнее.

Кот и его семья пострадали от начавшейся войны первыми в поселке. Никто точно не знал, как все произошло, через их поселок шли озлобленные отступающие войска. В тот вечер пьяный командир дал оплеуху старосте, за то, что тот отказался «помочь защитникам отечества материально». Поселок всегда жил небогато, а в то время особенно.

— Всех бы вас расстрелять, сволочи! — надрылся пьяный командир. — Ухватились женам за юбки, твари трусливые, завтра босняки придут и отдерут вас тут, как шлюх, вспомните меня!

Еще через час, подзаправившись спиртным, он вышел голый по пояс и с автоматом в руках на центральную улицу.

— Еще эту суку тут пригрели, кто он вам? Почему вы его не повесили? Может, вы ему тут поле пашете, как рабы? Почему у него самый большой дом? Вам не стыдно? Ну, ничего, сейчас я вам помогу...

Староста дважды пытался в ту ночь препятствовать разбою, но только получил ботинком в лицо от «защитников отечества». Утром, когда отряд ушел из поселка, большой красный кирпичный дом горел.

— Они изнасиловали его жену и дочь, потом избили их. Его они побили и заставили пить водку и есть

окорок, потом жгли его паяльником, — староста сжимал морщинистые руки в кулаки, видно было, что даже сейчас ему больно вспоминать об этом. — И все такие молодые, не старше тридцати, и все на вид такие образованные из университетов, не то, что мы тут, крестьяне. В общем, он утром пришел в себя, у него было спрятано где-то ружье, он застрелил свою дочь и жену, поджег дом и ушел.

— И что же?, — спросил я, — он начал убивать своих односельчан? Где он живет, почему дети думаю, что это он?

— Живет он в лесу, там есть еще один поселок, ну вы знаете, он полностью разрушен бомбардировками, похоже, зимой он жил где-то там в подвале. Убил он уже троих, я писал заявление на станцию. Все убитые наши односельчане, все в момент смерти были одеты в форму. Стреляет издалека, даже не всегда выстрел слышно. В общем, я своему сыну запретил надевать форму дома. Вот когда отъедет на машине километров десять, пусть и переодевается, я вообще форму еще с армии ненавижу, но молодежь сейчас без этого не может, понимаете?

Я перевел Марко, то, что он не понял, мы связались со станцией и вкратце описали ситуацию дежурному. Через пятнадцать минут мы получили добро от комиссара остаться в поселке. В то же время, нам категорически запрещалось самостоятельно разыскивать «снайпера» и вмешиваться в обязанности выгонять всех журналистов, которые бессовестно прослушивали эфир и вполне могли примчатся в поисках «жареных» кадров.

После короткого брифинга, мы позвали старосту, и я попросил принести форму его сына. Минут через пять староста вернулся, неся в охапке зеленую форму, за ним в комнату просочился крупный, домашнего вида, парень. Он бурчал по английски, поглядывая на нас с Марко:

— Ну вот, отец, они замажут мне форму или порвут, а мне ни за что не выдадут новой до следующего года.

— Не грусти, как тебя зовут? Присаживайся, — придвинул я стул. — Если с формой что случится, я привезу тебе со станции новую, и не такую дрянную, как эта, а офицерскую.

— И бундесверовские ботинки? — с надеждой спросил парень.

— Ботинки твои я брать, не намерен, — со смехом сообщил я ему. — Сегодня вечером мне нужна твоя помощь. Если ты согласен, то на следующей неделе мы с Марко привезем тебе пару ботинок, вашу офицерскую форму, поясной ремень с «элисовскими» пряжками и подсумки к нему, а чтобы твой папа не волновался, мы добавим еще легкий бронежилет, одним словом — ты будешь просто Терминатор, — Марко, услышав знакомое слово, заулыбался.

По лицу парня было видно, что он готов на подвиг, уж очень крепкая мотивация. Через пару часов, когда начало уже темнеть, весь план был проработан в деталях, мы поужинали, вымылись и легли спать в «приемной» у старосты.

Рано утром староста, переодетый в мою форму, сел за руль нашей машины и, поигнавшись, отбыл из поселка. Чуть позже сын старосты с товарищем выехали в поле, граничащее с лесом, на мини-тракторе и сгрузили с прице-

па мешки. Два мешка, в одном мешке был аккуратно упакованный Марко, с биноклем и моей СВД (Снайперская Винтовка Драгунова), второй мешок — с картошкой — уложили поперек. Марко лежал как король, с упором в картошку, укрытый с головой мешковиной. Немного повозившись для вида, ребята с гиканьем унеслись на мини-тракторе назад к домам.

План наш был достаточно простой с тактической точки зрения. Дети, шаставшие в лесу, всегда находили длинные винтовочные гильзы у первых к полю деревьев, там же они любили лежать на подстилках из веток и листья, значит, с позицией Кота мы определились. От Марко до леса было около 200 метров, в бинокль он видел каждый листочек на дереве. От моего «балагана» до позиции было порядка 400 метров, тоже недалеко, и мне было из-за чего волноваться. Балаганчик я устроил что надо, на небольшом пригорке прямо посреди поля стоял капитально построенный домик для сельхозинвентаря общей площадью метров двадцать, обычный кирпичный коробок с крышей из шифера и широким окном (видимо сэкономили на кирпиче). Этот домик как будто был создан для нас.

Когда стрелки часов показали 12:00, я услышал из радиостанции условное шипение на нашем с Марко канале. Я в ответ тоже нажал на тангенту и, слегка покачиваясь, вышел из домика. Вытащил таз, ведро, вылил в таз воду, начал плескаться, расстегнул зеленый китель, спустил португею и беспечно умывался, руки мои дрожали, ноги готовы были по первому требованию бросить тело за стену домика, весь слух напряженно ловил сигнал от Марко, но

станция молчала. Я вылил воду из таза, не спеша, вытерся полотенцем, унес ведро и таз назад в домик, прижал тангенту и спросил:

— Ну?

— Его нет, — прошептал Марко. — В мешке много гнилой картошки, волнуется, — пожаловался он.

— Ладно, приступаю к плану «В», — сообщил я и вынес из домика ящик.

Поставил на него жестяные банки, отошел на 10 метров, достал из кобуры пистолет и начал беспорядочно «по-ковбойски» не целясь их расстреливать, грохот, вероятно, стоял еще тот, но я ничего не слышал, лишь ждал сигнала от Марко. Когда я, пошатываясь, пошел ставить, слетевшие банки, станция ожила. Марко, судорожно отжимая тангенту, зашептал:

— Давай, давай, в дом!

Я нарочито медленно пошел к домику, сердце стучало как конголезский барабан, я изо всех сил давал команду телу — не бежать. Зайдя в домик, взглянул на часы 12:45, подполз к оконному проему и выдвинул в проем чучело в зеленом кителе и тыкво-головой. Через 10 секунд повернул чучело в профиль, махнул пустым рукавом кителя.

— Смотрит прямо на тебя, — предупредил Марко.

— Можешь снять? — спросил я.

— Нет, вижу только ствол и оптику, он ко мне еще под таким углом хорошим, попробуй его высунуть, — голос Марко был сух, чувствовалось — он готов.

— Попробую, — пообещал я и приложил к тыкве свою руку с биноклем, второй рукой начал медленно поворачивать чучело вокруг оси. Все произошло одновременно: тыкva взорвалась прямо у меня перед носом, бинокль выпал из моей отдернувшейся руки, я услышал тихий хлопок со стороны леса и более громкий с позиции Марко. Станция голосом Марко поинтересовалась:

— Жив?

— Да, — я вытирал с лица тыквенное пюре. — Ты взял его?

— Да, но не в голову, угол плохой, он там катается в листьях, побежали.

Я выскочил из домика и галопом побежал к позиции Марко, его там уже не было, он заходил на 9 часов к лесу, я, пригибаясь, побежал на 3 часа. Продираясь через коряги, я услышал еще один выстрел, на этот раз пистолетный.

— Все чисто, я тут, — негромко позвал меня Марко.

Я, удерживая на прицеле полянку, пробрался сквозь кусты. Привалившись к стволу, стоял Марко, СВД была закинута за спину, в правой руке он держал пистолет, а в левой «трофейный» манлихер. Кот был без сознания, но жив, кровь толчками выходила из дырки в плече и вытекала темной лужицей из отверстия в животе. Кот был ужасно грязен и оборван, лицо его заросло и обветрилось, ногти на руках были сорваны, я задрал его свитер — вся грудь была в страшных ожогах. Присев рядом с ним на корточки, я похлопал его по щекам, он открыл глаза, они и вправду были неестественно янтарными, лицо его исказила гримаса отвращения, когда он увидел форму, одетую на мне. Я снял китель и остался в одной футболке, достал сигарету из пачки и предложил ему, он с ненавистью посмотрел на меня и отвернулся.

— Я не серб, я русский, КейФор, весь этот маскарад, чтоб взять тебя. Кури.

Кот недоверчиво посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Марко и потянул руку за сигаретой. Я подкурил сигарету и передал ему. Он глубоко затянулся, закашлялся и вдруг на хорошем английском заговорил.

— Убей меня, рус, тебе ведь не жалко? Или пусть снайпер меня добьет.

— Нет, мы отвезем тебя в госпиталь, тебя вылечат, — Марко сел на корточки рядом со мной, но пистолет в кобуру не спрятал.

— Послушай, камрад, ты ведь испанец? — Кот аккуратно потушил окурки и положил рядом с собой.

— Да, — Марко достал из своей пачки сигарету, также подкурил ее, и, затянувшись, передал Коту.

— Если вы мужчины, вы убьете меня, — взгляд Кота метался с моего лица на лицо Марко.

— Мы слышали твою историю, не нам тебя судить, но мы отвезем тебя в госпиталь, — я уже хотел вызвать станцию, но Марко покачал головой.

— Послушайте, я отставник, такой же офицер, как вы, я уже прожил свою жизнь, убейте меня. Я ведь на самом деле уже умер, еще тогда, когда сжег свой дом, — из его янтарных глаз текли крупные слезы, они находили себе путь сквозь иссиня черную бороду и падали в листву.

Мы с Марко отошли на несколько шагов от Кота, Марко молча вытащил обойму из своей Беретты и посмотрел на меня, я представил себе брызжущего слюной комиссара, детей с мертвым котенком, маленькую девочку с круглой гитарой, которую я никогда не видел, и кивнул. Марко передал Беретту мне, снял

с плеча СВД и, присев на корочки, прицелился в Кота. Я, стараясь не попадать в сектор между Марко и Котом, подошел к нему, все его тело уже была крупная дрожь.

— Я знаю, насколько для тебя важно умереть в бою, но мы пришли сюда не для того, чтоб убивать. Сейчас я дам тебе этот пистолет, там патрон в патроннике, ты можешь взять его, а можешь отказать, и мы отвезем тебя в госпиталь.

— Спасибо, пусть Аллах хранит вас и ваши семьи, — он неожиданно крепкой рукой принял Беретту и что-то вложил мне в ладонь.

Я отвернулся, несколько секунд я слышал бормотанье, а потом птицы вспорхнули с деревьев, гильза кувыркнулась в ветки, я автоматически нагнулся и поднял ее. Марко встал, передал мне винтовку, поднял с земли свой пистолет, вставил обойму и спрятал его в кобуру.

Я разжал ладонь, в ней лежал маленький глиняный кот.

На станции нас уже поджидала французская журналистка, тело ей сфотографировать не дали, в поселке с ней никто разговаривать не стал, поэтому на нас с Марко она бросилась как на последний шанс.

— Это была дуэль снайперов? Я видела тыкву, Марко, расскажи мне, — Мари улыбалась самой обольстительной улыбкой.

Марко задумчиво смотрел на красное закатное солнце. Я, отвернувшись от Мари, разглядывал глиняного кота, он был очень смешной, шероховатый, старательно сделанный.

— Что там у тебя?, — Мари переключилась на меня.

— Пропуск, Мари.

— Пропуск?

— Да, пропуск на приватную вечеринку, которая называется «Удовлеть Голубя Мира», в программе «амор де труа» (секс троим — франц.), выпивка и плотный ужин, — я глянул на Марко, тот улыбнулся краем рта.

— Какие же вы придурки, — Мари спрятала диктофон в карман разгрузки, развернулась на месте и, виляя задом, ушла. — Придурки! — крикнула она издалека.

— У меня есть бутылка хорошего вина, мне из дому прислали, — Марко взял у меня глиняного кота, и в лучах закатного солнца тот блеснул кроваво-красным.

— Давай лучше водки, камрад?

— Давай.

На столике, рядом с кожаным планшетом стоял маленький смешной глиняный кот. Он, прищурившись, смотрел на нас, а мы на заходящее красное Югославское солнце.

Егор Лосев

Родился в Ленинграде, в 1976 году. В Израиле с 1990. Служил в ЦАХАЛе, в войсках связи с 1994 по 1997, старший сержант запаса. Обошлось без ранений и наград.

http://artofwar.ru/1/losev_egor/

НОЧЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Посвящается Владимиру Григорьеву

«В заброшенном доме, на улице Амир, около центральной автобусной станции Тель-Авива, обнаружено тело неизвестного мужчины, скончавшегося от онестрельного ранения в голову. Возраст — примерно 28—30 лет. Рост 1,75. Волосы — черные. На плече татуировка: оливковое дерево и надпись «Голани шели»¹. Располагающих какой-либо информацией просьба обращаться в полицию, округ Яркон, к инспектору М. Мизрахи по телефону 03-...»

Заметка в газете «Едиот Ахронот» от 15.12.2003.

«Махсом» можно перевести как блок-пост, или как КПП, можно придумать еще какое-то название, но все равно не удастся передать все, что всплывает в голове при слове «махсом». За три года армии и за пять лет службы в резерве я наелся «махсомов» сполна. Я стоял на блок-посту в Газе, когда главным палестинским оружием были камни, а палестинской полиции не существовало в природе. Я истекал потом на махсоме в иорданской долине, когда столбик термометра подбирался к 50 градусам, а бронежилет, каска и ботинки «берцы», казались изобретением инквизиции. Если на горизонте возникала машина, приходилось трясти головой и тереть глаза, чтобы понять, что это не мираж в плывущем горячем воздухе между красными скалами Иудейских гор и синей гладью Мертвого моря.

Я торчал на КПП в Мардж-Аюне, в Ливане, на подъезде к штабу ЦАХАЛа в «зоне безопасности». Меня угораздило быть на махсоме под Шехмом в 96, когда палестинские полицейские решили, что автоматы им выдали, только для одной цели: убивать евреев — и с воодушевлением начали палить в нашу сторону.

После вывода войск из Ливана, я попал на сборы на махсом в деревне Раджар, половина которой была на Ливанской территории, а половина на нашей, и, чтобы попасть домой, жителям приходилось терпеть тотальный обыск.

Вот сейчас, на закате, я сижу на вышке, на крыше очередного махсома, над обложенной блоками палаткой.

¹ Голани шели — дословно переводится как «моя Голани», как бы девиз служивших в Голани, оливковое дерево — символ этой бригады.

В этой бетонной коробке, обмотанной маскировочной сеткой, вообще-то позиция снайпера, но снайпер у нас всего один — Санек, не сутки же ему здесь сидеть. Вон он, внизу, как раз умыться выполз после ночного дежурства. Санек еще на срочке в нашем взводе снайпером служил, именно он попал в голову палестинскому полковнику в 96-м. Тогда мы все утро перестреливались с палестинцами, хотя за день до этого вместе с ними патрулировали и в перерывах пили кофе, а с утра они вдруг взбесились. Наш комбат с палестинским полковником договорились по радиации о встрече. Сошлись они на шоссе, каждый нес белую тряпку. Палестинец приблизился и без разговоров всадил в бату пол-рожка, а Сашок снес «полкану» голову.

— Ты нарисовал целый ряд картин, пока рассказывал, — заметил я.

— Да, — кивнул он. — Но все они без начала и без конца.

— Самая последняя имела конец, — возразил я.

— Да, — ответил он. — Но какой?

— Это был кусок жизни, — сказал я.

— Да, кусок жизни, — подтвердил он.

Джек ЛОНДОН,
ТРОПОЙ ЛОЖНЫХ СОЛНЦ

У бетонных кубиков, на дороге, Толстый на «страховке» стоит, у Толстого и кликуха такая, потому что он на вид толстый. У него «будка» в каску не влезает. На самом деле он не толстый, а здоровый, как бык. Вырастили это чудо в США, а в тринадцать лет перевезли в Израиль. Гиру, двухпудовку, купленную на «бухарском» рынке, он тягает играючи. Помню еще, когда мы срочную служили, махнули однажды в самоволку, в какой-то паб в Нагарии. Сашок с одним гражданским девушку не поделили. Ну, и пошло-поехало, нас семеро, их человек десять. Зато мы два дня, как из Ливана сменились, озверевшие все. Толстый их, как кегли, разметал, а затем и пограничный патруль на улице тоже. Мы тогда еле ноги унесли, километров пять через банановые плантации драпали, шарахаясь от сирен и мигающих полицейских. Сейчас Толстый студент, а заодно, спортсмен — за сборную Тель-Авивского универа штангу поднимает.

Перед Толстым Ашер и Давид стоят, документы проверяют. Ашер на стрелковом оружии помешан, на пис-

толетях особенно. Вот и сейчас у него «глок» сзади из под разгрузки выпирает. Ашер на гражданке инструктором по стрельбе работает, два месяца назад мы на его свадьбе гуляли. Всем взводом скинулись тогда на этот самый «глок».

Давид, наоборот, оружие ненавидит, про таких говорят: «левее только стенка». Он за мир борется в движении «Шалом ахшав»¹. Говорит, если все территории отдать, войска убраться, сразу мир наступит. Правда, пока мира нету, приходится ему служить с оружием в руках. Каждый раз, как мы на сборах встречаемся, он всех за мир агитирует. В гражданской жизни Давид тоже студент, как и Толстый, только в Хайфском университете.

Перед ними длинная очередь палестинцев тянется, все с работы возвращаются. Вдоль очереди Ибрагим со своей тележкой скачет, чай, кофе, напитки разные продает и бейгале² на закуску. Оно ведь как бывает, «кому война, а кому мать родна», вот он и зарабатывает на хлеб с маслом. Нас Ибрагим любит, кормильцами называет, все норовит угостить бесплатно.

Теперь на другую сторону выглянем: оттуда движения почти нет, там Хаим с Лехой-Вурдалаком дежурят. Кликуха эта к Лехе еще в Ливане приклеилась, он тогда только курсы санинструкторов закончил. На одной операции танк на фугасе подорвался, водиле позвончик сломало, а так как башня была в бок повернута, через задний люк его вытащить не могли. Пока командиры думали, Леха с водилой сидел, как мог пытался его вытянуть, искусственное дыхание делал, но танкист все равно умер. Когда Леха вылез из танка видок у него был, доложу я вам! Глаза сверкают, морда вся в крови, вурдалак, да и только. Оттуда кличка пошла. Да и потом приходилось Лехе кровушку чужую пить. Сапера, помню, одного после подрыва откачивал, весь в крови перемазался, глаза дикие, но отстоял, прямо из рук у «костлявой» выдернул. Прибор у него такой имелся искусственное дыхание делать, типа клизмы с раструбом. Так он все равно всегда сам делал, изо рта в рот, но доверял прибору. Сейчас Леха фельдшером на «скорой» выдвигается.

Рядом, Хаим стоит и молится, мне сверху видно, как он тихонько качается. Хаим религиозный, «датишный» по-нашему. Не просто, а ультра-религиозный, кипа у него под каской черная, борода, пейсы, цицит³ из-под раз-

¹ Шалом ахшав — левая политическая организация, требующая мира любой ценой.

² Бейгале — баранки.

³ Цицит — кисти с узелками, свисают поверх одежды у религиозных евреев.

грузки свисает, детей уже пять штук «наклепал», это в двадцать девять лет! Ему бы в ешиве учиться, да государственные деньги проедать, но он хоть и «хареди»⁴, а работает в какой-то религиозной организации и на сборы армейские каждый год ходит, как все мы. Только с едой ему тяжело приходится, кашерность у нас только формальная, на самом деле, в таких условиях, трудно кашрут соблюдать, вот и приходится Хаиму консервами из сухая питаться. А ведь когда с нами срочную пулеметчиком служил, нормальный пацан был — светский. Это потом, на гражданке он «ушел». Однажды автобуса ждал на остановке. Подошел автобус, а Хаим стоит и двигаться не может, словно столбик на него напал. Так и ушел автобус без Хаима. Только не далеко, метров на сто, а там разнесло автобус взрывом: террорист-самоубийца внутри ехал. Вот и решил наш пулеметчик, что бог его специально спас, и ударился в религию.

Еще Петруха, командир наш, где-то внизу ходит, израильяне его имя никак выговорить не могут, все коверкают, Пиотр, Питер. Они его, по-моему, боятся. Есть за что: два метра роста, сто кеге мускулов. Петруха, вообще, чисто русский, православный. Он даже крест на шею носит, Хаим, как увидел, шарахается от него, как черт от ладана.

Служить нам здесь еще две недели осталось, до конца сборов. Мы — это отделение резервистов пехотной бригады «Голани». Здесь, это на махсеме у деревни Эйр Арик.

⁴ Хареди — ультра-религиозный.

Вот и Сашок наверх карабкается, кончилась смена. Теперь мое дежурство только ночью.

Ночь эту мне никогда не забыть. Сашка я сменил в десять вечера, все было как обычно. Внизу патрулировали Давид с Ашером. Луна не выходила из-за облаков, вокруг поднимался легкий туман. Я внимательно смотрел по сторонам, думая о том, как вернуться к жене с дочкой. Дочке уже исполнилось два года, а я все не мог осознать, что у меня есть дочь, я даже достал ее фотографию, хотя в темноте не смог ничего не разглядеть.

Этих двоих на дороге я засек метров за сто. Они шли, не скрываясь, держа в поднятых руках документы. Один из них повторял слово «доктор». «Не стреляйте! Нам нужен доктор!» — громко кричал он. Как только я их заметил, сразу предупредил Давида и Ашера внизу.

Дальше все закрутилось с бешеной скоростью. Я прицелился в одного из палестинцев. Но второй вдруг вцепился в М16 Давида, а первый выхватил откуда-то из-за спины пистолет и выстрелил Ашеру в лицо. Как Давид получил следующую пулю, я не видел. За секунду до того как мой палец нажал курок, красная точка лазерного целеуказателя магнула по подоконнику амбразуры перед мной и исчезла. Выстрел грохнул через мгновение после того, как я бросился на пол с воплем «Акпаца!!!»⁵. Слишком поздно... Террористы уже ворвались в казарму, где спали свободные от караула. Вни-

⁵ Акпаца — тревога (ивр.)

зу захохотали автоматные очереди. Я лежал за бетонной стенкой, не зная, что делать. От лаза вниз и от пристроенной деревянной лестницы, меня отделяло два метра открытого пространства, красная точка гуляла на стене перед глазами, словно говоря: «Давай, попробуй!» Внизу гибли мои товарищи, а я ничем не мог им помочь. Направив вниз М16 я сделал несколько выстрелов в лаз, только чтобы показать, что я жив. Тут же грохнул ответный выстрел, на меня посыпались обломки стоявшей на полке «мотороллы», сбив на пол фотографию дочери. Время замерло, я смотрел на медленно планирующую на пол фотографию и понимал, что ради этого маленького человечка, я не могу заставить себя броситься вниз и погибнуть вместе со всеми, не могу... Из этого состояния меня вывел визг рикошетивших от бетонной стенки пуль, снайпер снова открыл огонь. Одна осколочная ударила в заднюю пластину бронезилов, но керамика выдержала.

Не знаю, сколько времени я лежал там, плача и размазывая по лицу бетонную крошку. Давно исчезла красная точка на стене, смолкли выстрелы. Наконец, на негнущихся ногах, я спустился вниз. В казарме стоял запах пороха, все было почти таким же, как полтора часа назад, кроме одного — живых там больше не осталось.

Я не помню, как достал резервную рацию и доложил, как обошел всех, проверяя пульс, в памяти остался только вылетевший из тумана «хаммер» командира батальона, за ним переливались в ночи мигалки машин скорой помощи.

Моя жизнь остановилась на этой ночи. Я должен был погибнуть вместе со всеми.

Комбат облазил всю территорию и не захотел со мной разговаривать. Следователь военной полиции разглядывал меня брезгливо, как дерьмо, хотя сам он, наверняка, рисковал жизнью, только за рулем, превышая скорость. Прямо меня никто ни в чем не обвинял. Им все было понятно и так. Жена Ашера набросилась на меня во время похорон и исцарапала все лицо, комбат и остальные офицеры смотрели таким взглядом, что больше ни на чьи похороны я не пошел. Жена Хаима постоянно звонила мне и спрашивала, как ей теперь жить, с пятью детьми на руках: «Почему ты остался жив? Почему не он?» Однажды я не выдержал и расколотил мобильник об асфальт, прямо посреди улицы.

Было проведено расследование, о результатах мне, естественно, никто не сообщил. Армия вообще забыла о моем существовании. Я начал пить.

Спать я не мог уже давно, лица ребят мерещились мне на улице, в толпе прохожих, в стеклах машин. Меня уволили с работы. Затем убежала жена, забрав дочку. Я пил все больше, потом ушел из дому, жизнь напоминала разваливающийся автомобиль, несущийся под откос. Не знаю, как я оказался в этом полуразрушенном доме, все, что у меня осталось — это полбутылки дрянной водки да купленный, после дембеля, шестнадцатизарядный «иерихо 941» зажатый в потной руке...

23.2.2004

Инспектор израильской полиции Моше Мизрахи встал «не с той ноги», он всегда просыпался не в духе после ночной смены. На этот раз его разбудил запах горелого кускуса. Жена умудрилась спалить его любимое блюдо!

Мизрахи орал на жену, так что соседи начали выглядывать из окна. Еще бы, эта дура совсем готовить разучилась!

Сегодня он опять работал в ночную смену. В пятьдесят два года эти смены выводили его из равновесия, но что поделаешь. Мизрахи поцеловал мезузу¹ на двери, поправил кипу, припиленную специальным зажимом к редким волосам, и вышел из дому. Уже стемнело. Во дворе, за самодельным столом, пил «русский» сосед с друзьями. Самого Моше родители привезли из Ирака в младенческом возрасте, может, поэтому он не понимал «русских». Вообще-то, сосед был нормальный мужик, работал водителем грузовика, но иногда на него «находило», и тогда он одевал свою смешную майку, в бело-голубую полоску, и напивался. Мизрахи с ним не связывался: во-первых, живет на той же площадке, а во-вторых, однажды, он видел, как сосед поспорил с Шаломом, с первого этажа, на пятьдесят шекелей, разбил об свою голову бутылку, без каких-либо последствий. Иногда к нему приходили друзья, всегда в таких же полосатых майках, один был без руки. Они сидели во дворе полночи, пели какие-то грустные песни под гитару и пили. Пили они воду, зачем-то перелитую в бутылки из под водки. В этом он был уверен, потому что ни один человек не смог бы выпить столько водки. Мизрахи поежился, вспомнив, как на свадьбе у брата выпил аж шесть рюмок арака и как ему потом было плохо. Из всех их песен Мизрахи улавливал только одно слово

¹ Мезуза — коробочка, прибитая к косяку входной двери, с вложенной бумажкой, на которой напечатаны молитвы. Религиозные должны целовать ее, входя и выходя. Народ эту процедуру несколько упростил: прикасаются рукой к мезузе, а потом к губам.

«Афган». Он давно хотел спросить, что это значит у патрульного Алекса, но все забывал. Наверное, они бывшие участники какой-то рок-группы. А полосатые майки — это их отличительный знак.

Приехав на работу, Мизрахи сразу попал в родную среду, шум, суета, крики и скандалы задержанных, все это было частью его работы. В кабинете напарник допрашивал неопределенного возраста наркомана. То, что задержанный колдовал и нюхал, бросалось в глаза сразу, характерная худоба, постоянное хлюпанье носом.

«Присоединяйся» — махнул рукой напарник, — «как раз по твоему делу, тот труп, в заброшенном доме, помнишь?»

Парень монотонно бормотал, напарник записывал:

... я в тот вечер, как раз дозу вколел. Только кайф пошел, Хаджби-продавец ввалился, я ему уже кучу денег должен был. Он на меня наорал, потом избил, взять-то с меня больше нечего, потом нож достал, ухо мне порезал. Ну, я испугался, больно же, и сказал ему, что деньги «русский» забрал, который на втором этаже ночевал, я как раз видел, когда он к себе поднимался. Хаджби совсем озверел, потащил меня на второй этаж, дверь ногой выбил и, как был с окровавленным ножом в руках, так и зашел. А там этот «русский» сидит: глаза горят, в одной руке бутылка водки, в другой ствол. Хаджби чего-то зарычал, а «русский» ему в башку бабахнул и все. Я убежал сразу, тупой я что-ли...

а про татуировку... Хаджби мне как-то, по обкурке, рассказал... сам он поваром служил, в Тель Авиве, но на колючку «Голани» сделал, чтоб девочкам на пляже заливать...

Александр Грог

http://artofwar.ru/g/grog_a/

СЕРЕБРЯНАЯ ПАГОДА (зарисовки о Кампучии военного периода)

— Смотри-ка, а пол в самом деле серебряный, не наврала!.. Плитка болтами прикручена... Отвертка есть у кого?

(Это он так шутит. На кой кому плитка сдалась, даже серебряная, если посередке — золотой Будда в натуральную свою величину? Да еще алмазами утыканный. Впрочем, пожалуй, и Будду не сдвинешь... «Золото — не алюминий,» — как любил

говаривать незабвенный прапорщик Пе-ух.)

— Эй! Не трожь саблю! Знаем мы эти штучки — царапнет где и... — здравствуй лихорадка, прощай комсомолец...

— А ты говорил — сюда с оружием нельзя — грех! А у самих в церкви оружие повешано.

— Во-первых — только холодное, во-вторых — это не церковь, в-треть-

их — в церкви с оружием можно, в Пагоде — нельзя.

— Ну, и оставил бы свой калаш у входа вместе с обувью! Обувь-то снял...

— Все сняли! Ты бы лучше на носки свои посмотрел — совсем сопрели. Палец торчит. И след, между прочим, за собой на полу оставляешь.

— Это от пота. Ноги у меня потеют. Почему-то они всегда у меня больше всего потеют. Теплообмен неправильный.

— М-да... Хотя бы лама какой объявился... для смеха. Скучно Будде здесь.

— Однако, странно все это...

Французы были, англичане... Сианук бежал со всеми придворными. Красные кхмеры три года хозяйничали. Теперь вот еще и вьетнамские друзья... А — никого. Никто!.. Слышь? И сейчас постреливают, а никто не кидается своего Будду эвакуировать, так и стоит все эти войны. Ни души кругом, ржавый замок на одной дужке — не похоже, чтобы им хоть раз пользовались, того гляди, рассыплется. Будда золотой — втроем не поднять. Алмазы торчат. Сколько их? Пять сотен? Тысяча? Две? Кто когда подсчитывал? Но не видно, чтобы кто-то ковырял... Хоть одну пустую лунку видишь? Весь пол серебряный, но где хоть одно пустое место, без плитки? Оружие висит нетронутое. Шкафчики кругом стоят — тоже почему-то открывать не хочется...

— Вот и мы ничего трогать не будем. Пошли, пока обувь не свистнула!..

ЭТЮДЫ О ПНОМПЕНЕ

1 Пномпень. Каменистый остров среди разлива рисовых полей. Город пальм и велосипедов. Ослепительно обжигающее солнце. Мгновенно темнеющие от пота рубашки. Любопытные взгляды. Улыбки. Встречи. Стихийные митинги дружбы. Только что под окном расстреляли девятих...

— Теперь мы в расчете? Хорошо?..

Не знаю, хорошо ли. Ошиблись на двоих и не в свою пользу. Считать не умеют? Мы потеряли семь наших. Тот кхмер и вьетнамец были неизвестно чьи. Пытаюсь объяснить...

Говорят — ничего. Теперь это не имеет никакого значения.

Действительно, теперь это не имеет никакого значения.

— Ну, так как? В расчете? Мир? Дружба?

Соглашаюсь. Пусть будет мир. Пусть будет дружба...

2

Пномпень. Тропический час. На улице никого. Нет даже мальчишек. Жарко и скучно. Будка укрытая пальмовыми листьями. Автомат на крючке. Снимаю. Отстегиваю рожок. Вышелкиваю патроны. Патронов два. Теперь два. Завтра будет один. Послезавтра ни одного. Если не пришлют смену. Один патрон — одна горка риса на зеленом листе.

3

Дети как дети. От 12 до 14 лет. На нас смотрят настороженно. Но когда на кого-то из них показываю пальцем, улыбаются.

— Сколько? — спрашиваю.

— Этот — 32.

— А тот?

— 57.

— Ого! — говорю.

— 37... 42...

Одного пропускаю. Обижаются.

— Не меньше 140! — говорят.

— Сколько-сколько?

— Сто сорок! — повторяют с гордостью. — А, может, и больше.

Останавливаюсь, смотрю. Пытаюсь понять, чем этот отличается от других. Мальчик улыбается.

Цифры — стоимость детей. Цифры — это личный счет каждого. Цифры — количество убитых собственными руками и съеденная печень.

Я достаю из кармана пионерский значок — талисман, который почти два года таскаю с собой, и дарю мальчику...

4

Очередь с сотню человек. Очередь тянется ни шатко ни валко. Как обычно. Два шага и короткая пауза...

Сопровождающих двое. Один впереди — машет мотыгой. Второй с автоматом стоит в сторонке. Связаны не все. Ждут.

Два шага и пауза — удар мотыгой. Тому, что с автоматом, скучно.

5

Мальчишки играют в городки. Выставляют черепа на бугор и сбивают — кто первый. Иногда черепа ло-

паются, тогда их меняют. Кости хрупкие. Тепло и влажно. Черепов и костей хватит надолго. Их три с половиной миллиона по всей стране. Мальчишки играют в городки.

6

Меконг. Коричневая река. Стоим по самые уши в воде. Ловим прохладу. Песчаная коса и сразу джунгли. Горкой поближе к воде составлено оружие. Два кхмера, один с автоматом, другой с допотопным гранатометом, прохаживаются по косе, наставив оружие в сплетение зелени. Нам хорошо. Стоим в воде второй час. Если не двигаться, то не потеешь. Вода в Меконге коричневая. Палец опустить — кончика не увидишь...

Наконец, выходим на берег, предлагаем — давай теперь вы.

— Нет, — говорят. — Нельзя.

— Почему?

— Крокодилы...

Немая сцена.

Потом через толмача долго вытягиваю суть.

Суть простая: «Вы — белые. Вас они не едят...»

— Почему?!

— Но ведь не съели же?

Железная логика.

7

Наконец-то из союза привезли зарплату. Чемоданчик с долларами. Каждому полагаются суточные — 18 долларов в день. Зарплату заплатят дома. Впервые вертим в руках бумаж-

ки с президентами. Сходимся на мнении, что наши деньги красивее. Авторитетнее.

— Сколько получается в месяц?
— 540.
— А если перевести на рубли?
— Поменьше, но все равно почти две зарплаты. Это если не жрать.
— Ого! Хорошие суточные. А сколько местные коллеги получают? Сходи — спроси!...

— Сколько? Не путаешь?..
— Это что ж такое, братцы? У них зарплата — 3 доллара в месяц?! А я в день его полугодовую?!
— Неудобно как-то... Лучше бы не знал.

8
Вьетнамцы завалили Кампучию рисовой водкой. Причем, этикетки на русском языке. «Новый рис» называется. Наверное, знали, что мы приедем.

Местные вьетнамцев недолюбливают. Наверное, потому, что те не позволили им и дальше убивать друг друга.

Вьетнамцы лучшие вояки во всей Юго-Восточной Азии. Мы их очень уважаем. Только вот редко улыбаются.

Кхмеры улыбаются почти все время. Они улыбаются, когда их убивают, и улыбаются, когда убивают сами. Возможно, они владеют какой-то тайной.

О чем бишь я?
Ах, да — о водке!

Бутылка водки стоит... если ихние реалы перевести в центы... это будет...

Мы пересчитываем несколько раз. Какая-то несуразица.

Получается, на свои суточные каждый из нас может купить 76 бутылок водки в день, плюс закуску.

Мы почти час безмолствуем. Шок. Потом кто-то спрашивает: «А бутылки принимают?»

9
Местные все-таки — гады! Когда мы убили кобру — здоровенную — внутрь периметра заползла, посоветовали кровь слить в водку. Вроде, как местный деликатес. Гады! По ночам и так бабы снятся, а тут вообще какая-то вакханалия — все стены во сне исцарапали. Потом выяснилось — это у них продается как лекарство от импотенции. Ну, точно — гады!

10
Французский разведчик, что под корреспондента косит, больше до нас не докапывается: почему, мол, у «специалистов по хлопку» рязанские физиономии...

(Тоже мне физиономист нашлся!)
Теперь молчит и стонет. Вторую неделю...

Это потому, что мы суточные получили и пригласили к себе.

Пришел с бутылкой вина — наивный...

ДОПОЛНЕНИЕ от автора:
Разыскиваю свидетельства гибели в засаде 8 советских специалистов — Кампучия 80-е.

Писать: a-grog@mail.ru

Егор Лосев «ЧЕЧЕНЦЫ» В ЛИВАНЕ

*В Америке ли, в Азии, в Европе ли
Тот нездоров, а этот — вдруг умрет...
Вот место Голды Меир мы прохлопали,
А там — на четверть бывший наш народ!*

Так пел про Израиль незабвенный Владимир Высоцкий и действительно, за последние пятнадцать лет более миллиона граждан бывшего СССР оказались в Израиле.

Среди них были представители самых разных специальностей и конечно же не обошлось без людей военных, побывавших в различных горячих точках.

Как это не удивительно, но в Израиле, стране постоянно воюющей они оказались не востребованы несмотря на огромный опыт и мотивацию.

В 2000 году на Святой Земле очередной раз вспыхнул огонь насилия. И тогда ветераны решили вмешаться.

Впервые название организации Батальон Алия замелькало в прессе в 2002, когда первая сотня бывших офицеров добилась призыва на добровольные резервистские сборы. Вскоре в поселениях Иудеи и Самарии появились крепкие немногословные мужики, по своей инициативе приезжавшие на выходные и охранявшие периметр и устраивавшие засады на неожиданных гостей и даже обучавшие сторожевых собак.

В 2003 году в Газе израильская армия столкнулась с массированным огнем снайперов. И снова Батальон Алия пришел на помощь. Из ветеранов была сформирована небольшая антитеррористическая группа Кармель Ярок, уничтожившая стрелков противника. За короткий срок интенсивность снайперского огня боевиков упала на семьдесят процентов. «Чеченцы», как называли ветеранов солдаты и офицеры ЦАХАЛя пользовались огромной популярностью. Едва завидев немолодых бойцов, вооруженных диковинными винтовками Драгунова, солдаты радостно кричали «Чеченим игию!!!» (Чеченцы приехали!)
Группа действовала в Газе почти год. Но к весне 2004 начались неприятнос-

ти. В результате ротации командиров на место штабных офицеров содействовавших «Чеченцам» пришли другие, уверенные в том, что армия в состоянии сама справиться с любой угрозой, не прибегая к помощи «чужаков». Вскоре был ранен и командир группы.

В результате подразделения расформировали.

Но Батальон Алия нашел для себя новые задачи. Ветераны помогли полиции бороться с преступностью.

Через два года «Чеченцам» снова удалось напомнить о себе, и группу снайперов сформировали второй раз. Сперва для действий в Газе, но после начала войны в Ливане бойцы посчитали что там они смогут принести больше пользы.

Я хочу предложить вашему вниманию интервью с командиром группы снайперов «Чеченцев» Романом Ратнером.

Вас не обижает то, что вашу группу называют «Чеченцы»?

Чеченим (чеченцы) — это прозвище, которое прижилось в АОИ. Вот мы и решили, что чеченим, так чеченим. Тем более, что чеченцы храбрые и умелые вояки, если отбросить фанатизм, некоторых отморожков.

А вообще, сначала у нас был позывной «Балерина», после того, как он стал известен широкой публике с обеих сторон линии фронта, мы изменили его на «Аталеф», т.е. «Летучая мышь». И эмблема наша — летучая мышь, сидящая на окуляре оптического прицела. Между собой мы об-

щаемся по позывным «Аталеф1», «Аталеф2» и т.д.

После действий в Газе, ваше подразделение расформировали. За прошедшие годы армия про вас так и не вспомнила, или все же были попытки привлечь вас как инструкторов?

В 2005 году меня вернули в армию в качестве инструктора по ТСП в школе снайперов. Никого больше к работе не привлекали.

Изменился ли состав группы со времен Газы?

Да. Появились новые люди, часть из них после Ливана пришлось отчислить по разным причинам. Остались несколько ребят из спецназа Внутренних Войск. Один воевал в Югославии, остальные в Чечне.

Как сказались двухлетний перерыв в «работе»?

Естественно сказались, но все, кто действительно имеет хорошую подготовку, быстро вошли в ритм.

Во время действий в Газе Вы были ранены, не помешало ли это Вам сейчас?

Последствия ранения ощущаются, и у меня нет официального разрешения от армии на участие в боевых действиях, но во время войны на это закрыли глаза.

На каком этапе войны ваше подразделение приняло участие в событиях?

Вы сами вызвались или кто-то в армии все же вспомнил про ваш опыт?

Я был в армии на момент начала войны 12 июля.

Мы должны были работать в Газе, решение уже было принято и началась процедура призыва, но в связи с войной и мы посчитали, что на севере мы нужнее. Получить разрешение на то, чтобы нам позволили действовать в Ливане удалось при содействии министра обороны Амира Переца. Потребовалось 18 дней, чтобы провернулась бюрократическая машина АОИ и мы начали работать.

Как только ваше подразделение пришло на север об этом узнали журналисты. Это была утечка информации или вы намеренно не скрывали того, что приехали «поработать»?

Это был намеренный слив информации со стороны армии, вернее командования бригады к которой нас присоединили. Мы были категорически против, но журналисты появились внезапно, в точке нашего входа в Ливан.

Командование бригады возражало против вашего прикомандирования?

Командование просто хотело прозвучать в прессе, как инициатор привлечения специалистов. Мозгов у тех, кто это организовал, не хватало, и они сделали все по-идиотски. Могли привести журналистов к нашему возвращению — это было бы понятно и работе бы не помешало. Одно могу сказать, что командование не знало куда нас направить из-за того, что каждый час менялись цели и задачи

Изменялась ли тактика боевиков в зоне вашего присутствия?

Она отличалась от тактики в других районах. Боевики не подходили ближе дальности запуска ПТУР «Малютка», он же «Саггер» — 1000 -1200 метров, а нам не давали работать на сближение из-за боязни, что могут накрыть свои. Против нас действовали так же мобильные группы на кроссовых мотоциклах, которые имели на вооружении ПТУР и очень быстро возникали и исчезали после выстрела.

Насколько сильно отличается тактика палестинцев в Газе от тактики боевиков Хизбаллы?

Очевидно, что в Ливане боевики используют тактику малых групп по чеченскому варианту. Большое количество групп, действующих по согласованному плану, имеющих на вооружении значительное количество противотанковых средств.

Повлияло ли это на вооружение и экипировку группы или вы были вооружены так же как в Газе.

Да, пришлось отказаться от МАГа и Барретта. Они слишком тяжелые, чтобы воевать с партизанами. Значительно снизили вес снаряжения, чтобы иметь возможность совершать длительные (более 10 км) походы и быть всегда готовыми к бою.

Во время вашего пребывания в Газе Вы были вооружены неизменной СВД. Судя по фотографии из Ливана тут тоже не обошлось без «шуки». Почему именно СВД, а не, скажем, М24?

СВД заменить в этих условиях можно было SR-25, но их нам не дали. Кроме того, СВД более надежный «инструмент». К примеру, Негев после 10-ти км пешего хода к боевому применению был фактически непригоден. О том, чтобы перевести М24 из походного положения (достать из пенала) и начать воевать, если бы это потребовала обстановка, даже думать невозможно. Нести же ее открытую с ночной оптикой — превратить винтовку в «дрова».

Несколько раз в интернете проскакивала информация о том, что боевиков Хизбаллы тренируют бывшие российские офицеры, это заметно по их тактике?

Это ощущение меня не покидает все время. Кроме того, я знаю, что в конце 90-х в Ливане были бывшие советские офицеры, которые обучали

хизбаллонов. Среди них были специалисты высокого класса.

Встретили ли вы достойного противника, я имею в виду снайперов ?

Мы снайперов не встречали, но АОИ потеряла некоторое количество солдат и офицеров в результате снайперского огня. Более точные данные засекречены.

Можете охарактеризовать действия группы как успешные, особенно на фоне действий остальной армии?

Успехи группы полностью соответствуют успехам армии в целом. К сожалению.

Группа понесла потери?

Непосредственно в группе потерь не было, но на этой войне мы потеряли двоих друзей: Андрея Зелинского Игоря Ротштейна.

Андрей, доброволец БА, был с нами на первых сборах и участвовал в охране поселений. Он погиб в Нагарии от разрыва «катюши».

Игорь (Доктор) наш товарищ по Газе, где он был врачом в дивизионном медпункте. Участвовал с нами в ряде операций. Он должен был быть врачом подразделения, 3-го августа я получил разрешение на его перевод из 130го батальона Голани к нам и был последним, кто с ним разговаривал по телефону. 4-го утром мы он погиб в бою в деревне Мархаба.

Вечная им память.

В этой войне ЦАХАЛь показал себя не с лучшей стороны. Многие промахи

были вызваны нерешительностью политического руководства, но имели места совершенно дикие случаи, когда солдаты оставались без еды и воды, а припасы сбрасывались на территорию контролируемую Хизбаллой, не хватало касок, бронежилетов и много другого. А ведь год назад в время выхода из Газы все работало как часы. Что же случилось? Почему не могли организовать снабжение войск в нескольких километрах от границы?

Армия просто была не готова к этой войне. Пехота, танковые части и авиация напоминали басню Крылова про лебедя, рака и щуку. Кроме того, катастрофически не хватает частей, умеющих воевать с партизанами. В этой войне масса войск не имела решающего значения. Главное было заблокировать районы и запускать во внутрь спецов, которые могут воевать с партизанами. Этого не случилось. Была попытка задавить массой, не получилось.

Северный округ разложился в течение шести лет. То, что не хватало касок, бронежилетов, боеприпасов и еды — прямое следствие разложения системы.

Многие из резервистов вернувшихся из Ливана говорят, что им просто не дали победить. У многих подразделений были четкие планы на случай конфликта на северной границе, но политики спутали все карты. Так ли это?

Планы были и именно по ним воевали. В этом ведь и проблема. Не учитывая тот факт, что воевать придется с партизанами, а не против ре-

гулярной армии военные гении типа известного министра обороны, который хотел за четыре дня взять Грозный, посылали в бой народ батальонами не понимая, что на таком сжатом пространстве этим батальонам всем вместе не было места для ведения полноценных боевых действий.

Резервисты наши — парни боевые, но их просто вводили как баранов на убой, так как у нас нет обученных частей для контрпартизанской войны в Ливане.

Как вы думаете, правильно ли было посылать в Ливан такое количество резервистов, ведь в целом их подготовка уступает срочникам?

Подготовка наших резервистов, особенно тех, кто был в Ливане и участвовал в операции «Защитная Стена» лучше, чем у линейных пехотных частей срочной службы. Это однозначно. Кроме того, резервисты люди зрелые и думают головой, а потом делают, а срочники живут импульсом, который не всегда идет от мозга.

Как Вы оцениваете результаты прошедшей войны? Новый конфликт это только вопрос времени?

Удар в нос зазнавшемуся мастеру спорта боксером перворазрядником. Мастер спорта пропустил удар, но он все-таки мастер спорта. Если он перестанет выкабениваться, то в следующем раунде перворазрядник будет в нокауте, а если нет, то не обессудьте....

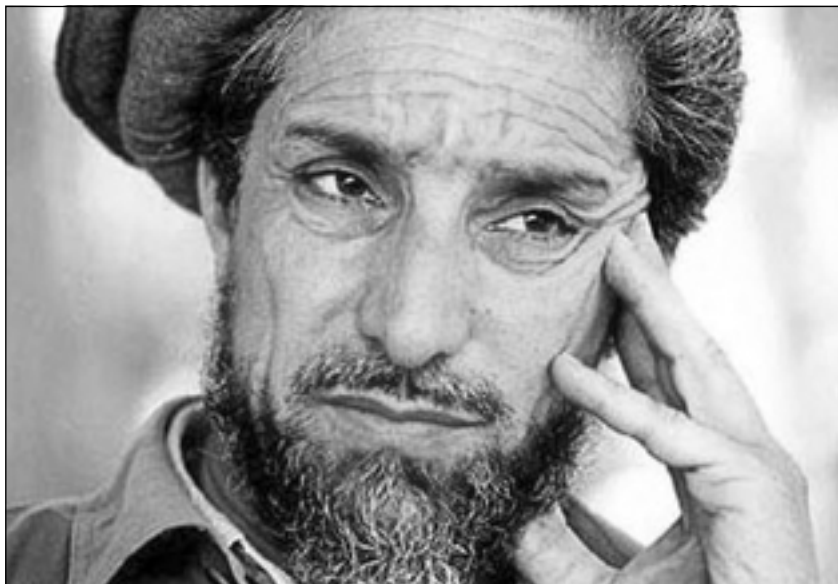
Думаю, что есть немного времени, до полугода до начала серьезной войны.

Какие планы на будущее? Группу снова расформируют?

Буду пытаться использовать момент и сформировать постоянное подразделение контрартиллеристов. Время покажет, что будет дальше.

ПИСЬМА АХМАД ШАХА МАСУДА

Перевод с дари
Андрея Грешнова

Письмо 1

Во имя Аллаха
Исламское Общество Афганистана
отделение провинции Парван

Уважаемому главному учителю Аманулле Хашеми, верному другу Ахмаду Зие и дорожному другу Инженеру.

Салям алейкум, к счастью, второе наступление русских, начавшееся 4-го Сомболе (27 августа), после десяти дней кровопролитных боев закончилось, и враг отошел назад в направлении Руха и Анава. Согласно полученным надежным данным, через несколько дней может начаться третье наступление русских. Однако, сейчас оно прекратилось,

а что будет дальше, знает один только Бог.

В настоящий момент помимо нехватки оружия, боеприпасов и финансовых средств назревает другая беда, которая выражается в отсутствии у моджахедов зимнего обмундирования. Правительство понимает, что сейчас мы испытываем острую нужду в зимней одежде и обуви. Оно взяло под контроль все дуكانы, торгующие этими товарами. В общем, в нынешних условиях закупки зимней формы и обуви на внутреннем афганском рынке не могут быть осуществлены ни коим образом. Помимо этого мы остро нуждаемся в зимних одеялах.

В этой связи уделите поставкам вышеназванного самое пристальное внимание.

Несколько лет тому назад мы приобрели на базаре Бадальпуль в Пешаваре отличную военную форму зеленого цвета по очень недорогой цене. Думаю, что указанное можно приобрести там и сейчас. При осуществлении закупок уделите особое внимание тому, чтобы форма была новой и изготовленной из шерсти. Она также должна быть очень больших размеров и просторная.

В прошлом году ИОА прислало нам форму, из которой ни один комплект не был использован в связи с тем, что она была чрезвычайно узка. Подчеркиваю — форма должна быть большой.

Нам срочно необходимо 2 тысячи комплектов зимней формы. Постарайтесь выполнить это как можно быстрее.

С уважением,
Масуд.

10.07.1361 (3 октября 1982 года)

Письмо 2

Во имя Аллаха

Здравствуйтесь, дорогой инженер Исхак. Рад был узнать, что вы здоровы и благополучны. Ваши панджшерские братья, слава Господу, сейчас заняты боевыми действиями. Возможно, Вы уже информированы о том, что в ходе отражения второго наступления врага я почти полностью израсходовал боеприпасы. Их не хватило даже для того, чтобы обороняться. Противник оттянул свои основные силы в районы Руха и Анава и с каждым днем укрепляет там свои позиции. Ввиду того, что, несмотря на наши неоднократные обращения,

Пешавар так и не поставил нам вовремя боеприпасы, мы не смогли своевременно противодействовать этому процессу. В настоящее время противник уже обустроил свои глубокие и крытые боевые позиции на всех господствующих высотах. В некоторых из них враги даже установили печки для обогрева. Подходы к позициям заминированы, а в самой Рухе вырыты глубокие окопы и ходы сообщения. Позиции в Анаве противник обустроил таким же образом. Кроме этого враг перекрыл дорогу Руха-Гульбахор, установив по обеим ее сторонам свои оборонительные посты.

Лишь спустя значительное время, мы, к счастью, получили боеприпасы и в тот же день начали активные боевые действия против противника в Рухе. Но если они продолжатся более двух недель, мы вновь столкнемся с тем, что не сможем наступать ввиду отсутствия боеприпасов.

Другая большая трудность состоит в том, что более тысячи семей в районах Чамальварда, Тавах, Хисарак, Абдара, Фарах и Шутуль голодают. Если мы в ближайшее время не уделим этой проблеме должного внимания, то уже в самом скором времени может разразиться грандиозный кризис.

Чрезвычайно важным остается вопрос экономического обеспечения полевых штабов. В таком диком холоде, который стоит сейчас, у моджахедов полностью отсутствуют теплые вещи и зимняя обувь. Я уже просил вас о поставке нам двух тысяч комплектов теплой одежды и обуви, однако, считаю, что и этого будет недостаточно. По-

старайтесь в кратчайшие сроки по возможности доставить нам три тысячи комплектов теплой одежды и обуви, шерстяные куртки и, если возможно, шерстяные перчатки — в последние годы зимы стали значительно холодней.

Сейчас Вашему управлению необходимо собрать 2 миллиона 500 тысяч афгани у торговцев Ханча (место, где располагаются изумрудные копи — сноска в тексте), а также произвести целевой народный займ еще на 500 тысяч афгани. Я совершенно не представляю себе, как урегулировать эту проблему. Вполне вероятно, что работа на месторождениях закончится через несколько дней из-за сильных холодов.

Если коротко, то на данный момент самым необходимым для нас являются боеприпасы, в частности, патроны к автомату Калашникова, ракеты, мины к минометам и снаряды к орудиям, боеприпасы к ЗГУ. Также срочно необходимы боеприпасы к пулеметам Горюнова. Как можно быстрее должны быть доставлены три тысячи комплектов теплой одежды и денег.

Согласно проведенным подсчетам, более 70 процентов населения Панджшера лишились крова и стали беженцами, практически вся забота о полевых штабах свалилась на мои плечи. Новой «бедой» стали моджахеды, не имеющие семей. Помимо того, что они создают для нас дополнительные экономические проблемы, я вынужден заниматься их обучением, так как большинство из них не имеют никакой работы и не умеют работать. Пока не представляю себе, какую нужно разработать учебно-вос-

питательную программу, чтобы всех их чем-то занять в течение года. Если выдастся такая возможность, обратите внимание на книги, печатные материалы, печатные машинки и учебные фильмы.

Да хранит Вас Аллах.
С уважением,
Масуд.

09.08.1361 (31 октября 1982 года)

Письмо 3

Во имя Аллаха
Исламское Общество Афганистана
отделение провинции Парван

Дорогой учитель Хайятулла Хан, дорогой полковник Гулям Джейлани Хан.

Согласно заслуживающей доверия информации, полученной из правительственных источников, противник имеет намерение осуществить в середине зимы широкомасштабное наступление на Кухестан, Джабаль ус-Сарадж, Чарикар и Панджшер. Согласно поступившему рапорту, оба наступления (на севере страны и на Панджшер) будут осуществляться одновременно. Для отражения наступления и оказания достойного противодействия необходимо предпринять следующие меры:

1. Прежде всего, прекратить междоусобицу с другими партиями и установить между ними мир.

2. Если это будет возможно, создать совместно с другими партиями Объединенный военный совет и учредить под руководством господина полковника Высший военный совет с тем, чтобы во время наступления врага на районы, прилегающие к Кухестану, Каписе, Джабаль ус-Сараджу и Чарикару, которые попадут в кольцо окружения врага, управление сопротивлением велось из одних рук. Было бы целесообразно, чтобы члены военного совета лично ознакомились с пунктами управления в Каписе и Парване.

3. Устаду Хайятулле Хану вменяется в обязанность во время начала наступления в районах Ашаба (район на входе в ущелье Горбанд — сноска из текста) и Аурати (кишлак в предгорье Южного Саланга — сноска из текста) подготовить дополнительные укрепления для контратаки во время отступления, а также укрытия для беженцев из районов боевых действий по пути их передвижения.

4. Военные действия должны быть построены таким образом, чтобы внутри кольца вражеского наступления осуществлялась активная оборона, а из районов Ашаба, Шакаль-конда (кишлак

и просить людей укрепить свой дух посещением мечетей и молитвой. Необходимо призвать народ к сплочению и оказанию сопротивления. В листовках должно быть подчеркнуто, что мы — сторонники устранения напряженной ситуации. Призовите людей к созданию необходимых запасов и снабжению районов. До осуществления врагом задуманного наступления уберите в своих рядах ненадежные элементы и уничтожьте группы сопротивления, имеющиеся со всех 4-х сторон.

Если, вдруг, людей, посланных в Пешавар для осуществления снабжения будет недостаточно, изложите ваши соображения на этот счет в письме и укажите мне имена людей, которых вы намереваетесь послать туда дополнительно с тем, чтобы я снабдил их рекомендательными письмами.

С уважением,
Масуд

19.08.1361 (11 ноября 1982 года)

Письмо 4

Во имя Аллаха
Исламское Общество Афганистана
отделение провинции Парван

Дорогой друг, инженер Исхак, шлю Вам пожелания крепкого здоровья и процветания. Я слышал, Вы благополучно вернулись из Саудовской Аравии. Надеюсь, путешествие было приятным и очищающим. Ваши панджшерские братья так же как прежде воюют и разрабатывают подходы к врагу. Силы русских и прави-

между Аурати и Ашабой — сноска из текста), Санджин и Пульгин, находящиеся вне зоны этого кольца, напасть на врага с тыла.

5. Для координации боевых действий внутри кольца окружения, а также осуществления связи между силами внутри кольца и горными укрепленными районами мы готовы поставить нашим братьям необходимые средства связи.

6. Для немедленного снабжения групп полковнику надлежит отправиться в Пешавар во главе делегации, лично заказать и получить у ИОА все необходимое, а также доставить полученное лошадыми и караванами в нуждающиеся районы. Или же распределить между различными группами боевиков в Пешаваре.

Что касается визита уважаемого господина полковника в Пешавар. Уже давно готово соответствующее послание Северного дафтара, скрепленное подписями Карабек Хана, Шамсутдин Хана, Насратуллы Хана, маулави Сахеба Гуляма. Полковник должен взять его с собой.

7. Согласно этому документу, для Северной долины (входа) необходимо потребовать следующее:

1. РС — 300 штук.
 2. Патроны к Калашникову — 100 тысяч штук.
 3. Патроны в обоймах по 11 штук — 50 тысяч штук.
 4. Противотанковые мины — 300 штук.
 5. Ракетные установки — 15 штук.
- Для укрепленных районов необходимо следующее:
1. Бездатные оружия — 3 штуки.
 2. Мины к бездатным орудиям — 100 штук.
 3. Минометы — 3 штуки.
 4. Мины к минометам — 200 штук.
 5. ДШК — 6 штук.
 6. Патроны к ДШК — 20 тысяч штук.

7. Ракетные установки — 3 штуки.
8. Боеприпасы к ним — 100 штук.

Сопровождающие полковника люди будут выбраны, исходя из рекомендаций полевых командиров. Попросите в Пешаваре также радиостанции. Если таковых не добудете — мы доставим их сами. С целью создания складов и запасов в укрепленных районах испросите у Пешавара достаточные финансовые средства. Еще до того, как необходимые средства поступят из Пешавара, всеми доступными средствами создавайте склады и запасы в районах Санджин, Барлакин, Малькьяр, Ашаба и Шакаль-конда.

Комитет Джихада призывает:
При помощи листовок оповестить все население о зимнем наступлении врага

тельственных войск численностью до 5 тысяч человек сконцентрированы в районах Руха и Анава. Они также оседлали с двух сторон дорогу Руха-Гульбахор. Боевые действия начинаются с рассветом и продолжаются до позднего вечера.

Нехватка продуктов питания, холод и снег, отсутствие теплой одежды и обуви, перекрытие дорог в Андаробе и Кухестане, непоставка русских пулеметов в шесть воюющих под командованием полевых штабов районов и в уже освобожденные районы, трудности с доставкой продовольствия к линии боевых действий поставили нас в крайне затруднительное положение. Когда ситуация была лучше, и мы еще могли за деньги закупить продовольствие, для нас не нашлось финансовых средств. Сейчас уже нет ни денег, ни товаров, да это уже и не имеет решающего значения, так как вот уже месяц движение по дороге в Андараб перекрыто, и в магазинах просто нечего продавать и покупать. Цена пшеницы достигает 260 афгани за сир (7 кг), риса — 450 афгани, соли — 320 афгани, дизтоплива — 700 афгани за канистру, сахарного песка — 600 афгани за сир. Но даже и эти огромные цены существуют лишь на словах. На рынках ничего не продается и не покупается.

В то же время дневные потребности только одного полевого штаба в Чамальварде составляют двадцать сиров пшеницы, в пяти других районах дневная норма в среднем колеблется от восьми до десяти сиров. Я вынужден был собрать всю пшеницу из районов Дара и Парьян и послать ее в районы боевых действий. Несколько дней тому назад в течение недели бойцы из Чамальварды питались лишь тремя картофелинами в день. Положение беженцев и людей, лишившихся крова, которые отошли в северные районы, настолько тяжелое, что у них нет даже и этого. Экономическое положение в семьях моджахедов также катас-

трофическое. Рядом со мной находятся сотни больных, большинство из которых — моджахеды. Все хотят оставить поле боя и сменить тоску боевых позиций на Иран или Пакистан, чтобы заработать там на кусок хлеба. Такое бедственное положение моджахедов в несколько раз усугубляется снегопадами, невиданным доселе количеством простудных заболеваний, отсутствием теплой одежды и обуви. Большинство моджахедов отдадут свою обувь и одежду тем, кто меняет их на боевых позициях.

Бесчеловечный враг не дает нам передышки ни на сутки и продолжает каждый день вести боевые действия. При этом страшно холоде дети и женщины вынуждены с рассветом уходить и скрываться в горах, а возвращаться к родным очагам только с наступлением ночи.

Я несколько раз посылал в Андараб своих людей с тем, чтобы договориться об открытии дороги на Хавак, но другие «исламские партии», среди которых нет настоящих мусульман, не снизили до наших просьб. Наоборот, они только усугубляют наше бедственное положение, требуя у обездоленных, голодных и несчастных людей деньги за мыло и спички. В районе Поле Хэсар (район уезда Андараб, где базировались отряды ИПА Гульбетдина Хекматара — сноска из текста) они издевались над панджшерцами и каждого из них на несколько дней сажали в тюрьму. Доставка к нам товаров из Пешавара не может быть осуществлена в связи с блокированием дороги в Саидхейле (район провинции Парван — сноска из текста).

После неоднократного проведения переговоров с исламскими партиями я вынужденно предложил им перемирие и разоружение в районе Пишгор. Если Господь будет милостив, в один из дней это случится. Все отряды в этом районе замиряются вместо того, чтобы проливать реки крови и увечить людей. Но, если дорога не будет открыта, я буду

воевать уже не с русскими, а с другими исламскими партиями.

На фоне огромных потерь в живой силе и экономического ущерба, который претерпел народ Панджшера, я изыскал возможность для того, чтобы послать группу молодежи на учебу в Пешавар, а другую молодежную группу — для работы за рубежом (в Пакистан). На тот момент времени это было единственно верным шагом для того, чтобы укрепить сердца людей и устранить упаднические настроения (требования о том, чтобы сдать врагу). Однако, мы уже долгое время не можем получить вестей о том, дошли ли эти люди до Пешавара. Пока что никто из них назад не возвратился. Но мы были и остаемся уверенными в том, что Вы сможете разрешить эту проблему. (За тот период времени, что Вы были в Саудовской Аравии, я написал Вам об этом несколько писем). Не умолчу о том, что жду от Вас содействия, если такие условия имеются, в обустройстве людей за рубежом. Людей, видевших боль и страдания, тех, кого выбирали в районах, и которые имеют письма прямо из центра.

Вопрос, который меня чрезвычайно беспокоит — это зимнее наступление врага и, в частности, начало месяца Хамала нового года (конец марта 1982 года). Если Бог, видя положение, в котором мы находимся, не захочет предотвратить новое наступление врага в первых числах нового года (а я с большой долей уверенности могу сказать, что таковое будет), какое будущее ждет мой народ, и что будут делать моджахеды? Это условия, которые мы терпим. Лишь в его воле это предотвратить, так как сделать что-то еще уже выше ограниченных человеческих сил.

Уверен, что Вы предпримите шаги по устранению наших трудностей в той мере, в которой сочтете нужным. У нас не одна и не две проблемы, чтобы я давал вам свои рекомендации, то и как делать.

Несколько дней тому назад здесь был один французский журналист, брал у меня интервью. Я подсудно чувствую, что у него недоброе сердце, и что он исполнял чью-то волю. Интервью, на мой взгляд, будет враждебным по характеру, и эта враждебность усилится в несколько раз, когда его опубликуют в Пешаваре. Я думаю, что будет лучше, если это интервью не будет опубликовано.

Пожалуйста, напишите мне о Вашем опыте общения с иностранцами и особенно с журналистами. Если не будет затруднительно, напишите мне о Саудовской Аравии, а также о том, что думают люди в этой стране по поводу нашей борьбы и фронта. Буду Вам чрезвычайно признателен.

С уважением,
Масуд

02.10.1361 (24 декабря 1982 года)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Аркадий Бабченко

Июль 96-го. Москва. Курский вокзал. Поезд на Владикавказ. Был в отпуске, который мне дали по болезни отца. Десять суток.

Отпуск пробил старшина. Тогда из полка никого не отпускали — потому что назад не возвращался никто — но у старшины были завязки в штабе, и он сумел пробить. Хотел чтобы я уехал совсем. Он был уверен, что меня убьют — такого длинного и забитого.

Но я вернулся. Гульнул, конечно, подольше, дней двадцать, но вернулся. Второй раз на войну ехать страшнее.

В каптерке, когда я зашел, сидел старшина. Я достал пузырь. Выпили. «Да, Бабченко... Такого долбанутого солдата у меня еще не было — все отсюда, а ты сюда... Я тебя уже в СОЧ

подал. Не думал, что ты вернешься, дурак...»

Савченко Константин Григорьевич — так его звали.

Старшина был, в общем-то прав. Если бы не отец, меня бы точно убили.

Отец умер десятого августа девяносто шестого. В Грозном тогда была самая жопа. У нас в полку наскребли сводный батальон — 96-человек, и отправили туда. Я был в их числе. Уже сидел на вещмешке, когда прибежал писарь с телеграммой: «Бабченко, на, у тебя отец умер...» И я поехал в Москву, а не в Грозный.

Из того сводного батальона, из девяносто шести человек, обратно вернулись сорок два.

Отец подарил мне жизнь дважды. Если бы умер не он, то умер бы я.

В этот же день. Десятого августа девяносто шестого. Я знаю это совершенно точно.

Собственно говоря, это последние минуты, когда я видел его живым.

Когда отец видел меня в последний раз, он отправлял меня на войну...

Я тогда знал, что больше не увижу его. Он сильно болел. И он знал. Мы оба знали, что это наш последний раз, но так и не сказали друг другу самого главного. Как-то не принято у нас было мужикам говорить это. Мялись, порывались сказать, но так и не сказали. За всю жизнь ни разу.

Прости, Батя, что так поздно говорю тебе об этом — через десять лет. Я тебя люблю.

Аркадий Бабченко

Памятник солдатам Великой Отечественной в Киеве в Южной Борщаговке

«Ранее на этом месте стоял памятник — склонивший голову солдат с автоматом. К нему школьники близлежащих школ и, в частности, нашей 235-ой возлагали цветы. До октября 1989 года (пока я не ушел служить) он был прежний, но когда я вернулся домой, уже стоял новый. Цел он и до сих пор, несмотря на наше смутное время.

Каждый год, девятого мая, «Виллис» невозможно рассмотреть из-за обилия возложенных цветов. Когда-то он остановился между этих двух деревьев и остался здесь навсегда. Это наше прошлое, наша история. И мы обязаны помнить о нем.

Мы живы только до тех пор, пока помним. Пока мы помним — живы и они».

«Пожалуй, это лучший памятник Солдату. Я не знаю, кто его автор и кому говорить спасибо. Но все равно: спасибо, ребята. За память. За простоту. За отсутствие пафоса. Ведь именно простые вещи цепляют сильнее всего. Там было именно так.

Мы помним.
Спасибо».

Владимир Григорьев

Старший лейтенант.

Участвовал: Афганистан.

http://artofwar.ru/g/grigorxew_w_a/

FARGO
NO, NO AND NO AGAIN —
PENTAMETER ONLY AND DON'T
CONTEND...

*Я лягу на спину: чудные облака
мешают щекотать твои ресницы,
но не мешают чувствовать твой взгляд.
А если вдруг решишь дождем пролиться,
Я буду только рад.
Я высуну язык: и капельки твои
пусть падают на жаркую мембрану,
и освежат источник тайных дум.
От этих облаков я прятаться не стану —
ведь я их глум.*

*Я знаю: завтра небо упадет
в мои километровые объятия,
а с ним ко мне прильнут и облака.
Промокший, тихо буду их ласкать я
под шепот ветерка.*

Альберт Зарипов

Старший лейтенант.

Участвовал: Афганистан, Осетия, Чечня

http://artofwar.ru/z/zaripow_a/

ВОЙНА И ТЫ

*Война красива лишь в журналах,
Суровы песенки о ней,
Все говорят о генералах,
Но кто же вспомнит матерей,
Чьи сыновья ушли с рассветом
И обещали позвонить?*

*Застыла память в миге этом,
Ведь жизни их прервалась нить.
Война не той старушкой в черном
К тебе заявится домой,
Не белым ангелом, а чертом
С повесткой свежей призывной.
Пузатый военком расскажет
Про долг священный пред войной,
А пьяный врач зеленкой смажет
Твой лоб крестом: «Ты годен! В строй!»
Война уж близко, и зловонный
Смрад смерти чувствуется везде.
Униженный и оскорбленный
Замкнешься ты в своей беде.
Все дни занятиями полны,
Ты даже стрельнешь пару раз.
И вновь погрузка в те же вагоны:
Пришел черед вам на Кавказ.
Война сдерет с тебя не кожу,
Она скальпирует твой мозг
И прежний образ жизни сложит,
И в прошлое разрушит мост.
Твоя дымящая подкорка
Да пепел памяти в разлет
Приучат вглядываться зорко,
Чтоб не промазал пулемет.
Война все ценности былые
Сотрет в мельчайший порошок.
Уже и кровь совсем не стынет
При виде чьих-то рук и ног.
И разможенный детский трупик
У тела девушки нагой
Не вызовет душевной муки
Бесчеловечности людской.
Война всеядна и, надеясь,
Что пощадит она тебя,
Безжалостно в живое целясь,
Ты убивал всегда себя.
Ты, выжив в страшной мясорубке,*

*Домой пришел как невредим,
Но спирт в стакане, дым из трубки
Спасеньем станут ли твоим?
Война гражданская жестока,
И хоть уже ты поседел,
Вдруг летним громом издалека
Тебе напомнят артобстрел.
Вновь дату будешь ты за датой,
Друзей, врагов, всех поминать,
Но самой дорогой утратой —
Угасшую так рано мать.
Война живет в тебе до ныне
И дремлет, словно старый пес,
Но не уйдет с тобой к вершине,
Твой сын ведь для нее подросток.*

Вадим Гусев

http://artofwar.ru/g/gusew_w_w/

**НЕ ВЕРНУВШИМСЯ,
НЕ ДОЖДАВШИМСЯ...**

*Они уходили в старой одежде,
Не прощаясь с родными навзрыд.
И страна провожала их так, как и прежде —
С горем, но без взаимных обид.*

*Кружка, ложка, для писем тетрадка —
Вот и все, остальное в душе.
Им тогда было очень и очень несладко
На судьбы непростом выраже.*

*Ничего нам не скажут солдата останки,
Вместо мыслей срывается стон.
Но с винтовкой они поднимались на танки,
На сраженья, а не на поклон.*

*Лишь короткие письма... вот самая малость,
Да ромашки среди колосков.
А от многих вообще ничего не осталось,
Кроме серых с печатью листков.*

*Страшный крик одиночества в сером рассвете,
Как удар с разворота поддых.
И с победой пришедших рожденные дети
Вскоре стали роднее родных.*

Юрий Беридзе

Полковник. Участвовал: Абхазия, Чечня

http://artofwar.ru/b/beridze_j_w/

ПАСПОРТ ДЛЯ ФРАГМЕНТОВ

*Простым солдат, но важным занят делом —
заботится об опознании тела.
Заботится заранее — на случай,
которого не выпало бы лучше.
На случай, если бранные останки,
размажет, словно гусеницей танка,
иль взрывом размывает на фрагменты.
Такие у войны эксперименты...
Три гильзы перед ним — для трех бумажек,
и каждая о нем — потом — расскажет:
там адрес, там фамилия и имя.
Лишь только б были найдены своими...
Одну из гильз — на шею, на шнурочке,
вторую — вшить в рукав. И чтобы — прочно.
А третью гильзу он вошьет в штанину —
и можно смело наступать на мину.
Три гильзы, три обрывочка-листочка,
в солдатской жизни — три последних точки.
Три гильзы, три записки-документа...
Их называют — «паспорт для фрагментов».*

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

«...Сегодня я злюсь на всех, кто пересек мою дорогу. Ни в чем не повинная девушка не подозревает, что невидимая пыль и борт разделяют ее и меня, и что я слышу не ее, а другие голоса. И что мне хочется кричать от невыносимого объема нахлынувшей жестокости и странной боли давящей изнутри и ищущей выхода. Со мной давно этого не происходило и я думал, что оставил все это в прошлом...» Это письма моего друга. Они как кадры хроники про меня самого...»

Читатель

«Проблема в несовместимости систем координат нашего прошлого и будущего. Мы подобны бегуну, пришедшему на соревнования по бегу... в бассейн. Среди добрых парней в шиповках ты занимал свое заслуженное место. Приседал со штангой и пробегал стометровку с вполне мастерским результатом. Стараясь сделать хоть что-нибудь, прыгаешь в воду, пытаешься не утонуть и доплыть до будущего. А впереди тебя ровной шеренгой мастерски гребут другие добрые парни, те, кто в прошлом учился плавать...»

Павел Андреев

«В воздухе пахло идущей неподалеку войной. Запах этот передать невозможно. У каждой войны есть свой незаметный для взгляда, а лишь ощущаемый только внутренне радиус распространения. Это не ударная волна, это не паника близлежащих сел и даже не сводки новостей из соседней области. Это отчетливое ощущение смерти и работающей машины убийства, ощущение, которое угасает по мере удаления от эпицентра. В Москве война не чувствуется совсем, а вот, скажем, в Ростове от запаха войны никуда не деться. В сегодняшнем Белграде, впрочем, война напоминает о себе каждую минуту. Кажется, что душа неумело примеряет броник и глаза меняют свою биологическую структуру, все воспринимается серьезнее и мимолетнее, чем обычно.»

Илья Плеханов

«Я стал «НЕ ВАМИ» и «НЕ Я», это закономерно, но Я уже давно не тот Я. Тот давно умер, а нынешний старается походить на прежнего. Но только походить, подражая. Когда это произошло? Я думаю, когда я обменял свою жизнь на жизнь не мою. И вот, я жив, но я ли это? Но мне не горько, мне легко, я сменил кожу. Я просто замаскировался под адаптировавшегося после войны человека. На самом деле, я не человек в привычном значении этого слова. Только никому не рассказывайте. Вкусивший крови раз — не сможет пить вино. Мне хочется верить, что такой уродливый я лишь один.»

Анатолий Левочкин

«Здорово, Дэн. Буду сразу на ты, как ТАМ. Года два назад впервые наткнулся на твои рассказы в интернете, пил потом неделю. Не могу читать об этом, не могу кино посмотреть, не могу ток-шоу слушать о войне. Несколько дней трясет потом...»

Так хотел забыть эту войну. После дембеля года два смертник носил, все на том же шнурке из бушлата, никак не мог снять. Казалось, что так пацаны все еще со мной. Смертник — как крестик. Носил, не замечал его совсем. А потом вдруг почувствовал, какой он тяжелый. Сколько смертей в нем, сколько воспоминаний, страха. И решил — все, хватит. И другим хватит говорить (все равно ни хрена не понимают) об этом и самому вспоминать. Все делал, чтоб забыть. Восемь лет уже прошло, сколько ж можно! Устроился на работу — я журналист — женился, купил машину, живу в отдельной квартире с женой. Она меня любит (что естественно), более того, я тоже ее люблю (что совсем неестественно, потому что думал, что никогда уже никого не смогу любить, не осталось во мне этих чувств). Детей только вот нет. Не получается никак, отморозил пузо в горах. И еще жрать не все могу после дизухи. В остальном — я полноправный член этого недумающего жующего общества, я научился мыслить их мыслями, у меня появились их проблемы (машина, квартира, бабло, бабло, бабло) я даже выучил их язык и умею смеяться над их шутками. Я теперь гражданин. Ситизен, блин. Как будто и не было ничего. Мне даже не хочется прятаться, когда ночью я вижу фонарь на стройке, недостроенные дома мне не кажутся больше развалинами, и я не вижу снайперов на крышах. Не вздрагиваю от резких звуков.

А вчера опять наткнулся на твои рассказы. Не хотел ведь читать, знал, что потом плохо будет, но все равно прочитал. И опять все вернулось. Как там побывал. Ты очень хорошо пишешь. Язык, образы, приколы — все правда, именно так мы разговаривали, именно так думали, именно так относились друг к другу, и так относились к нам шакалы.

Это очень важно, что ты пишешь о войне. Они должны знать об этом.

Тоже пробовал писать, но так, как у тебя, уже не получается. Так старался все забыть, что, кажется, забыл. «Не помню дней, не помню дат...» Хочется рассказать всем о том, как там было, но уже не получается. Так что давай, пиши, расскажи им всем, что там было на самом деле. КАК это было. Никто из них не должен умереть, не узнав, как погибали пацаны. Пиши за всех — за тех, кто выжил, и за тех, кто не вернулся. Расскажи им про нас.»

Аркадий Бабченко

«ЖИВОЙ»

Фильмы о войне всегда были и всегда будут. Это хорошо. Это и плохо.

Хорошо, потому что про это снимают — люди должны знать, как это было. Помнить. И стараться не допустить повторения. Плохо, потому что зачастую военная тема нужна кинопродюсерам только как презерватив — использовать и выбросить. Срубить бабла на модной теме. А ведь это все живые судьбы, все это жизни и смерти...

Саму рецензию Раяна Фарукшина на фильм Александра Велединского вы найдете здесь: http://artofwar.ru/f/farukshin_r_n/3214.shtml Посмотрите, не полнитесь. И составьте свое мнение.

Мы же пока напечатает комментарии тех, кто составил свое.

Не соглашусь со многим в тексте Раяна. Фильм сильный и верный. Силен именно тем, что он схематичен, как скелет, что не прописан детально. Эпизод, еще эпизод, еще. Прямой удар. По всем болевым прошелся. Очерчено основное, и без лишней чернухи — я не согласен, что образ Кира преувеличенно надуман; и без лишних «розовых очков».

Дело не в деталях, дело в самом факте войны и в том, что все это продолжается независимо от года, от места и погоды. Капитан Антонов и его слова вне времени.

Что, разве по возвращению не было противно от самого себя и не хотелось пачкать своей грязью ближних? Разве с работой не такой же «богатый» выбор — бухать в охране? Разве не садятся за уголовщину после возвращения? Сцена с проводницей отчего же неправда — какая там семья или любовь... Разве не отдаляются те, кто смог приспособиться к этой жизни, кто обзавелся семьей и детьми? Разве жены многих не не особо рады появлению сослуживцев в гостях с последующими срывами?

Разве везде и всюду не видишь лица ушедших товарищей — на рекламных стендах, там, где другие видят рекламу успешных мальчиков в костюмах и на джипах?

Сцена на кладбище вообще убийственна своей реалистичностью.

Что касается Отца Сергия. Кир настоящий смотрит на двух возможных в будущем Киров. Один встал на путь Веры, другой стал опустившимся бомжом. Что, разве не такая «вилка» у многих?

Мне кажется, что мы забыли некоторые вещи. На сайте в подавляющем большинстве люди, которые построили свою жизнь. Семьи, дети, работа, бизнес, время и средства, талант. Тексты о том, как не сдаваться. Но из общего числа вернувшихся — большинство, в первое время, по крайней мере — такие, как Кир. Я вот именно таких знаю достаточно. Этот фильм про них. Вот только мало кто из них пишет у нас на сайте. Да и видеть этого многим не хочется. Хочется более «человечных» образов и более жизнеутверждающих примеров. Это понятно и это правильно.

Полтретьего ночи, елки. Удачи всем. Жму.

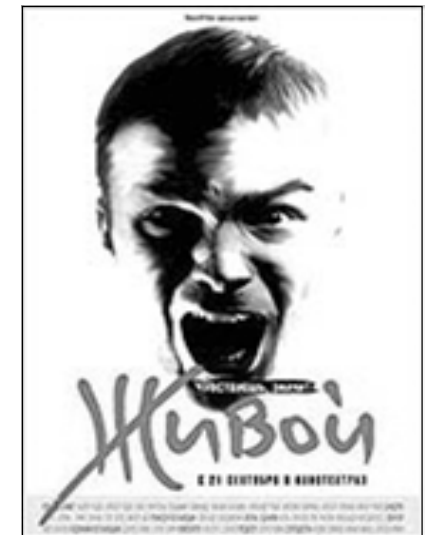
Плеханов Илья Сергеевич

Спасибо, что откликнулись! Сколько людей — столько мнений, так и должно быть!

У меня и моих друзей «Живой» вызвал негативные эмоции. Я не люблю фильмы о войне снятые пафосно-патриотично и чернушно-порнографически. Нужна середина, нужны позитивные эмоции, их очень не хватает! Грязь, водка, и прочие атрибуты есть. Боли слишком много... А где же нормальные целеустремленные люди? С экрана нам внушают, что таких быть не может. Чушь! Может! Для примера могу рассказать про одного из своих друзей — Бабая. Пришел с войны, ни капли не пил, работал. Сейчас у него 2 высших образования, хорошая работа, жена, двое детей, квартира, машина, гараж, уважение окружающих. Почему нет фильмов о таких, как он? Я уж про Павла Андреева промолчу.

Если вы переубедите меня, что фильм суперотличный, буду только рад! Пишите!

Фарукшин Раян

Согласен с мнением Плеханова. После ДРА лично я адаптировался нелегко, растерял часть друзей. Был судим. Поднялся только в начале 90-х, в период первичного накопления капитала. Хватило сил не пойти по скользкой дорожке криминала, хотя предложений и возможностей для такой «веселой» жизни было предостаточно.

Pillar

Эх,Илья...

Почему они не снимают про РЕАЛЬНЫХ людей?

На сайте у каждого второго - не жизнь — роман!!!!

Есть Настоящие люди, Настоящие Судьбы.

Петрович

Полностью согласен с Раяном. Не понимает молодежь этой трагедии, а режисеры, не разобравшись снимают то, что считают нужным. Спикуют на крови. А мы ехали туда не за деньги.

Юрий Трофимов

Александр Бешкарев

*Старший прапорщик. Участвовал: Афганистан
Родился в г. Советск Кировской обл. Служил в Германии (Эберсвальде), Забайкалье (Борзя) и Афганистане (Кундуз). Увлечения - путешествия и история ОКСВА.*

http://artofwar.ru/b/beshkarew_a_i/

НЕ ПУГАЙ РОДИНОЙ

Награды и приказы на звания уже неделю лежали в штабном сейфе и ждали своих владельцев, но батальон в это время гонялся по солончакам пустыни Дашти-Марго за бандой Черного муллы. Навоевавшись, вернулись к месту постоянной дислокации, если так можно сказать про дощатые модули, брезентовые выцветшие палатки и два быстро-сборных металлических ангара, приспособленных под солдатскую столовую и склад. В первую очередь привели в порядок оружие и технику, затем отмылись сами и выстирали просоленное, вонючее от пота белье. После небольшого отдыха прозвучала команда к торжественному построению.

На окраине забытого всеми богами афганского городка под хрипящий из динамика «Туш» на кителя военнослужащих отличившихся в предыдущих рейдах прикрепили несколько орденов и дюжину медалей. А четверем офицерам и командиру вручили новенькие погоны с золотыми звездочками очередных званий. Командирским приказом для солдат уст-

роили праздничный обед, а офицеры и прапорщики начали «обмывать» награды и звания в тесных комнатках жилого модуля. Обед почти на середине был сорван неожиданным и наглым обстрелом. «Духи» не дали нарадоваться в полной мере ни наградам, ни предстоящему отдыху — влупили с двух сторон по расположению батальона минами и китайскими осколочными реактивными снарядами. Пришлось всем в парадной форме сначала валяться в окопной пыли, а затем коптиться, ликвидируя возникший в автопарке пожар. К счастью, обошлось без потерь, даже раненых не было.

Когда утихло, личному составу разрешили отдохнуть, многие солдаты, вымотавшись в предыдущие дни, почти сразу уснули. Только некоторые старослужащие тайком цедили из эмалированных кружек мутноватую виноградную брагу, да из щелей каптерки разведчиков завился дымок с душком трофейного чарса. Из раскрытых окон офицерского модуля слышались громкие голоса, там глушили спирт и самогон, «до-

мывая» честно заработанные награды и звездочки новых званий. Неуставная жизнь продолжалась еще некоторое время.

Утром на площадке у штаба выстроили смердящий жутким перегаром редкий строй офицеров и прапорщиков. Перед строем лысоватый, низенький с выразительным животиком майор-замполит, сам стараясь не дышать на подчиненных, начал отчитывать огромного коричневатого от пустынного загара и колобродившего всю ночь, прапорщика. У того из-под мятой униформы с желтыми нашивками за два ранения и новеньким орденом Красной Звезды выпирают богатырские мышцы, но ноги с трудом его держат.

Разгон майора не оказывает на провинившегося должного воздействия. В глазах прапорщика никто не видит даже показного раскаяния. И тогда политработник пускает в ход последнюю угрозу: «Да я Вас БЕЗ ЛЬГОТ в Союз в двадцать четыре часа отправлю!» На что орденосец веско отвечает: «А фули, ты меня, Семеныч, Родиной пугаешь?»

Андрей Загорцев

Участвовал: Приднестровье, Чечня

http://artofwar.ru/z/zagorcew_a_w/

ВОДКИ ЛЕТЧИКАМ НЕ ДАВАТЬ

Как-то на общем сборище, то есть на совещании, всех облеченных властью начальников доблестные летчики пожаловались:

— Мало нам информации разведывательной по зоне КТО, летаем, летаем и не знаем, есть под нами бандюки али спецназовцы (что при нынешних наших юридических раскладах, как бы покультурнее сказать, ну, скажем... монопенисуально...)?

— На хрена вам информация? — возмутился начальник штаба группировки. — И так вылетов плановых хрен добьешься, а как узнаете, что в районе бандюки, так у вас все винты загнутся к х.м... Хотя ладно, начальник разведки, обеспечьте наших крылатых братьев информацией.

НР озадачил этой проблемой спецназовского начальника, тот, в свою очередь, озадачил придворный Ханкалинский отряд, который располагался как раз рядышком с авиабазой. Но забыл, однако, главный спецназовец, что задачу надо ставить конкретному человеку, а не передавать ее комбату через полоумного лейтенанта, дежурившего в ту ночь по ЦБУ. Летеха всю ночь проиграл в «Вольфштайна» и к утру забыл вообще все на свете. Даже при смене наряда он попытался представиться агентом Блазковичем, за что был высмеян другим точно таким же летехой, которому было на «Вольфштайн» наплевать. Новый дежурный заступил, сел за компьютер

дежурного по ЦБУ и запустил «Казак».

Ближе к 11 утра на КПП отряда появился изнывающий от жары подполковник в летной форме, усиленно изображавший из себя начальника разведки авиабазы. Он потоптался на КПП и попытался проникнуть на территорию отряда, но был уличен и пойман бдительным дневальным. Через полчаса увещаний и объяснений дневальный понял, что прибыл какой-то летчик, но вот, зачем он прибыл, дневальный якутской национальности ни хрена не понял.

— Скажите своему начальнику разведки, что прибыли летчики за сводкой, — умолял он солдата.

— Ага, — сказал дневальный и, изнывая от жары, поплелся под грибок к телефону.

Минут пятнадцать, смачно позевывая, он крутил ручку. Пока ручка крутилась, из головы напрочь улетучились сведения, которые необходимо было довести до дежурного. Наконец, он дозвонился, у дежурного как раз «казаки» устроили бунт, поэтому дежурный малость нервничал.

— Ну, че те, олень? — спросил он в трубу.

Солдатик-якут вспомнил про оленей и замечтался, заулыбался.

— Бля, ну, какого хера! — заорал в трубу дежурный.

— Аааа, товарищ лейтенант, тут летчики пришли за водкой, — выпалил дневальный.

— Какой, на хер, водкой? Летчики? Им, бля, спирту мало что ли? — вскипятился дежурный. — Пошли его на хер, нету у нас водки.

Дневальный пожал плечами и двинулся к летчику-разведчику.

— Нету, — сказал он, — наверно, продали все.

Обезумевший летчик открыл рот и решил зайти попозже. Попозже летчик все-таки добился кое-каких результатов, дневальный дозвонился до дежурного, тот, в свою очередь, вызвонил нач. опера отряда, решив, раз летчики пришли за водкой и почему-то к начальнику разведки отряда, то нач. опер с этим как-нибудь разберется. Пришел небритый начопер, одетый, несмотря на жару, в камуфлированную ШПС (шапка-пидорка спецназовская) и в великолепные ТТСы (трусы танковые синие).

Узнав, что пришли летчики да еще за водкой, капитан нач. опер не пошел напролом, а осторожно, по-разведчицки, однако, при посредстве дневального выяснил, что летчик разведчик пришел якобы с разрешения начальника разведки группировки.

— Ишь, ты! — подумал нач. опер, — дело-то нечисто, позволю-ка я шас в вышестоящий штаб, своему направленцу и выясню, что за дела такие.

Дозвонившись до спецназовского дежурного, начопер осторожно поинтересовался, не было ли каких распоряжений на выдачу водки летчикам.

Офигевший дежурный по отделу, как говорится в простонародье «фары не врубил», и тоже очень осторожно отмазался, дескать, я тока-тока заступил, шас будет шеф, поинтересуйся у него.

Капитан нач. опер на другом конце ЗАСовского аппарата здраво рассудил, что дальше ниточка

тянется еще выше, и решил, что необходимо доложить своему прямому начальнику, а если быть точнее, начальнику штаба. НШ прокачивал «трехглавую» в качалке, закончив серию, он выслушал нач. опера и, чертыхаясь, поплелся прозванивать начальнику спецназовского отдела. Главный спец как раз сидел в кабинете и принимал доклады от подчиненных подразделений. А тут нате, в спецназовский отряд пришли летчики, требуют водки и говорят, им начальник разведки группировки разрешил брать у спецназа водку.

— Знаешь-ка что, дружок, пусть комбат лучше перезвонит по этому вопросу самому начальнику разведки, я так понимаю, водка ведь дело личное, если лишняя есть, то дайте, но немного, я ведь вам приказать не могу...

Летчик-разведчик, стоявший на КПП отряда, плюнул на все и ушел к себе пить разбавленный спирт. Спецназовский комбат, узнав о том, что ему надо позвонить по поводу охамевших летчиков Нру, незамедлительно схватил трубу, дозвонился до Главного и, него-

дуя, в цветах и красках расписал, как толпы обезумевших летчиков осаждают КПП спецназовского отряда, требуя, умоляя и упрашивая дать им водки, прикрываясь при этом именем начальника разведки...

Начальник разведки обезумел и рыкнул в трубку:

— Водки летчикам не ДАВАТЬ!!!!

После этого дозвонился до командира авиабазы и высказал все, что думает о летчиках и их нравах.

Вечером на авиабазе всем, кто попался пьяным на глаза командиру, вlepили строгача, в том числе и летчику-разведчику, опившемуся разбавленного спирта, а строгий командир сказал ему:

— Ты бы, подполковник, вместо того, чтобы ханку жрать, взял бы у спецназа разведводку.

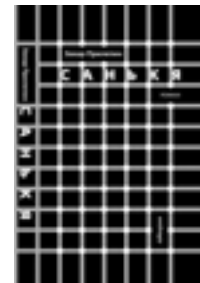
С утра полутрезвый подполковник в восемь часов стоял на КПП отряда.

Давешний солдатик-якут, еще не сменившийся, увидев летчика, покрутил ручку телефона:

— Товарищ лейтенант, опять летчики за водкой пришли.

Лиза Новикова

ИД «Коммерсантъ» специально для «АоВ»

Захар Прилепин. Санья. М.: Ad Marginem, 2006

Вышел второй роман Захара Прилепина — «Санья». Начиная этот молодой автор с военной прозы: дебютным романом «Патология» ему сразу удалось опровергнуть расхожее мнение о том, что книги на чеченскую тематику сейчас не востребованы. О Прилепине заговорили. Литераторы с удивительной слаженностью бросились возводить автора в ранг наследников Виктора Некрасова и Константина Воробьева. Чуть ли не генеральские погоны стали ему прочить, забыв, что в прозе, как и в армии, без выслуги лет не обойтись. Первый роман Прилепина действительно запомнился своей брутальностью: «патология» у него — это не обвинение обществу, а диагноз главного героя, одержимость которого явно имела не военное, а гражданское происхождение. Однако изломанный герой «Патологии» все же был из плоти и крови. В следующем произведении молодого автора нет и этого.

Главный герой, Саша, — рядовой партии «Союз созидателей», прообразом которой стала НБП (сам Прилепин возглавляет нижегородское отделение партии). Надо сразу сказать, что меньше всего хотелось бы, чтобы оценка этого романа стала оценкой партии НБП. Вот уж кому точно не требуется рецензия от литературных критиков. Но если вычестить из романа политику, в нем не так уж много останется. О том, что «Санья» — не картинка с плаката, что у него есть свое лицо, можно судить только по подробным описаниям того, как его этим лицом бьют об стенку. Прилепин явно читал не только «Лимонку», поэтому все же попробовал «пришить» к своему агитроману какие-нибудь «хвосты». Где-то поработал под

писателей-деревенщиков: за все «живое» в романе отвечает деревня, где герой отсиживается во время милицейских облав и где его нараспев именуют «Санья». Но слишком уж литературно смотрится противопоставление села гнилому буржуазному городу.

Если же изъять из романа литературные подношения, то останется лишь стенограмма партийной жизни «Эсэс»: «В бункере всегда было шумно и весело. Он был схож с интернатом для общественно опасных детей, мастерской безумного художника и военным штабом варваров, решившихся пойти войной неведомо куда». Митинги и выездные акции, нападения на «Макдональдс» и «майонезный» терроризм (президенту тоже достается). И — бесконечная расплата: попытки в милиции и непонимание родных. Критики уже сравнили роман Прилепина с горьковской «Матерью» — и выдали тем самым желаемое за действительное.

Как и Захар Прилепин, Аркадий Бабченко воевал на обеих чеченских войнах. Молодой прозаик запомнился повестью «Алхан-Юрт» — за нее он получил в прошлом году премию «Дебют», она же дала название новому сборнику. Книга вышла в престижном оформлении так называемой «чеченской» серии издательств «Яуза» и «Эксмо», в серии, где публиковались, например, политико-экономические триллеры Юлии Латыниной. Однако все равно уже сейчас можно предположить, что Бабченко не примут с распростертыми объятиями в литературной тусовке, где уже слишком избалованы «классикой» военной прозы и поэтому скорее клонут на форсированную истерику и дешевые эффекты. А у Бабченко всего этого нет, хотя именно его благодаря гладкому

Аркадий Бабченко. Алхан-Юрт. М.: Яуза, 2006

письму можно было бы зачислить в наследники тех же Некрасова с Воробьевым. Автобиографичный герой — хорошо знакомый нам типаж, интеллигент на войне. Студент юрфака, бывший хиппи, такой по всем приметам просто обязан был всеми правдами и неправдами откосить от армии. И действительно, автору оказалось нелегко удостоиться чести «отправиться примерять портянки» — в книге есть и история его мытарств. В результате получился обычный солдат. Но — и не совсем тот, каким предпочитали бы его видеть те, кто ведет эти страшные войны. Он убивается, когда узнает, что наделал его необязательный выстрел: кульминация повести «Алхан-Юрт» — случайная гибель девочки и старика, которые не успели спрятаться от артобстрела. Он другой даже в мелочах: например, слушает не положенные песни вроде «батыни-комбата», а записывает аккорды агузаровского «Старого отеля». Герой выбивается из рамок заданных «9 ротой» (вдвойне интересна газетная рецензия на этот фильм, которую тоже можно найти в книге).

Свою военную «одиссею» автор разыгрывает в трех действиях: первая чеченская, вторая чеченская, а затем еще блок материалов, которые Бабченко публиковал, будучи военкором «Новой газеты». Автор не стремится сразу «отстреляться». Напротив, он хочет побыть с читателем дольше. Потому что, когда будут отсмотрены все положенные для военной прозы картины, как то: первые дни на войне, воспоминания о доме, столкновение с тяготами армейского быта, гибель лучшего друга, осознание бессмысленности всего происходящего, — читатель должен дожидаться и узнать, что у автора есть еще что сказать.

Андрей Грешнов
Аркадий Бабченко

«ОПЕРАЦИЯ «ЖИЗНЬ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ...»

«...но остальные остались живы. А это значит, что операция «Жизнь», то есть боевые, продолжается. Никому не суждено возвратиться назад из этого последнего нашего рейда. Важно только не погибнуть в нем просто так, не успев захватить с собой врага. Врага, глумящегося над ранеными, врага, топчущего нашу веру, врага, издевающегося над нашими стариками. Этот враг хитер и коварен. Его вера — деньги, собранные из крох, отнятых у обездоленных. Он сделает все, чтобы сжечь нашу колонну, заманить ее в засаду.

С войны не возвращается никто. Никогда. Обрати матери получают лишь жалкое подобие своих сыновей — злобных, агрессивных зверьков, ожесточенных на весь мир и не верящих ни во что, кроме смерти.

В этом рейде, как и раньше, мы должны будем забрасывать к ним разведчиков, которые будут внедряться в их ряды и сообщать нам о грозящих засадах, перевербовывать тех, кто еще может стать «дружественным» духом. В этом рейде, как и раньше, придется делиться водой и сухпаем с теми, кому они нужнее; как и раньше, придется останавливать кровь, перевязывать раненых и хоронить погибших. Придется опять забыть о себе сегодняшнем и стать вчерашним.

Все ли готовы к этому? Или кто-то желает остаться на продкладе, ожидая, когда ушедшие возвратятся с боевых? Этим придется ждать долго, до конца своих дней. Колонна уже не вернется...

Возможно, дни их протекут сыто и мирно. Но и горячего афганского солнца в них не будет уже никогда.

С войны не возвращается никто. Никогда. Обрати матери получают лишь жалкое подобие своих сыно-

вей — злобных, агрессивных зверьков, ожесточенных на весь мир и не верящих ни во что, кроме смерти. Вчерашние солдаты больше не принадлежат родителям. Они принадлежат войне, с которой возвратилось лишь тело. Душа осталась там.

Но тело все же вернулось. И война отмирает в нем постепенно, пластами — чешуйка за чешуйкой. Медленно, очень медленно вчерашний солдат, прапорщик или капитан превращается из бездушного манекена с пустыми глазами и выжженной душой в некое подобие человека. Спа-

дает невыносимое нервное напряжение, затухает агрессия, проходит ненависть, отпускает одиночество.

Дольше всего держится страх — животный страх смерти — но со временем проходит и он.

ты начинаешь учиться жить в этом мире заново. Учишься ходить, не глядя под ноги, учишься наступать на колодезные люки и стоять на открытом пространстве в полный рост. Покупать еду, говорить по телефону и спать на кровати. Учишься не удивляться горячей воде в кранах, электричеству и теплу в батареях. Не вздрагивать от громких звуков.

Ты начинаешь жить. Сначала — потому что так уж получилось, и ты остался в живых — не испытывая от жизни никакой радости и рассматривая ее как бонус, который по глупости судьбы выпал на твою долю. Все равно жизнь твоя была прожита от корки до корки в те сто восемьдесят дней, пока ты был там, и оставшиеся лет пятьдесят не смогут ничего ни прибавить к тем дням, ни убавить от них.

Но потом ты втягиваешься в жизнь. Тебе становится интересна эта игра, которая не взаправду. Ты изображаешь из себя полноправного члена этого общества. Маска нормального человека приросла успеш-

но и организм больше не отторгает ее. И окружающие верят, что ты такой же как и все.

Но твоего настоящего лица не знает никто. Никто не знает, что ты больше не человек. Люди ходят вокруг тебя, смеются, скользят по тебе глазами и принимают за своего. И никто — никто! — не знает, где ты был.

Но тебя это больше не беспокоит. Войну теперь вспоминаешь как виденный когда-то бредовый мультфильм, но его персонажем себя уже не осознаешь.

Правду больше не говоришь никому. Человеку не воевавшему не объяснить войну, точно так же, как слепому не объяснить ощущение зеленого, а мужчине не дано понять, что значит выносить и родить ребенка. Просто потому, что у них нет тех органов чувств. Войну нельзя рассказать или понять, ее можно только пережить.

Но все эти годы ты ждешь. Чего? Не знаешь и сам. Ты просто не можешь поверить, что это закончилось просто так, без всяких последствий. Наверное, ты ждешь, когда тебе объяснят. Ждешь, что кто-то подойдет к тебе и скажет: «Брат, я знаю, где ты был. Я знаю, что такое война. Я знаю, зачем ты воевал». Это очень важно — знать зачем. Зачем погибли твои войной подаренные братья? Зачем убивали людей? Зачем стреляли в добро, справедливость, веру, любовь? Зачем давили детей? Бомбили женщин? Зачем миру нужна была та девочка с про-

битой головой, а рядом, в цинке изпод патронов — ее мозг? Зачем?

Но никто не рассказывает. И тогда ты — вчерашний солдат, прапорщик или капитан — начинаешь рассказывать сам. Берешь ручку, бумагу и выводишь первую фразу. Начинаешь писать. Ты еще не знаешь, что это будет — рассказ, стихотворение или песня. Строчки идут с трудом, каждая буква рвет тело, словно идущий из свища осколок, ты физически ощущаешь эту боль, это сама война выходит из тебя и ложится на бумагу — тебя колотит, трясет так, что не видишь букв, и ты больше не здесь — ты снова там, и снова смерть правит всем, а комната наполняется шепотом, криками и страхом, и снова работает КПВТ, кричат раненые, и горят живые люди, и паскудный свист мины настигает твою распластанную спину. «И снова жгут наливники в Мухаммед-Аге...» Бьет барабан, и оркестр на знойном пла-

Правду больше не говоришь никому. Человеку не воевавшему не объяснить войну, точно так же, как слепому не объяснить ощущение зеленого, а мужчине не дано понять, что значит выносить и родить ребенка. Просто потому, что у них нет тех органов чувств. Войну нельзя рассказать или понять, ее можно только пережить.

цу играет «Прощание славянки», и вот уже мертвецы встают из своих могил, и их много, очень много; здесь все, кто был дорог тебе в той жизни, но погиб, и вот ты уже уз-

наешь знакомые лица — Игорь, Вазелин, Очкастый взводный... Они склоняются к тебе, и их шепот заполняет комнату: «Давай... Давай, брат, расскажи им, как мы горели в бэтэрах! Расскажи, как мы плакали на окруженных блокпостах в августе девяносто шестого! Как мы чали и просили не убивать, когда нас прижимали ногами к земле и резали глотки! Расскажи, как дергаются мальчишеские тела, когда в них попадает пуля. Расскажи им! Ты выжил только потому, что умерли мы — ты должен нам! Расскажи всем! Они должны знать! Никто не умрет, пока не узнает, что такое война!» И строчки с кровью идут одна за одной, и водка глушится литрами, а смерть и безумие сидят с тобой в обнимку, толкают в бок и подправляют ручку.

И вот ты — вчерашний прапорщик, солдат или капитан, сто раз контуженный, весь насквозь простреленный, заштопанный и собранный по частям, полубезумный и отупевший — уже пишешь и пишешь, и скулишь от бессилия и тоски, а слезы текут по твоему лицу и застревают в щетине...

И ты понимаешь, что с войны не надо было возвращаться.

Родина, не предавай меня

С Александром Чикуновым мы встретились воскресным вечером в тихом московском переулке на Ильинке. Щебетание птиц, солнце и дрема. Кроме нас никого. Тихое вялое спокойствие госпитального двора. Может, именно поэтому он и начал рассказывать о ранении.

— Впервые на войну я попал в Сумгаите. Когда нас привезли, все только начиналось. На перекрестке улиц Дружбы и Мира собралась толпа — тысяч пятнадцать человек.

Между ними — БМП какого-то пехотного училища. Я не знаю, кто сидел в этих бэхах — армяне или азербайджанцы. Главный у них был капитан. И вот этот капитан вдруг

вскидывает автомат и начинает стрелять по толпе. Тридцать боевых патронов в упор по скоплению людей. Толпа отхлынула. Раненые, убитые, крики... А этот капитан вытаскивает из люка механика-водителя, садится на его место и на полной скорости врезается в толпу. И начинает давить людей, разворачиваться на них. То на одной гусенице, то на другой. Представляешь, что там было? Каких только трупов мы не навиделись... Бэха была кровью залепана по самую башню. На этом перекрестке — улицы Дружбы и улицы Мира — было положено начало всех войн. После этого я и стал писать.

Чикунев достает сигареты. Закуриваем. Он продолжает:

— Я в армии отслужил тридцать два года, и от армии у меня осталось ощущение не товарищества, а предательства. Предательство было страшное. Как их убивали, этих мальчишек. Свои же.

Мина ударит — четыре, пять, шесть трупов... В толпе образовывается дырка, эту дырку тут же заполняют другие. Прижимаются друг к другу, как пингвины. Им страшно, они в кучи сбиваются, а тут следующая мина. Опять дырка, опять новые своими телами ее заполняют.

«Градом», артиллерией. В Грозном однажды нас набилось на консервном заводе как селедок в бочке. Кругом чехи. Нас разделяло метров сто, не больше. И командующий вдруг отдает приказ на артподготовку. За двенадцать километров с Толстой-Юрта начинает работать тяжелая артиллерия. На таком расстоянии разлет в сто метров обычное дело. Два часа нас утюжили «саушками». Там горы трупов были, горы... Я ходил к командующему, просил прекратить огонь. Меня назвали паникером — ты, мол, боишься потерять десятков — другой солдат. Когда в бронжилет мне рикошетом угодила задница от снаряда — огромный осколок, я пошел к командующему и швырнул этот осколок ему на стол...

Через несколько дней нас перекинули вглубь города. Я был с отрядом СОБРа. Сидим на броне, вдруг пригоняют толпу мальчишек с автоматами — именно толпу, подразделением их назвать никак

нельзя. Я спрашиваю: «Кто такие?» Резерв Министерства обороны. «Присягу принимали?» Нет. «Из автомата хоть раз стреляли?» Нет. Совсем зеленые, у них форма даже

не помятая была, колом стояла. Начинается минометный обстрел. Солдаты продолжают стоять — толпой, кучками. Они даже падать без команды не умели. Представляешь, что такое минометный обстрел, когда весь двор забит людьми? Мина ударит — четыре, пять, шесть трупов... В толпе образовывается дырка, эту дырку тут же заполняют другие. Прижимаются друг к другу, как пингвины. Им страшно, они в кучи сбиваются, а тут следующая мина. Опять дырка, опять новые своими телами ее заполняют.

Мы с офицером-собровцем начинаем их растаскивать, хватаем за одежду и в колеи от гусениц запикиваем. Я только следующего схватил, сзади разрыв. Нас вместе с ним в яму швырнуло, он первый, потом я, а на меня сверху еще один упал. Я из-под него вылезая, переворачиваю, у него бушлат разорван, а в груди огромная дыра и еще дымится. Он в сознании был. Посмотрел на меня: «Только маме не говорите!»... и умер.

«Не убит я, а ранен, я знаю, Я живой — на меня посмотрите! — Прошептал солдат, умирая, — «Только маме не говорите!» «Я смотрю, как птицы взлетают, Вы подняться и мне помогите, — Попросил солдат, умирая, «Только маме не говорите!»

— Армия была настолько деморализована, настолько подавлена, — продолжает Чикунев. — Солдаты просто сидели и ждали, пока их убьют. Они воевать совсем не могли. В таком состоянии находились... Я у психологов потом спрашивал, что это за ступор такой — идет как зомби, автомат по земле волочит, на убитых, на внутренности наступают — ничего не видит, а глаза — белые, просто белые, зрачков совсем нет. Они говорят — ну, это уже полный абзац.

Предательство. Сплошное предательство. Вы знаете, что за сутки до расстрела колонны 245 полка под Ярыш-Марды с соседних высоток были сняты три сводных батальона? Они ушли, утром на их место пришел Хаттаб и из наших же окопов весь день долбил колонну.

Черт возьми, ну как тут не запоешь?

Вы не встречайте нас весело. Мы не с победой прибыли. Не говорите нам песнями, Из нас бойцов сколько вышло. Сколько там наворочено, Не прикроешь строчками.

И опять нас во всем винят. Только не предавай меня Родина, Не предавай меня.

Вот и звоны плывут колокольные, Над полями, березами грустными. Почему мы не птицы вольные? Разве наша вина, что мы — русские?

Ты кормила нас досыта сказками, Не сыны тебе ближе, а пасынки. Из огня идем в полях. Только не предавай меня, Родина, Не предавай меня.

Напоминание. Вам, рассадникам наркотического бреда либерализма. Вам, жующим жвачку толерантности. Где были ваши правозащитники?! (Ковалева не упоминать!!!)

За десять лет через Чечню прошло около миллиона военнослужащих. Население большого города. Пятьдесят дивизий обстрелянных солдат, которые, возвращаясь домой, несут в мирную жизнь свою философию. Философию войны, которая заключается в одном — плевать на все. Ave Caesar, morituri te salutant! В восемнадцать лет они уже убивали взрослых людей, которые подчас были старше их отцов, и видели, как эти взрослые мужчины умирали от пули, выпущенной их рукой. Авторитетов больше нет. И Бога нет больше тоже. Они готовы на все. В их мире нет ни жен-

щин, ни детей, ни стариков, ни больных, ни калечных. Есть только цели — потенциальные, опасные и неопасные.

Они встречаются в городских подземных переходах. Около моего метро каждое утро сидят трое. На троих — пять медалей, шесть костылей, два протеза и одна нога.

И ненависть тоже одна. Теперь ко всему миру.

Уже несколько лет они приходят сюда и поют песни. Всегда одни и те же. В одной и той же последовательности. Сначала «Небо кидало на землю горящие МиГи», потом «Чечню Червленую», «Умирали пацаны страшно», потом еще какие-то свои, никому не известные. Поют плохо, но им плевать на это.

Они ненавидят тех, для кого поют.

Они видят мир снизу. Не потому, что от тела осталась половина. Половина осталась от души. До заплыванного асфальта ближе, чем до лиц людей. И уже не хватает сил встать и войти в новую жизнь на пластмассовых ногах. Да и желания тоже уже нет. Эти молодые парни больше не хотят брать жизнь сходу.

Они хотят только одного — чтобы всегда была война, и чтобы в этой войне всегда были они.

Мы сидим на полу в переходе. На зашорканом мраморе стоит бутылка водки, солдатская кружка, валяется пачка сигарет, спички. Из всей «мебели» — туристический ков-

рик, маленькая подушка под задницу и магнитофон. Когда двое его товарищей уходят, он остается один и до самого вечера гоняет на магнитофоне единственную кассету — афганские и чеченские песни. На божья совсем не похож — чистый, гладко выбритый, аккуратно пострижен. Камуфляж выстиран и отглажен. Милостыню тоже не просит — на земле перед ним стоит маленькая кастрюлька, но она вроде как сама по себе. Кто хочет, кидает деньги, кто не хочет, проходит мимо. Ему плевать. Он не благодарит первых и не поносит вторых. Просто сидит, слушает музыку и курит. Он не здесь. Его колонна ушла пять лет назад, и он остался с ней.

Как его зовут, я не знаю. Да и какое это имеет значение. Он — мой брат. Они все — мои братья. Войной подаренные братья. Вся Москва в братьях. В каждом переходе они раньше были, как минимум, по одному.

Он заговорил первым.

— Где воевал-то, братишка?

Я сказал. Потом начал рассказывать он. Где, когда, как. Рассказал, как оторвало ногу — на бэхе попали в засаду, граната ударила в броню рядом с бедром. Сознание не терял, даже ногу свою оторванную видел — как она дергалась, словно у косяножки, и сапог шкрябал подковками по заклепкам. Я ни о чем не спрашивал, слушал молча. А он говорил. Спокойно, без истерики. Просто рассуждал о жизни.

— Я не понимаю этот мир. Этих людей. Зачем они живут? Для чего? Жизнь дана им с рождения, им не пришлось вырывать ее у смерти — живите, люди! Но на что они ее тратят? Может, они хотят придумать лекарство от СПИДа или построить самый красивый мост или осчастливить всех людей? Нет. Обмануть они всех хотят, заграбастать бабла побольше — ободрать страну, которая их вырастила. Вот и все. Столько пацанов погибло, настоящих пацанов, а эти играют своей жизнью, как котенком, и не понимают, зачем живут. Никчемные люди. Лишние. Целый мир лишних людей. Потерянное поколение, потерянное поколение... Это не мы потерянное поколение, это они, невоевавшие — потерянное поколение. Если бы их смерть могла воскресить хоть одного пацана, я бы убил их всех. Не задумываясь. Каждый из них — мой персональный враг.

Он прикуривает от бычка новую сигарету, наливает. И вдруг смеется — зло, резко, глаза вспыхивают ненавистью.

— Ты никогда не думал, что «Норд-Ост» — это расплата? «Трансвааль» — это расплата! Расплата за пир во время Чечни. Нельзя веселиться, когда в двух часах лету отсюда люди убивают людей! Там до сих пор дети умирают, понимаешь? Там голод, а они готовы потратить семьсот рублей на билет — на семью получается две тысячи — только чтобы потешить себя! На эти деньги ТАМ два месяца жить можно! Я контуженный, я не понимаю этого! До меня не доходит! На их земле идет война, а им плевать на это! В таком случае нам плевать на них. Мы пришли забрать свое. Мы будем убивать... Готовьтесь.

Его ненависть угасает так же мгновенно, как появилась. Глаза снова затянута пленкой безразличия.

— Везде полуправда, полуискренность, полудружба. Я не могу так — «полу». У них здесь, на гражданке, полуправда — это маленькая правда, у нас там, на войне, полуправда — это большая ложь. Столько пацанов погибло, а я выжил. Я все время думаю об этом — для чего? Они были лучше меня, но выжил я. Ведь не просто же так! Может, я выжил только для того, чтобы о нас помнили? Я — напоминание, — он опять зло смеется.

Я встаю. Молча. Оставляю ему курево, спички. Водку. Больше оставить нечего — только не деньги. Молча ухожу. Он даже не смотрит на меня. Я для него — один из «них». А значит, все, что я ни скажу — это полуправда.

Если б выжить мне довелось...

Говорят, что должно пройти от десяти до двадцати лет, чтобы о войне стали писать стихи. Временные

рамки соблюдены. Эта война рождала поэтов. Она же их и убивала.

Анатолию Ягодину, старшему лейтенанту внутренних войск судьба отмерила недолгий писательский век — чуть больше года, со штурма Грозного до весны девяносто шестого. С датой своей смерти Анатолий ошибся всего на две недели. Он погиб не в марте — в середине апреля. Под Ассиновской колонна, в которой ехал Ягодин, попала в засаду. Пуля пробила грудь и вышла из спины. Он жил еще пять минут. Успел сказать всего лишь две фразы: «Где мы? Остановите кровь...»

Кривде враг до последнего дня

12 июля 96-го на поле в Моздоке стояла колонна с «гуманитаркой» — БТР прикryтия и два «Урала».

— Приказываю совершить марш — Моздок-Малгобек-Карабулак-район боевых действий республики Чечня Ачхой-Мартановский район. Рота связи — со мной, на головную машину, наблюдение по сторонам и назад, — сказал полковник Котеночкин и первым взобрался на бэтер.

Рота связи — пять забитых донельзя мальчиков с автоматами — полезли за ним. Котеночкин кинул им на броню коробку с гуманитаркой: «Держите, пацаны, это вам предвыборный подарок от Ельцина». В коробке были конфеты в синих фантиках и лимонад.

Колонна тронулась.

Около КПП стоял солдат-душарик в бронике на голое тело и каске. У него был взгляд затравленной

собаки. Старшина кинул ему горсть конфет. Душарик завалил хвостом и вяло улыбнулся.

Колонна вышла на трассу и пошла в сторону Хребта. На головном БТРе наблюдал направо и назад командир отделения связи младший сержант Бабченко. Ветер вырывал из его рук синие фантики и прилеплял их на решетку идущего следом «Урала».

Колонна дошла до поворота на Малгобек и скрылась за зеленкой.

Она больше никогда не вернулась.

Мы воевали не с чеченцами или афганцами. Мы воевали со всей мразью этого мира. Мы дрались против кривды за добро и справедливость.

Каждый выпущенный в нас снаряд был выпущен в молодость этого мира, в веру в добродетель, в любовь и надежду.

В желание изменить эту жизнь. Каждый снаряд попадал прямо в наши сердца. Он разрывал не только тела, но и души, и под этим огнем наше мировоззрение рассыпалось в прах, и уже нечем было заполнить образовавшуюся внутри пустоту. У нас не осталось ничего, кроме самих себя. Все, что у нас есть — только наши товарищи. «Все, что мы знаем о жизни — это смерть.» Все, что мы любим — только наше прошлое, призрачный мираж в бушующем мире.

Мы проиграли эту свою войну и сейчас заливаем в лазаретах раны. Но мы остались живы. А это значит, что операция «Жизнь» продолжается. Будем врагами кривде до последнего дня. Новая колонна уже ждет у ворот КПП.

Все ли готовы к этому?

Продолжение следует...